

Секция X. Служебные единицы русского языка

Заметки о частице *даже*: градация и квазиградация

К. С. Акоюн

Ереванский государственный литературный университет им. В. Брюсова (Армения)

Частицы, семантика, прагматика, скалярная импликатура, градация

Summary. In this paper we analyse the functioning of *daže* (*even*) particle in gradational and quasigradational constructions.

В лингвистической литературе сформировалось определенное общее представление о семантико-прагматической структуре данной трехвалентной частицы:

1) [*Сегодня класс плохо подготовился к уроку.*] *Даже Иван получил двойку.*

Даже (Q, R, P), где Q – выделяемый (ядерный) элемент, R – (ассоциированное) множество однородных с Q и релевантных в заданном контексте элементов, на фоне которого Q выделяется, P – признак, на основании которого происходит это выделение:

а) ‘Q, входящий во множество R, обладает свойством P’ = ‘Иван (Q), входящий в коллектив класса (R), получил двойку (P)’;

б) ‘в R существует элемент(ы) Q’, отличный от Q, такой, который тоже обладает свойством P (или мог бы им обладать)’ = ‘в классе есть другие ученики – некоторые Q’, отличные от Ивана, – которые тоже получили (или могли получить) двойку’;

в) ‘можно было с меньшим основанием ожидать того, что Q обладает свойством P, чем того, что свойством P обладает Q’, при том, что актуализированная пропозиция с точки зрения семантико-прагматической значимости «больше» ожидаемой, а ядерный элемент обозначает (относительно) максимальный, «верхний» предел ассоциированного множества по заданному интегральному признаку’ [в утвердительном контексте] ≈ ‘можно было с меньшим основанием ожидать того, что Иван получит двойку, чем того, что ее получают другие ученики (Q’)’;

г) ‘говорящий не ожидал того, что Q обладает свойством P’ = ‘говорящий не ожидал того, что Иван получит двойку’.

Пункт (в) – скалярная импликатура – семантико-прагматическое толкование *даже* эксплицируется на синтаксическом уровне в градационных конструкциях, каноническая структура которой выглядит следующим образом: а, в и **даже** с:

2) *Конечно, почтмейстер и председатель и даже сам полицеймейстер, как водится, подиучивали над нашим героем...* (Гоголь).

Исследование градационных отношений, оформляемых частицей *даже*, обнаружило две различные их разновидности – собственно градацию и квазиградацию. Разница между ними заключена в принципе образования ассоциированного множества. Собственно градационные отношения наличествуют уже на лексико-семантическом уровне, еще до экспликации в градационной цепочке, в то время как квазиградация устанавливается самой частицей и лишь опосредованно зависит от лексического значения сопоставляемых компонентов. Квазиградационные отношения мы наблюдаем в примерах (3–5), а собственно градационные – в (6–8):

1) *Раздался смех и даже ругательства.* (Достоевский).

2) *Для милого, для обожяемого человека продаст! <...> Все продаст! <...> свободу, спокойствие, даже совесть, все, все на толкучий рынок снесем. Пропaday жизнь!* (Достоевский).

5) *Такие личности... могут сделаться чем угодно: пропойцами, попрошайками, шутами и даже преступниками.* (Салтыков-Щедрин).

6) *Первоначально он отнесся ко мне неприязненно и даже оскорблял меня.* (Булгаков).

7) *Чичиков, будучи человек весьма щекотливый и даже в некоторых случаях привередливый, <...> только помарщивался да стравивал головою...* (Гоголь).

8) *При этом неуместном и даже, пожалуй, хамском вопросе лицо Аркадия Аполлоновича изменилось...* (Булгаков).

Множество R при квазиградационных отношениях образуется либо 1) из разнородных по своей природе элементов, ассоциативно объединенных благодаря актуализации в конкретном высказывании определенного коммуникативно значимого признака в качестве интегрального (примеры 3, 4); либо 2) оно состоит из (относительно) однородных и релевантных в данном контексте элементов, однако ранжируемых в соответствии с индивидуальной нормативно-ценностной картиной мира говорящего (пример 5). Зачастую эти аспекты квазиградации сочетаются. В зависимости от изменения целеустановки говорящего или смены говорящего в процессе коммуникации расположение элементов при квазиградации может изменяться. Отношение между сопоставляемыми компонентами при квазиградации можно сформулировать как: «а» и даже «в», где «в» не исключает «а» и по степени проявления коммуникативно актуального признака «больше», чем «а». В квазиградационных примерах с элиминацией частицы *даже* отношение градации чаще всего утрачивается.

В собственно же градационных конструкциях отношение между Q’ и Q можно передать следующим образом: «а» и даже «А», где «А» семантически включает (или может включать) «а» и вносит в него поправку, уточнение за счет усиления, нарастания лексически зафиксированного в языке эмоционально-оценочного значения: *относиться неприязненно и даже оскорблять (человека); щекотливый и даже привередливый (человек); неуместный и даже хамский (вопрос)*. Перестановка элементов Q’ и Q местами приводит к аномалии: **оскорблять и даже относиться неприязненно, *привередливый и даже щекотливый, *хамский и даже неуместный*. В то же время элементы Q’ и Q при квазиградационных отношениях могут подвергаться этой «метатезе», правда, с неизбежным изменением смысла высказывания. Ведь при квазиградационных отношениях, генерируемых частицей *даже*, часто речь идет о некотором субъективном видении мира: интерпретация градуируемых элементов этих высказываний обусловлена той специфической моделью нормативно-ценностной картины мира и, в частности, моделью текущей – соответственно уникальной – ситуации, которая закодирована в них языковыми средствами говорящим; соотношение градуируемых компонентов носит в них не семантический (в узком смысле), а прагматический характер. С этой точки зрения особенно интересны примеры (4) и (5). Пример (4) непосредственно отражает нормативно-ценностную картину мира Ф. М. Достоевского: понятие нравственного выбора, совести является краеугольным камнем в его мировоззрении. Для сравнения допустим, что данный отрывок произносится лермонтовским героем, Печориным (или другим персонажем романтической литературы – байроновским, раннего Пушкина...). Несомненно, «кульминационным» элементом градации стала бы «свобода» (Ср.: *«Я готов на все жертвы, кроме этой; двадцать раз жизнь свою, даже честь поставлю на карту... но свободы моей не продам»* (Лермонтов)). В примере же (5) хоть и актуализируется общепринятая система деонтических норм (крайний элемент – «преступник»), однако можно прогнозировать еще три потенциально возможных «ранжира» заданных градуируемых элементов, в которых максимально нарушающими норму элементами будут «пропойца», «пропойца» и «шут». Эти гипотетические высказывания будут отражать, соответственно, три другие, возможно нестандартные, картины мира разных говорящих.

К вопросу о текстовой парадигме предложных единиц. Сочетаемость предложных единиц с анафорическими местоимениями

В. В. Андреевская

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Предлоги, анафора, текстовая парадигма

Исследованы вопросы **текстовой парадигмы предложной единицы** – то есть особенности функционирования предложной единицы в тексте. В частности, рассмотрены закономерности функционирования предложных единиц в связи с явлением **анафоры**. Определенная конституция обуславливает замену управляемого предлогом существительного на анафорическое местоимение, например: *Я подошел к дому, но войти в него не стал*. Однако, с одной стороны, такая замена возможна далеко не всегда (Ср.: **Завтра среда, а в нее у меня семинар*), а с другой стороны, в тех случаях, когда замена возможна, говорящий выбирает между разными типами местоимений. В этой связи, предложные единицы можно разделить на следующие группы:

1. Предложная единица не способна принять анафорическое местоимение, тогда в качестве средства выражения анафоры выступает:

1.1. Лексический повтор: *Завтра среда, а в среду у меня лекция*.

1.2. Описание: *Завтра среда, а в этот день у меня лекция*.

2. Предложная единица может сочетаться с анафорическими местоимениями, в качестве которых могут выступать:

2.1. Личные местоимения: *Он взял портфель и достал из него пачку денег*.

2.2. Притяжательные местоимения: *Взял нож и с его помощью открыл банку*.

2.3. Определительные / указательные местоимения: *Нужен эксперт и в этом качестве пригласили Иванова*.

В процессе работы анализировались примеры употреблений предлогов с анафорическими местоимениями, найденные с помощью поисковых систем интернета. Анализ конкретного материала показал, что на возможность / невозможность употребления предлога в сочетании с анафорическими местоимениями влияют следующие факторы:

1. Тип предложной единицы

2. Принадлежность антецедента к определенной лексико-семантической группе.

Индивидуальные особенности данной предложной единицы.

Соответственно, можно выделить:

1. Закономерности, связанные с типологической принадлежностью предложной единицы.

Проиллюстрируем данный пункт на примере группы **отыменных предложных единиц с постпозицией первообразного предлога, управляющих Np** (напр., **без помощи** кого-чего, **в ареале** чего, **в бытность** кого-чего, **в виде** чего).

Для таких предлогов характерно, что чем менее десемантизированной является предложная единица (то есть чем в большей степени она сохраняет связи с тем существительным, от которого образовалась), тем менее характерны для нее сочетания с личными местоимениями, и тем более естественны сочетания с притяжательными и указательными / определительными местоимениями. Например, для аналога предлога **«в ареале** чего» не найдено употреблений с личными местоимениями, зато возможны сочетания с притяжательными, например: *Именно интеллектуальная элита формирует твердое «антивластное ядро» и вовлекает в его ареал все новых сторонников, поскольку обладает исторически сложившимися возможностями транслировать свои установки в другие социальные группы* (Инт.). В то же время для собственно предлогов этой группы (например, **без помощи** кого-чего, **в ведении** кого, **в виду** кого-чего, **в виде** чего) сочетания с личными местоимениями довольно частотны, например: *Армия сделала из меня мужчину, хотя я бы предпочел сделаться им самостоятельно, без помощи нее*.

2. Закономерности, связанные с принадлежностью антецедента к определенной лексико-семантической группе.

Так, предложные единицы, служащие для выражения категории именной темпоральности и именной статальности, как правило, не выступают в сочетании с анафорическими местоимениями. Например: *Прошло два часа. *В течение них я безуспешно пытался дозвониться до посольства*. (Ср.: *В течение этого времени я безуспешно пытался дозвониться до посольства*).

Функционирование модальных слов в причинных конструкциях с союзом *а то*

Л. М. Байдуж

Тюменский государственный университет

Конструкции «мотивации от противного», модальные слова, системные отношения

Summary. The report considers conditions of the use of modal words in structure of causal constructions with the conjunction «а то»: undesirability of the predicted event which is put forward as motive and uncontrollability of that event by speaking person. There is also determination of parameters predetermining the system relations in group of those words and distribution of functions between them.

Модусный аспект семантики причинных конструкций исследован недостаточно, хотя общеизвестна роль модальных слов в разграничении двух разновидностей их содержательной структуры: значений собственно-причинной зависимости и логического обоснования. Наблюдающийся в последние десятилетия «кислородный бум» в области описания семантики разнообразной незначительной и полужнаменательной «дискурсивной» лексики делает возможным постановку задач, связанных с описанием модусной организации отдельных участков «поля причинности», границы которых определяются лексико-грамматической природой отдельных показателей причинно-следственных отношений или групп этих показателей. Определяя место в этом поле конструкций с союзом *а то*, необходимо учитывать, что они имеют две разновидности: 1) предложения мотивации «от противного» и 2) предложения «прямой мотивации» [2, 14]; см. также: [4] (ср. у Е. А. Филатовой, соответственно, предложения «со смысловыми отношениями порождающего контраста» и предложения «с причинно-следственными отношениями»), в которых она различает две омонимичные единицы: *а то₁* и *а то₂* [6, 168, 172]). Примерами конструк-

ций мотивации «от противного» (с союзом *а то₁*) являются (1) *Ты, Дмитрий, не ругайся с ней, а то она хуже невзлюбит* (В. Шукшин. Чудик); (2) *А вот тебе точно пить больше не надо, а то в самолет не пустят* (Е. Гришковец. Планка); (3) *А все же хорошо, что я мужчина: а то меня колола бы цетина* (В. Вишневский); (4) *Жаль, что я не художник, а то бы я с вас картины писал* (Братья Вайнеры. Эра милосердия), а конструкция «прямой мотивации» – (5) *Марья Ильинична, будьте так добры, попросите вашего папашу, чтобы он распорядился отвязать собаку, а то она воеет* (А. Чехов. Чайка).

Во второй части предложений «мотивации от противного» «называется нежелательное или, напротив, желательное явление, которое могло бы осуществиться, если бы не произошло явления, названного в первой части» [2, 14–15], т. е. в них «явление мотивируется указанием на возможные последствия его неосуществления» [3, 714]. Заметим, что «желательным», т. е. положительно оцениваемым говорящим, явление, выдвигаемое в качестве мотива, может быть только тогда, когда модальность второго компонента является ирреальной, выраженной с помощью формы сосла-

гательного наклонения (пример (4); ср. в этом же случае (3)). В этих случаях мотивируется оценка, и негативный / позитивный характер приводимой мотивировки четко скоррелирован с соответствующей характеристикой мотивируемого, ср.: «хорошо, что..., а то было бы плохо»; «плохо / жаль, что..., а то было бы хорошо» (см. об этом также: [4]). Именно те конструкции мотивации («от противного»), в которых модально-временной план вводимого союзом *a to* компонента Indicativus Futurum (примеры (1)–(2)), оказываются «проницаемыми» для лексических единиц модусной семантики, поскольку содержание этого звена конструкции «всегда представляет собой результат некоторой мыслительной операции, а именно выражение предположения высокой степени вероятности» [6, 168], причем в каждом случае прогнозируется и превосхищается негативный, опасный для жизни, здоровья, интересов или эмоционального комфорта предоставляемого (или предусмотрительно действующего самостоятельно) лица фактор. Исключение составляют контролируемые говорящим, т. е. зависящие от его воли, ситуации: в описывающих их высказываниях модальные слова не употребляются; ср.: (6) *С котами нельзя! Брысь! Слезай, а то милицию позову!* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Встретившиеся в рассматриваемом материале модальные слова могут быть сгруппированы по целому ряду параметров, отражающих системные отношения, в которые они вступают в рамках *a to*-конструкций. Наиболее очевидным является противопоставление по степени вероятности наступления превосхищаемого события: она ниже, если употреблены слова *боюсь, вдруг, гляди, глядишь, еще, наверно, не ровен час, пожалуй, чего доброго, черт весть*, и повышается при вхождении модусных единиц *вот-вот, наверняка, непременно, обязательно, того и гляди, точно*. Два показателя – *избави боже* и *не дай бог*, по-видимому, остаются за рамками данного деления. Таким образом, очевидно, что эти модальные слова так или иначе модифицируют «предположение высокой степени вероятности», специфичное для союза *a to*. Ср.: (7) *Ладно, хватит об этом, а то вдруг Вам будут скучны мои рассуждения* (В. Кондратьев. Привет с фронта) и (8) *Девочки пицчат, ахают; Мими кричит, чтобы я ушел, а то меня непременно раздавят* (Л. Толстой. Отрочество).

Другое основание для их противопоставления – наличие / отсутствие в их семантике отрицательной оценки: нейтральными, употребляющимися при введении информации и положительного, и отрицательного свойства, являются

слова *вдруг* (см. об этом: [5], [1]), *глядись, пожалуй, наверно, вот-вот, наверняка, непременно, обязательно, точно*, остальные дополнительно оттеняют негативный характер мотива, вводимого союзом; ср.: (9) *Фандорину показалось, что он уснул и видит чудесный сон. Тут главное – не шевелиться, а то не дай Бог проснешься* (Б. Акунин. Азаль). Некоторые из рассматриваемых единиц могут употребляться «в комплекте», т. е. являются совместимыми (возможны сочетания: *а то еще, Боже избави; а то еще, чего доброго; а то еще, не ровен час; а то – гляди – еще*), в то время как другие – взаимоисключающими. Так, несовместимы *еще* и *того и гляди*, что говорит об их антагонистичности, связанной, по-видимому, с фактором времени: *того и гляди* употребляется, когда речь идет о событии, наступление которого может ожидаться (или ожидается) в ближайшем времени, тогда как *еще* означает простую потенциальность события, которого следует избежать. Несовместимыми являются *чего доброго* и *не ровен час* (встречается и написание *неровен час*), но обусловлено это уже характеристиками самого события: его отнесенностью к явлениям, связанным с жизнью, здоровьем человека и другими важными моментами бытия, так что об этом лучше бы вслух и не говорить (и тогда может быть употреблено модальное слово *не ровен час*), или же имеет более сниженный статус, в связи с чем уместно употребление модального сочетания *чего доброго*, которое часто вносит ироническое, насмешливое отношение к предсказываемому факту.

Литература

1. Байдж Л. М. Причинные конструкции со скрепами *вдруг, а вдруг* // Виноградовские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 23–24 ноября 2005 г. Тобольск, 2005. С. 27–28.
2. Белошапкина В. А. Предложения альтернативной мотивации в современном русском языке // Исследования по современному русскому языку. М., 1970. С. 13–23.
3. Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1970.
4. Колосова Т. А. Русские сложные предложения асимметричной структуры. Воронеж, 1980.
5. Степанова Е. Б. Частицы со значением предположительности // Парадигматика в лексике и словообразовании. Красноярск, 1987. С. 76–82.
6. Филатова Е. А. Семантические и конструктивные возможности лексемы А ТО // Традиционное и новое в русской грамматике. Сборник статей памяти Веры Арсеньевны Белошапкиной. М., 2001. С. 167–175.

О соотношении номинативного и коммуникативного в значении слова. На примере русского «тут» (Материалы к словарю коммуникативных средств)

М. Г. Безяева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Язык обладает двумя различными функционально-семантическими системами, номинативным и коммуникативным уровнями. Если номинативный уровень предназначен для передачи информации о действительности, преломленной в языковом сознании говорящего, то в задачи коммуникативного входит отражение соотношения позиций говорящего, слушающего, а также оцениваемой и квалифицируемой ими ситуации.

Коммуникативный уровень организуется понятием целеустановки, понимаемой как языковой тип воздействия говорящего на слушающего (третье лицо), ситуацию или самого говорящего либо отражение воздействия ситуации, слушающего или самого говорящего на говорящего. Каждой целеустановке соответствует вариативный ряд конструкций, обладающих особенностями коммуникативного значения. Значения коммуникативных конструкций формируются взаимодействием коммуникативных средств языка. При этом средства имеют инвариантные коммуникативные параметры, которые подчиняются алгоритму их развертывания. О данных понятиях см. подробнее [1].

Однако противопоставленность упомянутых уровней еще не говорит об отсутствии связей между их единицами и семантикой. Мы остановимся на одном из типов связи номинативных и коммуникативных значений.

Язык располагает двумя группами средств формирования коммуникативного уровня. 1) С одной стороны, это специальные средства формирования коммуникативных целеустановок и соответствующих им конструкций, средства, первичной функцией которых является связь с этой системой языка, например, наклонения, частицы, междометия, порядок слов, ряд собственно синтаксических приемов, интонация, а также ряд сегментных средств, не выполняющих фонологических функций в рассматриваемом языке. 2) С другой стороны, это такие средства, первичной функцией которых является формирование диктумного, номинативного содержания, которые могут, тем не менее, участвовать и в формировании значений коммуникативного уровня. Это касается частей речи и их грамматических категорий, например, вида, времени, рода, числа, падежа; словоформ полнозначных лексических единиц – базовых членов ЛСГ и т. д.

В последнем случае в истории лингвистики данная проблема трактовалась как переход полнозначных слов в частицы, что связывалось с приемом десемантизации и выдвигало на первый план потерю словом номинативного содержания. Вопрос о приобретаемых значениях и механизмах их реализации долгое время оставался открытым [2]. Однако, как показывает анализ коммуникативной семанти-

ки, это явление значительно сложнее. Дело в том, что констатация перехода слова в другую часть речи, в частности в частицу, являлась лингвистической попыткой, в данном случае на морфологическом уровне, отразить включение слова в конструкцию, формирующую коммуникативное значение, выход единицы на коммуникативный уровень. Причем единица может не переставать выполнять и номинативную функцию, осложняясь коммуникативными параметрами, а может и терять номинативное содержание, сохраняя те же коммуникативные параметры. Таким образом, часто две разные единицы для исследователя, смотрящего на них с точки зрения выполнения ими номинативной функции, являются одной единицей на коммуникативном уровне, так как имеют идентичные коммуникативные параметры. Отсюда две единицы, занимающие разные синтаксические позиции и имеющие разную частеречную принадлежность, могут обладать едиными коммуникативными параметрами, единым «коммуникативным корнем». Это во многом объясняет констатацию лингвистами сложности разграничения полнозначных слов и частиц, частиц и местоимений на уровне морфологии, объяснить причину чего помогает анализ коммуникативной семантики.

При этом в разных группах полифункциональных слов могут возникать разные типы отношений. Так, как мы уже показывали в ряде работ при анализе группы собственно полнозначных слов – базовых членов ЛСГ (например, *просто*, *прямо*, *больно*), может актуализироваться вопрос о номинативной мотивированности коммуникативных значений, т. е. быть представлен семантический вектор «номинативное → коммуникативное», заявленный в диахроническом плане В. В. Виноградовым, но понимаемый в нашей работе в собственно синхронном, системно-семантическом плане. Данные средства, выходя на коммуникативный уровень, либо актуализируют осложняющие их коммуникативные параметры, либо получают иные, но вполне понятные по «семантическому шагу», в определенной степени выводимые из номинативных характеристик коммуникативные инвариантные параметры значений. В большом количестве случаев мы довольно легко можем проследить семантическую связь этих двух разных возможностей средств, воспользовавшись номинативными «подсказками» коммуникативных значений. Причем коммуникативные параметры могут формироваться как на основе базовых семантических характеристик, присутствующих в семантике слова, так и на фоновых, второстепенных, но существенных, на коммуникативном уровне, способных выразить необходимые ему смыслы, отражающие соотношение позиций говорящего, слушающего и ситуации.

Однако, как показывает семантический анализ, возможен и другой тип взаимосвязи, что, как нам представляется, связано со спецификой групп средств. На примере русского *тут* мы продемонстрируем наличие семантического вектора «коммуникативное → номинативное», единство коммуникативного и номинативного, исходящее из ведущей роли коммуникативных параметров, которые могут иметь номинативное «прояснение», т. е. речь пойдет о коммуникативной предопределенности функционирования единицы, в том числе на номинативном уровне. Отметим, что в лексикографической практике семантическое описание таких слов часто дается в одной словарной статье, однако при полном разрыве описания номинативных и коммуникативных значений (например, значения наречия и частицы). Семантический анализ показывает наличие единых коммуникативных параметров во всех случаях функционирования слова. Так, если *здесь* – это номинативное обозначения места, либо времени, то *тут* даже при сохранении номинативного содержания актуализирует не столько место и время, сколько и место и время, а точнее обстоятельство, в которых находится говорящий (по алгоритму слушающий и т. д.).

Иначе говоря, коммуникативные характеристики *тут* актуализируют **параметр отсылки к обстоятельствам**, связанным с личной сферой говорящего или кругом его неочуждаемой принадлежности и, следующий шаг, к собственно личной сфере говорящего. Отсюда **параметр соответствия / несоответствия интересам говорящего**. Кроме того «тут» связано со знанием говорящим обстоятельств, в которых он находится, отсюда **параметр знания, большего уровня компетентности**. Параметр знания типично связан с параметром **знания нормы** как того, что хорошо знакомо, известно говорящему. Отсюда возможность актуализации

значения **контролируемости / неконтролируемости** обстоятельств. Использование русского *тут* маркировано **интимизацией регистра** общения. Но интимизация – это регистровая характеристика, вытекающая из семантики, связанной с личной сферой. Именно эти семантические коммуникативные параметры предопределяют функционирование *тут* как в собственно коммуникативной, так и в номинативной функциях. Однако при реализации этого значения из обстоятельств, в которых находится говорящий, номинативный контекст может вычленять более частные номинативные характеристики, актуализирующие место и время, при сохранении общих коммуникативных параметров, связанных с личной сферой говорящего и компетентностью.

При этом русское *тут* подчиняясь алгоритму развертывания может иметь следующие типичные реализации инвариантных параметров: затронутость личной сферы говорящего небенефактивными / бенефактивными обстоятельствами (конструкции скорби, жалобы, недовольства, гордости), затрагивание личной сферы слушающего (извинение); отстаивание, защита личной сферы (пояснение, требование); включение / невключение слушающего, третьего лица в личную сферу говорящего (в структурах пояснения, доводов, возмущения, сочувствия, убежденности; презрения), противопоставление, расхождение личных сфер говорящего и слушающего, третьего лица (в том числе затронутости личной сферы обстоятельствами, созданными социумом), противопоставление бенефактивности обстоятельств для одного и небенефактивности для другого, контраст личных представлений собеседников о норме, война, столкновение личных сфер. При расхождении позиций часто возникает эффект недопуска в личную сферу. Расхождение личных сфер часто сопровождается расхождением в представлении о нормах поведения (конструкции досады, обвинения, отказа, обиды, жалобы, возмущения, осуждения). При этом, так как отклонение от нормы создает обстоятельства, нарушающие личную сферу говорящего, он часто пытается либо сохранить норму развития ситуации, либо привести ситуацию к норме, изменив позицию собеседника (в структурах раздраженного требования). В то же время расхождение личных сфер, заложенное в одной из реализаций параметров *тут*, может выражаться не в отстаивании своей сферы, а в подчинении ее позиции собеседника, что отражается, например, в структурах самоуничужения. Русское *тут*, реализуя коммуникативные параметры, регулярно используется и в случае неконтролируемости обстоятельств, что оказывает влияние на личную сферу говорящего. Данная реализация типична при формировании конструкций недоумения, возмущения, жалобы, досады. Еще одной реализацией параметров *тут* является актуализация параметров знания и компетентности говорящего, так как никто не знает обстоятельство лучше, чем тот, кто в них находится. Этот параметр приводит к активному функционированию *тут* в конструкциях различного рода целеустановок, где он становится ведущим, например совете, наставлении, пояснении и объяснении, уговаривании, возражении, полемике. При антонимическом развертывании параметра знания, а точнее на фоне него – в удивлении. Типично и присутствие *тут* с параметром расхождения уровней компетентности и превалирования знаний говорящего в презрении, насмешке.

Таким образом, полифункциональность местоименных слов, в том числе и местоименных наречий, явление не только регулярное, но и обязательное. Причина этого – ведущая роль коммуникативных параметров, определяющая семантику и функционирование данных единиц. При этом главным в полифункциональности является не потеря словом того или иного номинативного содержания, а осложнение этих единиц инвариантными коммуникативными параметрами, общими для частицы и наречия, в любом их употреблении, что в коммуникативном плане делает их единой единицей. При этом полифункциональность связана не только и не столько со способностью слов иметь номинативное или коммуникативное значение (коммуникативное в этих единицах инвариантно), но с подчинением коммуникативных параметров, присущих этим единицам в любой их функции, алгоритму развертывания, что и дает массу реализаций.

Литература

1. Безяева М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002. 756 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972. С. 573.

К вопросу о грамматике русского предлога: конверсия

Е. Н. Виноградова, В. Л. Чекалина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Предлог, функционально-коммуникативная грамматика, конвертируемость, семантико-парадигматические отношения

Summary. The report is aimed to study the phenomenon of conversion within the sentence level and to examine how different types of prepositions and prepositional units function converting the sentence.

Данное исследование выполнено в рамках межнационального проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис». Дадим определение того, как мы понимаем, что такое предлог, поскольку оно отличается от традиционного академического подхода к этой части речи. Предложными мы считаем единицы, которые во-первых, употребляются в функции предлога, а во-вторых, они обладают особым, служебным, «неполнозначным» типом значения. Следовательно, под такое определение попадают не только предлоги, не имеющие частеречного омонима (*в, на, за*), но и другие единицы, которые в определенных контекстуальных условиях имеют предложное употребление (*аналогично, без ущерба, в компании*) [8].

Оба типа предложных единиц встроены в сложную систему семантико-парадигматических отношений. Наши исследования [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9] показали, что мы можем говорить по крайней мере о шести типах семантико-парадигматических отношений между предлогами. Первый тип отношений мы называем **семантической парадигмой**. Под семантической парадигмой мы понимаем ряд предложных единиц, образованных от одной лексемы и объединенных системными семантическими связями: *в глубине чего – в глубину чего – из глубины чего; без сопровождения кого – в сопровождении кого – с сопровождением кого – при сопровождении кого; в пределах чего – в пределах чего – из пределов чего – вне пределов чего – за пределами чего; в границах чего – в границы чего – из границ чего; в борьбе с кем – в борьбу с кем*. Второй тип отношений – **текстовая парадигма** – понимается как парадигма присоединяемых к предлогу текстовых компонентов при выражении различных категориальных значений. При формировании этой парадигмы учитывается возможность / невозможность сочетаемости предлога с анафорическими местоимениями (*вышел из леса – вышел из него; пришел из жалости – *из нее*), возможность / невозможность 0-формы анафоры (*чай с сахаром или без; Случайно встречаясь с ними на улице или в институте, я сдержанно здоровался и проходил мимо* (Искандер) → 0-форма анафоры *мимо них*). Сравните невозможность конечной позиции для предлогов: *с помощью или в области*), возможность сочетаться с прилагательным – именем актанта (*в условиях севера – в северных условиях, из соображений приличия – *из приличных соображений*).

Следующие четыре типа семантико-парадигматических отношений – это **отношения синонимии, антонимии, омонимии и конверсные отношения**.

В настоящем докладе мы остановимся только на последнем типе семантико-парадигматических отношений между предложными единицами, а именно на явлении **конверсии**.

При работе над материалами к словарю «Предлоги и средства предложного типа в русском языке. Функционально-коммуникативные аспекты реального употребления» перед участниками проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» с неизбежностью встал вопрос о выделении необходимого и достаточного элемента для адекватного словарного представления предложной единицы. Так, было решено (по крайней мере, для аналогов предлогов) выделять в отдельную статью каждое значение аналога. При этом авторы руководствовались тем, что для разных значений синтагматические и парадигматические связи различаются, как и некоторые другие характеристики. Подобный подход выявил целый ряд интересных системных особенностей предложных единиц. Так, оказалось, что в сфере предлога можно говорить о конверсии.

Наряду с понятием лексических конверсивов [2], [10], [1], выделяется и категория синтаксической конвертируемости [11], понимаемая как изменение направления отношений между участниками одной ситуации [11], [Всеволодова 2000]. Под конвертируемостью мы понимаем способность

предложения изменять при трансформации направленные отношения между присказуемыми или присвязочными компонентами, из которых одно обязательно подлежащее. Применительно к предложным единицам мы можем говорить о том, что они находятся в отношении конвертирования, когда при одном и том же предлоге в рамках описания одной и той же или аналогичной ситуации стоят имена разных участников этой ситуации. Ср.: *Мы действуем на основе инструкции* ⇔ *В основе наших действий – инструкция. Вертолет находится в видимости танка.* ⇔ *Танк находится в видимости вертолета.*

Нами был выявлен ряд ограничивающих факторов, при функционировании которых конверсные отношения невозможны, в частности, влияние категории одушевленности / неодушевленности: *Груз всегда находится в видимости водителя* (Инт.); **Водитель находится в видимости груза*. (Ср. *Добавление или извлечение файлов из архива производятся аналогично копированию – Копирование производится аналогично добавлению или извлечению файлов из архива*). Отметим, что существуют два предлога *в видимости* (*в видимости₁* кого-чего (Np) и *в видимости₂* кого-чего (Np)), которые могут выступать в конверсных отношениях по отношению друг к другу и, следовательно, имеют разную атрибуцию [8], [9].

В предложении *Груз всегда находится в видимости водителя* после предлога находится субъект зрительного восприятия. Другими словами, субъект находится *в видимости₁* объекта и объект находится *в видимости₂* субъекта. *В видимости₂* требует лицо после себя (субъект после предлога), а *в видимости₁* требует лицо «перед собой» (субъект не после предлога) и объект после предлога. Если после предлога *в видимости₁* появляется лицо, то возможна омонимия: *Используете ли Вы ремни безопасности? – Только в видимости представителей ГИБДД* (Инт.); ‘Я использую ремни безопасности, только когда я вижу сотрудников ГИБДД или когда сотрудники видят меня’. Омонимия возможна, когда и субъект и объект зрительного восприятия являются лицами.

Таким образом, конверсные отношения в сфере категории предлога имеют целый ряд особенностей, одной из важнейших, на наш взгляд, является системное отсутствие эксплицитно выраженных смысловых показателей, указывающих на вектор отношений (омонимия конверсных форм). Ср.: лекс. конверсия: *Петя продал Васе книгу – Вася купил у Пети книгу*; синт. конверсия: *Рабочие строят дом – Дом строится рабочими*; конверсия в рамках категории предлога: *Танк в видимости вертолета – Вертолет в видимости танка*. Отметим, однако, что подобная омонимия далеко не обязательна: *профессор во главе экспедиции, экспедиция во главе с профессором*.

Отметим, что это наши первые наблюдения относительно конверсивов на уровне грамматики предлогов. Дальнейшее изучение данного вопроса кажется нам весьма актуальным.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Том I. М., 1995.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка, М., 1955.
3. Всеволодова М. В., Клобуков Е. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. К основам функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2003. № 2.
4. Виноградова Е. Н., Чекалина В. Л. Морфологическая синонимика предлогов // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс русистов-исследователей. Труды и материалы, М., 2004.
5. Виноградова Е. Н., Чекалина В. Л. Русские предложные единицы (предлоги и их эквиваленты). Синонимия и антонимия // Язык, сознание, коммуникация / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов, Вып. 26. М., 2004.

6. Виноградова Е. Н., Чекалина В. Л. Семантическая парадигма русских предлогов // Международное образование: итоги и перспективы. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию юбилею Центра международного образования МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2004.
7. Виноградова Е. Н., Чекалина В. Л. К вопросу о грамматике русского предлога. Статья 1. К вопросу о грамматике русского предлога. Первые результаты. Понятие парадигмы предлога // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2004. № 5.
8. Всеволодова М. В., Виноградова Е. Н., Клобуков Е. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А., Чекалина В. Л. Материалы к словарю

- «Предлоги и средства предложного типа в русском языке. Функционально-коммуникативные аспекты реального употребления». Выпуск 1. Словарные статьи в алфавитном диапазоне А–И. Алфавитный реестр предложных единиц русского языка в алфавитном диапазоне К–Ю (в печати).
9. Виноградова Е. Н., Чекалина В. Л. К вопросу о грамматике русского предлога. Статья 2. Синонимия, антонимия предложных единиц. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2006. № 2.
10. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
11. Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М., 1973.

«Возможность» – «вероятность» – «предположение»: аспекты смыслообразования

М. А. Винокурова

Барнаульский государственный педагогический университет

Одной из центральных проблем исследования языка является проблема категориального статуса смысла языковых выражений. От решения этой проблемы зависит не только построение общей теории языка как средства формирования и передачи информации, не только научное объяснение понимания языка, но и выявление места языка в процессе познания мира (связи мысли, языка и мира), построение концептуальной картины как системы мнений и знаний человека о мире, отражающей его познавательный опыт на языковом и языковом уровне.

«Смысл» – сложное явление, которое считается как бы общеизвестным, поскольку постоянно фигурирует как в научном, так и в бытовом общении. На самом деле он не только не имеет строгого общепринятого определения, но и на описательном уровне существует большой разброс суждений о том, что это такое. Иногда допускается, что смысл принадлежит к тем наиболее общим категориям, которые не подлежат определению и должны восприниматься как некоторая данность.

На современном этапе изучения явления «предположение» наблюдается интеграция точек зрения исследователей из различных областей знания. Обнаруженные нами попытки дефиниции понятия «предположение» представляют собой лишь описание значения конкретной структуры. Поэтому, за неимением удовлетворяющего требованиям полноты и однозначности определения мы считаем целесообразным привлечение понимания термина «предположение», принятого в логике: «**Предположение** – положение, которое временно принимается за возможно истинное, пока не будет установлена истина» [1, 413]. Таким образом, исходя из этого определения, мы полагаем, что предположение базируется на возможном положении дел в действительности.

Предположение двойственно по своей природе. С одной стороны, – это понятие исходит из логических явлений вероятности и возможности осуществления события в реалии; с другой, – предположение – самостоятельный компонент смысловой организации языковой деятельности. Возможность как базовый логический смысл и предположение при наличии в семантике ряда общих черт нельзя отождествлять, так как они имеют разную природу и служат для обозначения разной степени достоверности факта. Действительно, «предположение исходит из возможности, но, тем не менее, не есть сама возможность» [2, 252]. Предположение в отличие от возможности всегда субъективно. Оно преломляется через «я» индивида. В то время как возможность зависит не столько от субъективного фактора, сколько от условий, которые существуют в объективной реальности. Это то, что может стать фактом действительности при реализации определенных условий, которые могут повлиять на характер отношений между субъектом и предикатом суждения.

Понятие «предположение» носит логический характер и исходит из возможности, это определяется тем, что предполагать можно то, что возможно. Но предположение тем самым не есть возможность. Эти две сущности различны по своему характеру. **Возможность** – это то, что при «определенных условиях может стать действительным или может быть мыслимо как действительное» [3, 73]. Следовательно,

возможность связана с объективной тенденцией развития события (по терминологии Н. И. Кондакова «объективная возможность» [1]). В то же время на характер отношений между субъектом и предикатом суждения могут повлиять некоторые условия, которые имеют непосредственное отношение к говорящему. Например, *Это, должно быть, самый маленький институт в стране; на всех пяти курсах нас, студентов, шестьдесят два человека* (В. Тендряков). В данном случае «возможность» реализуется с помощью модального выражения **должно быть**. Трансформируем приведенное высказывание – *Это самый маленький институт в стране; на всех пяти курсах нас, студентов, шестьдесят два человека*. Возможность носит предположительный характер, основанный на объективных условиях создания речевой ситуации в действительности. Ср., например, *Жила бы мать дальше – я бы, наверное, кончила Консерваторию и вышла бы неплохим пианистом – ибо данные были* (М. Цветаева). Данное высказывание не поддается методу трансформации. Выбор языковых средств зависит от мотивации говорящего. Условия носят субъективный характер, здесь заключен смысл предположения, основанный на субъективной возможности осуществления действия в реальности. Таким образом, «возможность» является центральной логической категорией, формирующей смысл «предположение».

Параллельно с понятием «возможность» выдвигается понятие **вероятности**. Существенное заложено в том, что вероятность осуществления события в действительности всегда связана с параметрами «я-здесь-сейчас», то есть «на данный момент». Допускаемый говорящим результат может быть иным по отношению к первоначальному. Однако возможность такого исхода заложена в суждении изначально. Например, *Бурной жизнью утомленный, равнодушно бури жеду: Может быть, еще спасенный, Снова пристань я найду...* (А. Пушкин). Вероятность осуществления ситуации автором расценивается как положительная *найду*, однако потенциально в высказывании заложена возможность реализации и другого результата *найду – не найду*.

Эти два понятия тесно соотносятся друг с другом и образуют проблему исследования **возможных миров** (Я. Хинтика, В. В. Целищев, Е. Д. Смирнова). Возможный мир представляет собой мир, который возможен по отношению к действительному, «это настолько полное описание возможных положений дел, насколько позволяют сделать средства выражения языка» [4, 43]. Одна речевая ситуация представляет собой минимум две возможных области осуществления (истина-ложь). Например, *Видимо, кухарка уже знала о том, чего не знала няня* (В. Гроссман). Данное высказывание представляет собой две возможных области реализации отображенной бытийной ситуации – *знала – не знала*. В действительном же мире, где реальный результат не обозначен, оно характеризуется как относительно истинное. В данном случае это достигается с помощью модального слова *видимо*.

Таким образом, вероятность, в смысловом аспекте, – это конкретная категория, затрагивающая локализацию ситуации в рамках «на данный момент». Вероятность представляет собой актуализацию конечного результата ситуации и базируется на выводном знании, являясь результатом логи-

ческой операции умозаключения. В то время как возможность – абстрактная категория, которая допускает несколько вероятностей развития события. Следовательно, границы категории возможности «шире», чем вероятности, так как они могут выходить за пределы действительности. Возможность выходит за рамки координат «здесь-сейчас» и распространяется до координат «после», что в свою очередь влияет на констатацию факта. А вероятностное суждение о наступлении ожидаемого события высказывается тогда, когда это событие в данных условиях возможно. Важно подчеркнуть, что вероятностно-возможное осуществление положения дел зависит также и от персуазивной квалификации го-

ворящего в сообщаемом. Выбор же языковых средств для формирования высказывания, выражающего тот или иной смысл, зависит от мотивации говорящего, ведь логическая основа смысла заложена в ментальности субъекта высказывания.

Литература

1. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975.
2. Нагорный И. А. Предикативные функции модально-персуазивных частиц. Барнаул, 2000.
3. Философский энциклопедический словарь. М., 2001.
4. Хиттичка Я. Логико-эпистемологические исследования. М., 1981.

Категория русского предлога. Системные характеристики

М. В. Всеволодова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Работа в рамках межнационального проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» позволила выявить ряд фактов и факторов, характеризующих, в частности, русскую предложную категорию по ряду аспектов, которые до сих пор в поле внимания лингвистики в такой полноте не попадали. Перечислим основные факты и факторы.

1. Участники проекта подошли к осмыслению исследуемой категории с позиций, в первую очередь, функциональной грамматики, что определило специфику дефиниций как понятия «предлог», так и его функций. Функции предлога определялись как в семантическом плане (введение и конкретизация актанта или сирконстанта ситуации), так и в плане собственно формальном (указание на зависимость от управляющего слова позицию вводимой словоформы в составе предложения, с учетом характера синтаксисом, образуемых с помощью предлога).

2. Материалы показали, что наряду с собственно предлогами функцию предлога в определенных условиях выполняют словоформы других частей речи, оставаясь в рамках своей части речи. Такие единицы мы назвали эквивалентами предлога. Предлоги и их эквиваленты (или, употребляя общее название – предложные единицы) составляют в принципе открытый список, общим числом более шести с половиной тысяч единиц. Эквиваленты предлога по своему характеру делятся на две группы: 1) корреляты предлога, системно выполняющие функции предлога в совершенно определенных условиях. Они представлены: а) словоформами параметрических существительных с различными распространителями и б) компаративами; 2) аналоги предлога, представленные двумя подгруппами: а) единицы, свободно образуемые при наличии девербатива по образцу уже существующих вторичных (мотивированных) предлогов в определенных семантических зонах; б) единицы с существительными-классификаторами, также образуемые по типу уже существующих предлогов и представляющие собой зону предложивания таких единиц. В случае предложивания они переходят в состав собственно предлогов (например, *в пределах / в перделы / вне пределов / из пределов / за пределы / за пределами* чего).

3. Все предложные единицы образуют грамматическое поле предлогов с центром – собственно предлогами, ядерной зоной – коррелятами, более периферийной зоной аналогов, отдаленной зоной окказионализмов, также представленных двумя классами, и зоной потенциальных предлогов. Эта полевая структура органично взаимодействует и, более того, определяется дихотомической категорией структурной, которую формируют типы морфосинтаксической устроенности предложных единиц.

4. Анализ в первую очередь собственно предлогов выявил их сложную и разнообразную морфосинтаксическую структуру, которая, в свою очередь, позволила увидеть механизмы образования предложных единиц. Причем, именно опозитивные характеристики даже собственно первообразных предлогов определяют полевую – от «эпицентра к

границе периферийной зоны» – структуру самого центра. Оказалось, что предлоги могут образовывать достаточно сложные многокомпонентные структуры, «вовлекая» в свою структуру и другие части речи (предлоги, местоимения, частицы, прилагательные, ср., например, собственно предлог *в непосредственной близости от* кого, чего). Причем эти структуры в определенной степени характеризуют русское (и славянское) языковое сознание, как стремящееся к максимальной экспликации и дублированию смыслов. Выделены структуры, включающие: а) конкретизаторы (скаляры: *подойти близко к окну; сидеть близко у окна; векторы: с правой стороны от окна; и авторизаторы: в опасной близости от огня*), б) экспликаторы: *сидеть близко к окну / от окна / с окном; и образующие синонимические редупликаторы: здание в стиле а ля поздний модерн.*

5. Уже первоначальный опыт представления предложных единиц в словарной статье показал необходимость разработки схемы атрибуции каждой единицы. В настоящее время такая схема насчитывает 20 позиций, некоторые из которых представлены несколькими составляющими. Работа над словарными статьями выявила такие аспекты характеристики предложных единиц, как их синтагматика (предлоги вводят не только имена существительные) и парадигматика. В настоящее время мы выделяем три типа парадигм: семантическая, текстовая и морфосинтаксическая. Текстовая парадигма, включающая конкретные реализации предложных единиц в некоторых условиях текста (выделено пять таких «условий»): 1) возможность нуль-управляемого слова формы: *Тебе чай с сахаром или без?*, 2) тип анафоры: *Завтра среда, а у меня в этот день семинар;* и характеристика прономинализации: *взять нож и посмотреть на него – взять нож и с его помощью открыть банку;* 3) адъективация имени актанта: *из соображений этики – из этических соображений;* 4) актуализационная парадигма: *Живу далеко от работы – От работы живу далеко;* 5) употребление с двучастными местоимениями: *друг к другу – против друг друга – друг другу назло – по отношению друг к другу.*

6. Материал показал наличие мощной синонимии, возникающей, в том числе, и за счет морфосинтаксической синонимии (ср.: *в тон обоев – в тон обоям – в тон к обоям – в тон с обоями*); причем такие ряды, во-первых, системны, что позволяет предсказывать наличие того или иного варианта реализации; во-вторых, связаны с определенными семантическими зонами, где такие синонимико-вариативные ряды наиболее частотны.

7. В рамках категории предлога выявились случаи конвертирования: *Корабль плыл в виду берега – В виду корабля оказался берег.*

8. Имеющиеся в наших авторитетных словарях характеристики (стилевые и др.) часто не совпадают с реальным употреблением. Проработанный языковой материал позволили увидеть в какой-то степени по-новому и сформулировать понятие языка как системы и системности как атрибута языка.

Синтаксические позиции русских наречий

Е. Н. Вуколова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Наречие, семантический разряд наречий, синтаксема, позиция

Summary. Adverb is a morphological category which has great syntactical potential. And there is close connection between semantic class of adverb and its syntactical potential.

Слово «наречие» (греч. *epirrema*, лат. *adverbium*) собственно значит «приглаголие» (от *rema, verbum* – глагол). Такое понимание наречия как приглагольного распространителя шло от традиций античных грамматик. Впоследствии этот взгляд был расширен. Уже в XVIII веке отмечалось, что этимологический смысл термина «наречие» не соответствует позднейшим функциям этой категории слов: наречия относятся не только к глаголу, но и к другим частям речи.

Как показали последние исследования, наречие – это морфологическая категория, которая обладает богатым синтаксическим потенциалом, и разные наречия имеют разные синтаксические возможности и особенности, что обусловлено их семантикой, а следовательно, принадлежностью к тому или иному семантическому разряду.

Мы предлагаем рассмотреть взаимосвязь между семантическим разрядом наречий и синтаксическими позициями на примере наречий образа действия¹, а именно на примере наречий **по-семейному**, **исподлобья** и **вразвалку**.

Однако прежде необходимо обратиться к понятию «позиция», которое широко используется в современной лингвистике. В русистику это понятие было введено Т. П. Ломтевым. Как отмечает М. В. Всеволодова, в настоящее время термин «позиция» используется в трех основных значениях. Во-первых, позиция – это «место словоформы (синтаксема) в семантической (и соответственно, в формальной) структуре предложения или вне ее, а в структуре предложения – место словоформы относительно другой, с которой она связана смысловыми отношениями» (позиция-1). Во-вторых, это «членопредложенческий ранг словоформы в формальной структуре предложения» (позиция-2). В-третьих, «место словоформы в коммуникативной структуре высказывания с учетом его актуального членения» (позиция-3). Пока рассмотрим синтаксический потенциал приведенных наречий на уровне позиции-1.

В рамках позиции-1 для характеристики синтаксической единицы релевантным оказывается выделение двух основных типов позиций: (1) позиция вне предложения и вне текста (самостоятельное употребление синтаксемы) и (2) позиция в составе предложения.

В позиции вне предложения и вне текста синтаксема обычно употребляется либо (1.1) изолированно (одна синтаксема), либо (1.2) в конъюнкции с другими синтаксемами (две синтаксеммы и более). Изолированно могут употребляться наречия **по-семейному** и **исподлобья**: в качестве названия произведения, статьи, фотографии. Например: «**По-семейному**» (А. И. Куприн, рассказ); «**Исподлобья**» (Надежда Щур, название фотографии). Наречие **вразвалку** не имеет такой возможности.

В позиции в конъюнкции с другими синтаксемами возможно употребление только наречия **по-семейному**. Например: **По-семейному** с Татьяной Визбор (подпись под фотографией) – подчинительная связь; Уютно и **по-семейному** – сочинительная связь.

В составе предложения синтаксему можно рассматривать как (2.1) компонент структуры словосочетания и как (2.2) компонент структуры предложения. Внутри присловной позиции выделяют (2.1.1) привербальную (при глаголе), (2.1.2) присубстантивную (при имени существительном), (2.1.3) приадактивную (при имени прилагательном), (2.1.4) приадвербиальную (при наречии), (2.1.5) принумеральную (при имени числительном) и (2.1.6) приприминальную (при местоимении) позиции. Занимая позицию компонента

структуры словосочетания, данные наречия могут примыкать к глаголу, имени существительному, имени прилагательному и наречию. Позицию при числительном и при местоимении ни одно из представленных наречий занимать не может. Например.

Привербальная позиция: «*Молодежь не желает учиться жить по-семейному*» (Общество. 04.04.06); *Капризное чадо исподлобья взглянуло на подошедшую девицу* (Валерий Мельников. Не угодишь. Картинки с натуры // Вечерний Новосибирск. 01.09.04.); *А Оля заходит к директору и везде. Шагает широко, немного вразвалку* (В. М. Шукшин. Письмо матери).

Присубстантивная позиция: *Котлеты по-семейному* (название блюда); *США – Иран: взгляд исподлобья* (Алексей Венцловский // Красная звезда. 24.08.04); *Движения упругие, но не вразвалку и не иноходь* (Стандарты Стаффордширского терьера).

Приадактивная позиция: *Наталья Михайловна, все без исключения выпускники любят вспоминать теплую, какую-то по-семейному сердечную и одновременно творческую обстановку в стенах школы...* (Людмила Макеева. С музыкой по жизни // Заря Урала. 14.03.06).

Приадвербиальная позиция: *По-семейному уютно и тепло было в прошедшее воскресенье в «Интернет-клубе», где уже второй год молодые семьи собираются на праздник...* (Дробянка. Новости).

В качестве компонента структуры предложения синтаксема может занимать (2.2.1) позицию в предикативной паре и, следовательно, выступать в роли (2.2.1.1) предиктируемого (выражающего логический субъект) или (2.2.1.2) предиктирующего (выражающего логический предикат) компонента, а также – (2.2.2) позицию вне предикативной основы предложения, находясь в составе одной или другой пропозиции.

В предикативной паре предложения может находиться только наречие **по-семейному**, занимая позицию предиктирующего компонента. Например: *На отдых – по-семейному*; *Все по-семейному* (название статьи // «Ландшафтный дизайн». 05.05).

Позицию вне предикативной пары предложения, а именно позицию компонента другой пропозиции, способно занимать также только наречие **по-семейному**. Например: *Первые недели я жил в Москве у своего двоюродного брата Бориса (по-семейному)* (Анатолий Мариенгоф. Роман без вранья).

Как видно, узкое и довольно специфичное значение наречий **исподлобья** и **вразвалку** обуславливает их синтаксическое употребление.

1. Наречие **исподлобья** способно занимать присловную позицию: оно употребляется только с глаголами со значением «смотреть, наблюдать» и, соответственно, с образованными от них существительными.

2. Наречие **вразвалку**, обозначая действие, которое сопровождает другое основное действие, также занимает только присловную позицию: при глаголах со значением «движения, перемещения, положения субъекта в пространстве» и при образованных от них существительных.

Наречие **по-семейному** обладает более широким синтаксическим потенциалом: оно занимает почти все возможные позиции. Думается, что все наречия данного разряда со значением «сравнения или уподобления» имеют такие же синтаксические возможности.

Однако, несмотря на семантические ограничения, можно утверждать, что в настоящее время наречие расширяет свои функции и возможности.

¹ О классификации семантических разрядов наречий в рамках функционально-коммуникативной грамматики, на которую мы опираемся, см. в учебнике Всеволодовой М. В. «Теория функционально-коммуникативного синтаксиса». М., 2000.

Функции сочинительных и подчинительных союзов в предложении и тексте

Г. Ф. Гаврилова

Ростовский государственный педагогический университет

Summary. Main propositions reveal the problem of practical difference of coordinative conjunctions (their auto-semantics) and subordinate conjunctions (sin-semantics), which can be seen in their organic tie with modified subordinatory component.

К проблеме сходства и различия сочинительных и подчинительных союзов обращались многие известные ученые. Однако, различие функций союзов сочинительных и подчинительных оказалось все-таки до конца не выясненным. Так, заслуживает внимания их роль в формировании семантики конструкций, гибкости / негибкости их структуры, особенностей их функций в монологической и диалогической речи и др.

Подчинительный союз, его семантика всегда фиксирует самодостаточность предикативной единицы, в которой он присутствует, и сориентирован на отношение к главной, подчиняющей части, превращая линейно предшествующее придаточному самостоятельное предложение всего лишь в часть сложноподчиненного (СПП), то есть подчинительный союз выступает как средство трансформации самостоятельной предикативной и коммуникативной единицы в главное предложение, например – диалоги: – *Признаюсь, не такой ожидал я здесь встречи;* – *Может быть, потому что думали очаровывать нас словами...* (Ф. Достоевский).

При этом трансформация в главную часть сопровождается иногда переориентацией 1-го лица на второе.

При парцелляции предикативной части с подчинительным союзом союз также оказывается средством, тесно связывающим ее с предшествующей предикативной единицей как подчиняющей (точка является лишь маркером актуализации смысла придаточного): *Матч не мог состояться. Потому что началась буря.*

Таким образом, подчинительный союз характеризуется мощной притягивающей единицей, неизменно обслуживая сложноподчиненное предложение. Именно в силу этого подчинительный союз в отличие от сочинительного не может объединять части сложного синтаксического целого (ССЦ). И роль подчинительного союза (ПС) в готовом тексте и дискурсе различна. Благодаря наличию подчинительного союза некоторые ученые, в частности Карл Бюлер [1; 377], присоединяясь к другим ученым, считают придаточные синсемантическими единицами, утратившими самостоятельность. Подчинительные союзы здесь всегда служат для выражения зависимых отношений с другой единицей.

Иное наблюдаем при постановке точки перед сочинительным союзом, которая является маркером превращения сложносочиненного предложения в ССЦ, т. е. в совершенно новую синтаксическую единицу: *Скрипач был явно голоден. Но воля останавливала голодную хватку* (В. Дудинцев. Белые одежды).

С другой стороны, при соответствующих условиях, например, при монособъектности предикативных единиц возможно образование на их основе тесного единства, выражающего одну пропозицию. Его можно охарактеризовать как мо-

носубъектное, но полипредикатное предложение: *Он сидел и писал письмо.* Основным здесь является предикат *писал*.

Как отмечают авторы «**Коммуникативной грамматики**», *полипредикативные конструкции располагают богатствами возможностями синонимических преобразований* [2; 222]. И далее приводят без всяких оговорок примеры синонимов: *Гость вошел в комнату и поклонился. Когда гость вошел в комнату, он поклонился.*

Думается, однако, что синонимия между данными предложениями весьма условна, ибо во втором предложении особое актуальное членение – *Когда гость вошел в комнату*, – тема высказывания. Порядок частей в нем обратимый, ибо здесь *сам знак отношений (когда) показывает, который из компонентов является предыдущим, а который последующим* [3; 30]. Первое предложение передает одну пропозицию, второе – две пропозиции.

Изменение порядка следования предикатов в первом предложении невозможно: нельзя сказать: *Гость поклонился и вошел в комнату.* Основным в приведенном авторами первом предложении является предикат *поклонился*, он как бы вбирает в себя семантику предиката *вошел*. И речь в данном случае может идти о слабой синтаксической позиции сочинительного союза.

Во всех случаях, когда сочинительный союз соединяет глагол действия с глаголами, в которых выражается значение физического положения тела субъекта, его мимики, жеста, именно этим глаголам принадлежит фиксированная пропозиция: *лежал и думал, сидел и удил рыбу, стоял и разговаривал* и т. п.

В то же время модели таких сочетаний могут быть омонимичны другим моделям, где сочинительный союз занимает сильную позицию: *Сестра училась вечерами и днем работала на заводе.* В таких сложносочиненных предложениях возможен второй субъект: *Сестра училась, и днем она работала на заводе*, и предложение имеет гибкую структуру.

Функционируя как самостоятельная грамматическая единица, конструкция с сочинительным союзом характеризуется автосемантической. Она может быть в составе простого предложения, сложного предложения, диалога, ССЦ.

И, таким образом, сочинительный союз, в отличие от подчинительного, обеспечивает потенциальную полифункциональность единиц, в которых он способен употребляться. В то время как подчинительный союз – всегда маркер придаточного с эксплицитно или имплицитно выраженным главным.

Литература

1. Бюлер К. Теория языка. М., 2001.
2. Золотова Г. А., Ошпенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
3. Левицкий Ю. А. О логических аналогах грамматических сочинения и подчинения // Вопросы языкознания. 1990. №4.

О дискурсивных особенностях местоимений *иной, другой*

Д. Ю. Газарова

Ереванский государственный университет (Армения)

Категория определенности / неопределенности, денотат, сигнификат, неопределенные и определительные местоимения

Summary. The paper focuses on the use of Definite Pronouns, namely *иной, другой*, their denotative and significative descriptions. The proposal is that these pronouns are only named *definite* in the linguistic tradition, while they express indefiniteness, in some cases – to a greater extent than indefinite pronouns.

То, что делает кого-либо по-настоящему другим – неповторимым – это нечто такое, что Разум понять не в состоянии.

Бенджамин Хофф

Неопределенные местоимения являются одним из основных способов выражения категории определенности / неоп-

ределенности в русском языке. В работах последних лет при рассмотрении семантики определенности / неопределенности раскрывается связь теории актуализации с вопросами референции и грамматики текста. Основной пласт средств выражения категории определенности / неопределенности в русском языке составляют указательные и неопределенные местоимения. Однако неопределенность может быть выражена и некоторыми определительными местоимениями. Мы рассмотрим те из определительных местоимений, которые

полнее других выражают значение неопределенности, т. е. самые неопределенные из определительных – местоимения **иной, другой**.

Местоимения **иной, другой** скорее не определяют, а выражают значение несоответствия, «выражение несовпадения, нетождественности с ожидаемым или с тем, что следовало бы ожидать», которое Русская грамматика приписывает сочетаниям с указательными местоимениями (**не тот, не такой**) [Русская грамматика. Прага, 1979. С. 360]. Мы считаем, что это значение является основным у данных местоимений, неопределенность и возникает в результате того, что присутствует лишь несоответствие, несовпадение, а определяющих характеристик, как правило, нет. Ср.:

(1) *За открытой в конце коридора дверью слышались голоса, даже смех, пахнуло **другой**, не тюремной жизнью* (А. Рыбаков).

Этим акцентом лишь на несоответствие и обусловлено то, что в большинстве случаев данные местоимения сочетаются с наречием степени **совсем**, обозначающим характер интенсивности признака.

(2) *Савушкин – трес потому, что он думал только о себе. А у тебя **совсем другое*** (Д. Гранин).

Совсем подчеркивают несоответствие, несовпадение, в некоторых случаях имеется и развернутое противопоставление, даются кое-какие отдельные характеристики, критерии осуществляемого противопоставления:

(3) *Вместо привычных плавных горизонталей, всюду вздымаются вертикали. Слом под прямым углом в 90 градусов. Тут скала, а там пропасть: гляди вверх, гляди вниз... но уже кругом не раскинешься. Нет тебе многоверстных привольных степей. **Совсем иной мир*** (К. Бугаева).

Местоимения **иной, другой** представляют большой интерес в денотативном и сигнификативном аспектах. Наши наблюдения показали, что местоимение **другой** обнаруживает тенденцию к денотативной функции, может заменять данный объект, при этом не конкретизируя, каким объектом заменяет (**другой = не этот**). **Иной** же, выступая в сигнификативной функции, замещает значение, которое предполагает характеризацию объекта, выделяя в нем те или иные свойства, указание которых говорящий считает обязательным (**иной = не такой**). Ср.:

(4) *В уме своем я создал мир **иной**
И образов **иных** существование;
Я целью их связал между собой,
Я дал им вид, но **не дал им названья**;*
(М. Лермонтов).

В случае с **иной** реализуется сигнификативная, качественная характеристика. Это различие и обуславливает способность местоимения **другой** к более частой субстантивации ввиду наличия у него денотативного значения. Замещение

субъекта характерно для непредикатных слов. «Предикат, служащий целям сообщения, реализует только свое сигнификативное (абстрактное, понятийное) содержание, смысл. Значение субъекта «прозрачно» и сквозь него отчетливо просвечивает денотат» [Арутюнова Н. Д., Предложение и его смысл, М., 1976. С. 11].

Итак, предикатные (с сигнификативным значением) слова менее способны выполнять функцию подлежащего в предложении. Поскольку **другой** по характеру денотативен, он легче заменяет субъект (и не только). Хотя возможно употребление и в функции предиката: *Мой Петя **другой***. Ср.:

(5) *Однажды Мара возвращалась домой. Ее подманила лифтерша, та самая, с уродливым глазом, и по большому секрету сообщила, что из 50-ой квартиры жена ушла к **другому**. **Этот другой** приезжал днем на машине «Жигули» желтого цвета... (В. Токарева).*

Местоимение же **иной**, ввиду наличия сигнификативного значения, легче замещает позицию сказуемого, предиката:

(6) *Я **весь иной**, я чуждой веры* (З. Гиппиус).

Итак, мы можем сделать вывод, что местоимение **другой** имеет тенденцию к денотативной характеристике объекта (явления, события), а местоимение **иной** – к его сигнификативной характеристике; в связи с этим местоимение **другой** больше подвержено субстантивации. Ср.:

(7) *Размышляя впоследствии о характере моего отца, я пришел к тому заключению, что ему было не до меня и не до семейной жизни; он любил **другое** и наслаждался **этим другим** вполне (И. Тургенев).*

Благодаря «денотативной прозрачности» и отсутствию абстракции сигнификативного значения местоимения **иной** местоимение **другой** чаще употребляется в анафорико-катафорической функции:

(8) *Страшно было **другое**: Женя могла начать сравнивать их... (Д. Гранин).*

Отметим также, что местоимение **иной** имеет и значение неопределенных местоимений **какой-нибудь, некоторый**:

(9) *Хоть, может быть, **иная** дама
Толкует Сея и Бентама,
Но вообще их разговор
Несносный, хоть невинный вздор;*
(А. С. Пушкин).

Подобное значение присуще лишь местоимению **иной**. Очевидно, это связано с абстрактностью сигнификативного значения, им выражаемого.

Таким образом, местоимения **иной, другой**, которые лингвистическая традиция относит к определительным местоимениям, могут выражать значение неопределенности. Основным компонентом их значения является значение несовпадения и несоответствия.

Предлог: препозиция и постпозиция

И. В. Галактионова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Предлог, абсолютная и относительная препозиция, абсолютная и относительная постпозиция

Summary. Though it is generally assumed that Russian prepositions can be used only in preposition to the governed noun (with the exception *radi*, *vopreki* and several others), the approximate-quantitative constructions demonstrate postposition of Russian prepositions.

1. Описание синтаксиса любого языка, в том числе и русского, традиционно включает характеристику взаимного расположения слов в синтаксических единицах данного языка, прежде всего в предложениях. При описании правил порядка слов в русском литературном языке внимание обращается практически исключительно на порядок взаимного расположения компонентов, выраженных самостоятельными словами. Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть оглавление работ, специально посвященных этой проблематике (см., например, [1]). Место расположения служебных слов относительно самостоятельных, а также служебных слов друг относительно друга обычно не является предметом специального описания, что, по-видимому, обусловлено представлениями либо о жестко фиксированном месте таких слов в пределах синтаксической единицы, либо о свободе их перемещения. Несколько иная картина наблюдается при рассмотрении порядка слов в русской разговорной речи, где специально описывается место расположения союза в придаточном предложении (см., например, [2]).

2. Как, известно, одним из классов служебных слов в русском языке являются предлоги. Информация о месте предлога в синтаксической конструкции, как это ни парадоксально, отражается далеко не во всех описаниях этой части речи. Так, в разделе «Предлоги» академической грамматики [3] соответствующая информация отсутствует. Иногда только из определения послелога можно получить сведения о месте предлога. Например, в словаре [4] сказано, что послелог – это «служебное слово, выполняющее функцию предлога, но в отличие от него находящееся не перед управляемым словом, а после него», в то время как в статье «Предлог» упоминание о его расположении перед управляемым словом отсутствует. Послелоги в русском языке как отдельная часть речи никогда не выделяются.

3. Про русские предлоги известно, что они употребляются в препозиции к существительному или местоимению, синтаксическую связь которого оформляют. Даже если это правило не знает исключений, оно должно быть сформулировано эксплицитно, поскольку взаимодействует с другими пра-

вилами. Например, согласованное определение, выраженное прилагательным, предшествует определяемому слову – существительному, но этому же существительному предшествует и предлог. Результатом взаимодействия двух этих правил может быть как сочетание *в новом доме*, так и сочетание **новом в доме*. Несмотря на очевидную неправильность второго сочетания, правила, запрещающие его, нуждаются в экспликации. В современных работах, посвященных предлогам (см., например, [5]), информация о месте предлога по отношению к различным управляемым формам рассматривается как важный пункт в его описании.

4. Служебные слова, для которых единственно возможным является постпозитивное употребление по отношению к оформляемому ими слову (то есть послелоги), в русском языке действительно отсутствуют. О возможности постпозитивного употребления предлогов обычно если и говорится, то в связи со словами *ради* и *вопреки*; ср.: «В русском языке о послелогах можно говорить лишь с большой натяжкой: в качестве таковых ведут себя слова *ради*, *вопреки* и некоторые другие в тех редких случаях, где они располагаются после сочетающегося с ними имени: *чего ради? рассудку вопреки* и под.» [6]. Этот ряд может быть дополнен по крайней мере словами *навстречу*, *наперекор*, *погода* и *спустя*.

5. Внимательное рассмотрение материала показывает, что способность употребляться постпозитивно есть по крайней мере у некоторых простых первообразных предлогов, например у предлогов *в*, *к*, *на*, *с*. Чтобы в этом убедиться, нужно предварительно договориться о некоторых исходных положениях.

6. Примем ниже приведенные допущения:

а) предлог оформляет связь не существительного или местоимения, а именной группы, которая может быть нераспространенной (состоять только из вершины – существительного или местоимения) или распространенной (включать помимо вершины еще и зависящие от нее слова);

б) предлог располагается контактно с именной группой или ее сегментом;

в) позиция предлога по отношению к именной группе может быть следующей:

– абсолютная препозиция – перед всей именной группой;

– относительная препозиция – внутри именной группы, но перед ее вершиной;

– абсолютная постпозиция – после всей именной группы;

– относительная постпозиция – внутри именной группы, но после ее вершины.

7. Охарактеризуем каждую из вышеназванных позиций с точки зрения способности предлогов, в том числе и первообразных простых предлогов, употребляться в ней:

а) наиболее характерна и часто считается единственно возможной абсолютная препозиция: *на (соломенной) крыше (сарая)*, *со второго этажа (дома)*, *в пять (часов) (дня)*, *в (боковой) карман (платья)* и т. п.;

б) относительная препозиция в принципе возможна для любого предлога, но только в разговорной речи (в литературном языке подобные сочетания находятся за гранью нормы); ср.: *Куда положить? – Да хотя бы платя в карман положи!* Вместе с тем в одном классе синтаксических конструкций относительная препозиция предлога и в литературном языке абсолютно правильна и даже стилистически нейтральна: это количественные сочетания со значением приблизительного количества; так, в сочетании *часов в пять дня* предлог *в* находится в относительной препозиции к вершине именной группы, слову *пять*;

в) абсолютная постпозиция возможна лишь для немногих предлогов, среди которых упоминавшиеся выше *ради*, *вопреки*, *навстречу*, *наперекор*, *погода*, *спустя*: *несколько часов спустя*, *собственным интересам вопреки*. Количество таких единиц может увеличиваться, если расширяется состав слов, относимых к предлогу как к части речи. Из них к первообразным простым предлогам, согласно (3), относится только *ради*;

г) относительная постпозиция в принципе возможна для тех же предлогов, которые могут употребляться в абсолютной постпозиции, однако, по-видимому, должна оцениваться как ненормативная в рамках литературного языка: *обещанию вопреки своему*, *победы ради над врагом*; употреблению же в разговорной речи препятствует книжный характер постпозиции предлога. Однако в количественных конструкциях со значением приблизительного количества такая позиция возможна и является стилистически нейтральной, по-видимому, для любых предлогов русского языка, которые в такой конструкции вообще употребляются; ср.: *часам к трем*, *часу в шестом*, *день на пятый*, *Километре на двацатом (шоссе начало превращаться в проселок)*.

8. Указанные факты могут описываться либо как свидетельства гораздо большей распространенности постпозитивных употреблений предлогов, чем это принято считать, либо как еще одна особенность числительных как части речи (которая, впрочем, обнаруживается и у порядковых прилагательных), либо как специфическая черта синтаксических конструкций определенного типа, допускающих аномальное для системы русского языка в целом постпозитивное расположение практически любого предлога.

Литература

1. Сиротина О. Б. Порядок слов в русском языке. М., 2003.
2. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1987.
3. Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
4. Розенталь Д. Э., Теленкова М. В. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985.
5. Всеволодова М. В., Клобуков Е. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2003. № 2.
6. Универсалии языковые // www.krugosvet.ru.

Морфосинтаксическая парадигма русских предложных единиц

М. В. Гордиевских

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Предложные единицы, синонимико-вариативные ряды, парадигма

Summary. This report is talking about methods of creation and types some most system morphosyntactical paradigms.

Первичные результаты анализа русских предложных единиц выявили наличие нескольких типов парадигматических отношений в рамках категории предлога. Одну из таких парадигм образуют отмеченные в корпусе предложных единиц системные синонимико-вариативные ряды, возникающие на основе базового предлога в качестве единицы с тем же значением (это и дало нам право говорить о парадигматике предложных единиц), типа *водгон чего / чему / к чему / за чем*, что свидетельствует о наличии мощных синонимико-вариативных рядов служебных единиц, в частности предлогов в русском языке.

Выявленные в ходе исследования синонимико-вариативные ряды поставили перед нами следующие задачи: 1. Выявление семантических зон, в которых системно функционируют такие ряды; 2. Выявление типового состава синтак-

сем, образующих такие ряды в каждой зоне; 3. Выявление способов, которыми пользуется язык для создания таких рядов, или вариантов морфосинтаксической структуры единиц, образующих такие парадигмы.

1. Что касается **первого пункта**, можно сказать, что к настоящему времени выявлены следующие семантические зоны, характеризующиеся системным наличием морфосинтаксических парадигматических рядов. Это, в частности: 1) Реляционные отношения (в широком смысле слова), для которой характерной по составу является парадигма **Предлог + Np / Предлог + Nd / Предлог + к Nd / Предлог + с Nt**: *в тон обоев / в тон обоям / в тон к обоям / в тон с обоями*, а также *в тон / в цвет под обои*; *относительно поездки / относительно поездке / относительно к поездке / относительно с поездкой*. 2) Зона делиберативного объекта

типа **к вопросу чего / к вопросу касаясь чего / к вопросу касательно чего** и т. д. 3) Возможно, семантическая зона перемещения в пространстве (см. выше **в догонку кого / кому / к кому / за кем, впритык кого – чего / кому – чему / к кому – к чему / за кем – за кем**). 4) Семантическая зона пространственной близости: **жить вблизи моря / вблизи к морю / вблизи с морем / вблизи от моря / вблизи у моря**. 5) Семантическая зона квантитативности, которую обслуживают корреляты предлогов – словоформы параметрических существительных, типа **длинной сколько единиц / длинной во сколько единиц / длинной с какое количество единиц**.

Можно предполагать, что дальнейшая работа над реестром позволит выявить и другие зоны свободного варьирования предлогов.

2. Что касается **типового состава членов парадигмы**, то некоторые из таких типов были показаны выше, см. также парадигму базового предлога **в вопросах чего** (помета «Инт.» показывает, что пример получен из одной из поисковых систем Интернета, в первую очередь, системы Яндекс).

В вопросах чего: *высокий уровень компетенции в вопросах юриспруденции...* (Инт.) / **в вопросах касаясь чего:** *И еще если кто разбирается в вопросах касаясь Яндекс денег, помогите разобраться в чем причина...* (Инт.) / **в вопросах касательно чего:** *Прокомментируйте, пожалуйста, а то я пока слабо разбираюсь в вопросах касательно указателей...* (Инт.) / **в вопросах насчет чего:** *В вопросах насчет «выпить» мы тоже расходимся с мужчинами.* (Инт.) / **в вопросах о чем:** *ОПЕК изживает себя в вопросах о ценах на нефть...* (Инт.) / **в вопросах относительно чего:** *с моей т. з. анти- м. б. только в вопросах относительно войны, убийств и т. п....* (Инт.) / **в вопросах по чему:** *МАГАТЭ добивается прогресса в вопросах по ядерной программе* (Инт.) / **в вопросах по поводу чего:** *И в вопросах по поводу дня Победы они совершенно четко об этом говорили* (Инт.) / **в вопросах про что:** *Новичку в вопросах про GPS и навигацию нужна помощь...* (Инт.) / **в вопросах с чем:** *Например, союз против Ичкерии в обмен на нейтралитет в вопросах с Израилем* (Инт.) / **в вопросе чего:** *В вопросе Приднестровья пора сесть за стол переговоров* (Инт.) / **в вопросе касаясь чего:** *Закон не определяет пол в вопросе касаясь рабочего коллектива (когда оба согласны)* (Инт.) / **в вопросе касательно чего:** *Прошу Вас помочь в вопросе касательно Трудового кодекса РФ* (Инт.) / **в вопросе насчет чего:** *Поддерживаю Серджио в вопросе насчет привода друзей* (Инт.) / **в вопросе о чем:** *Расставлены последние акценты в вопросе о воссоединении Русской зарубежной церкви с Московским патриархатом...* (Инт.) / **в вопросе относительно чего:** *Верховная Рада Украины заинтересована в опыте парламентов стран*

северной Европы и стран Балтии в вопросе относительно усовершенствования процесса парламентского надзора... (Инт.) / **в вопросе по чему:** *В вопросе по тарифам ЖКХ меня поддержала вся оппозиция Госдумы* (Инт.) / **в вопросе по поводу чего:** *По моему кто-то не совсем разобрался в вопросе по поводу блокирующих пакетов акций* (Инт.) / **в вопросе про что:** *Никто меня в вопросе про армию не переубедит...* (Инт.) / **в вопросе с чем:** *Владимир Путин призывает в вопросе с Ираном работать очень аккуратно, не допуская резких, ошибочных шагов* (Инт.).

Выявление типовых составов парадигмы в рамках той или иной семантической зоны позволяет предсказывать наличие того или иного члена парадигмы, даже если он не отмечен в словарях и грамматиках, то есть вскрывает определенные системные отношения в языке, которые до сих пор объектом нашего внимания не были.

3. **Выявление типовых способов построения вариантов базового предлога** связано с анализом их морфосинтаксической устроенности. Можно сказать, что основные «способы построения» вариантов сводятся, как показала А. И. Каминская в своей дипломной работе «Морфосинтаксическая парадигма русских предлогов» (2006), к следующему:

1) вариативность падежной формы при одном базовом предлоге: *в цвет чего / чему, во благо кого / кому, в стиле что / чего* (в стиле поздний модерн – в стиле позднего модерна); ср. также *длинной пять метров – в пять метров*;

2) использование предлогов – экспликаторов (термин О. В. Кукушкиной): *в руках военных – власть в руках у военных; за спиной кого – за спиной у кого, в плену чего – в плену у чего, сидеть близко к сцене – близко от сцены – близко со сценой*;

3) вариативность формы числа существительного, формирующего базовый предлог: *в вопросе / в вопросах синтаксиса*;

4) вариативность падежной формы базового слова при первообразном предлоге типа *в контраст / в контрасте с кем, в противоход / в противоходе с кем – с кем, в пандан / в пандане с кем – с кем*;

5) использование предлогов – редупликаторов (термин А. А. Поликарпова): *в стиле а ля поздний модерн; для ради денег, за ради хлеба, в сообществе с кем*;

6) предлоги – конкретизаторы. Необходимо отметить, что при конкретизации, составная предложная единица включает в себя чаще словоформу другой части речи (наречий, прилагательных, компаративов) – семантически и в ряде случаев структурно облигаторных для данной единицы: *(прийти) задолго до начала, (стоять) в непосредственной близости к месту происшествия*.

Возможно, что анализ всего корпуса предложных единиц позволит выявить и другие особенности этой парадигмы.

О болгарских и русских конструкциях предлог + предложно-именное сочетание

Г. Н. Гочев, С. П. Гочева

Великотырновский университет им. Святых Кирилла и Мефодия (Болгария)

Предлог, предложно-именное сочетание, болгарский язык, русский язык

Summary. On Bulgarian and Russian Constructions Containing Preposition + Prepositional Phrase. This is a comparative study of Bulgarian and Russian constructions containing preposition + prepositional phrase. It explains the nature of these constructions and their frequency in both languages, classifying them according to the differences in their structure and meaning.

В болгарском языке, в частности, в разговорной речи большое распространение имеют так называемые дву-предложные конструкции типа *пристигнахме в без десет* (приехали мы без десяти); *карта за през декември* (проездной билет за декабрь); *оставям термометра до пред огледалото* (оставляю термометр перед зеркалом) и т. п.

Эти конструкции отличаются от сложных предлогов, которые возникают по схеме **предлог + предлог + имя** → **предлог и предлог + имя**. Два предлога, формирующие сложный предлог, приобретают общее значение, отличающееся от значения каждого из компонентов, ср.: *откъм* ‘употр. при обозначении направления движения (независимо от места говорящего); *со стороны кого-чего*’ и *от*

‘употр. при обозначении места, являющегося исходной точкой действия или движения **в определенном направлении**’; *към* ‘употр. при обозначении направления движения (независимо от места говорящего); **в сторону кого-чего**’.

Наблюдения над конструкциями типа *пристигнахме в без десет* (приехали мы без десяти) показывает другой механизм их появления. Скорее всего их возникновение обусловлено схемой **предлог + предлог + имя** → **предлог + предложно-именное сочетание**.

Например, в конструкции *стигнахме до пред къщата* (*дошли до самого дома*) каждый из предлогов может быть употреблен самостоятельно: *стигнахме до къщата* – предлог *до* указывает, что пределом движения является *дом*;

стигнахме *пред къщата* – предлог *пред* указывает, что двигаясь, мы начали находиться в месте, на некотором расстоянии от лицевой стороны дома.

Употребляясь совместно, оба предлога сохраняют свои значения, но меняется их статус. В конструкции *стигнахме до пред къщата* – предлог *до* указывает на предел, но пределом движения является уже не дом, а место, находившееся на некотором расстоянии от лицевой стороны дома. В конструкции меняется предел, что означает, что в процессе ее формирования участвует второй предлог и имя, которое выражало этот предел. Второй предлог и имя в *стигнахме до пред къщата* заменяют имя в *стигнахме до къщата*. Новый предел формируется вторым предлогом и именем, т. е. они уже начинают выражать какое-то общее значение, автономное от значения первого предлога.

Болгарские конструкции **предлог + предложно-именное сочетание** не являются чем-то необычным (что связано с аналитизмом болгарского языка) и, как правило, фиксируются в словарях.

В русском языке эти конструкции не фиксируются в словарях и считаются элементом тенденции аналитизма.

Цель настоящего сообщения – сопоставить русские и болгарские конструкции типа **предлог + предложно-именное сочетание**. Непосредственными задачами являются: а) установление степени их распространенности в обоих языках и б) выявление их типологии с точки зрения состава и значения предлогов, входящих в эти конструкции.

Прагматическая направленность конструкций с полифункциональными служебными словами

Н. О. Григорьева

Ростовский государственный педагогический университет

Полифункциональность, служебные слова, функционально-прагматический и прагматический потенциал, прагматическая направленность синтаксических конструкций

Summary. The article is devoted to the analysis of polyfunctional auxiliary words role in pragmatic organization of syntactic constructions in modern Russian language.

Вопрос о полифункциональности до сих пор не получил в лингвистике однозначного решения. Часть исследователей, применительно к отдельным частям речи, в частности, частицам, рассматривает полифункциональность как способность к взаимозаменяемости, которая опирается на различия и совпадения в наборах сем (см., например, работы Т. М. Николаевой). Другие же считают, что это только способность слов определенных частей речи выполнять различные синтаксические функции. Третьи рассматривают полифункциональность как частотность употребления в речи и т. д. Существует и такое толкование полифункциональности, которое опирается на способность слова выступать в качестве полнозначительного и служебного или в качестве только служебных с разными значениями. Подобная трактовка представится наиболее логичной, но и она не позволяет определить чистоту статус слов, являющихся полифункциональными, предложить четкие критерии разграничения языковых единиц с точки зрения полифункциональности, не оговаривает, хотя и подразумевает, наличие монофункциональных единиц в языковой системе. Представляется необходимым уточнить понятие «полифункциональность», включив его трактовку не только способность не только способность слов функционировать в качестве служебных с разными значениями, но и обусловленную данным свойством способность репрезентироваться в синтаксических конструкциях различных типов, в том числе переходных. При таком понимании считаем возможным выделять в качестве особого класса языковых единиц полифункциональные служебные слова. В качестве критериев, позволяющих отнести конкретную языковую единицу к данному классу предлагаем следующий набор признаков: 1) представляют собой функциональный омокомплекс; 2) включают в свой состав различные переходные и синкретичные явления; 3) как правило, имеют сложную семантическую структуру; 4) вступают в сложную систему парадигматических и синтагматических отношений; 5) обладают особым функционально-коммуникативным и прагматическим потенциалом; 6) способны функционировать в синтак-

Наблюдения над материалом свидетельствуют о большей распространенности этих конструкций в болгарском языке.

Сопоставительный анализ материала показывает, что можно обособить две основные группы с точки зрения состава и значений русских и болгарских конструкций.

Первая группа включает конструкции, совпадающие в обоих языках по составу и значению, т. е. это случаи, когда можно говорить об их эквивалентности, ср.: *отлагам за след отпуска* – *откладывать на после отпуска*; *вземам диска до след ваканцията* – *брать диск до после каникул*.

Во вторую группу входят конструкции, которые не имеют эквивалентов в одном из языков, ср.:

а) болг. *крем за след бръснене* – русск. *крем после бритья*; болг. *каня те на по кафе* – *приглашаю на кофе*; болг. *карта за от декември* – русск. *проездной билет на декабрь*; болг. *Автобусът тръгнаше в девет, а ние дойдохме в без десет* – русск. *Автобус отправлялся в девять, а мы пришли без десяти*; болг. *Разбрахме се да се срещнем в девет, а аз дойдох към без десет* – русск. *Мы договорились встретиться в девять, а я пришел к девяти без десяти*; болг. *тръгвам за към гарата* – русск. *иду на вокзал или к вокзалу*;

б) русск. *написать ответ через за 12 часов* – болг. *да напиша отговор след 12 часа*; русск. *вода от по щиколотку до по колено* – болг. *водата е от до глезена до коляното*; русск. *спасибо за на футбол* – болг. *благодаря за поканата за мач*; русск. *спасибо за на карманные расходы* – болг. *благодаря за джобните пари*.

сических конструкциях различного типа, в том числе и переходных; 7) часто сохраняют этимологическую связь со словами или формами, на основе которых были образованы. Класс полифункциональных служебных слов объединяет подчинительные союзы, частицы, сочинительные союзы, различные сочетания данных единиц, которые обладают перечисленными выше признаками и представляет собой, на наш взгляд, открытую систему, состав которой в последнее время активно пополняется. Таким образом, представляется особенно актуальным рассмотрение подобных единиц в динамическом аспекте, определение основных тенденций развития этой системы.

Функциональная омонимия является характерной чертой и системы служебных слов русского языка. При этом такие единицы полностью удовлетворяют критериям выделения функциональных омонимов, так как представляют собой «разные слова, но сохранившие живые семантические связи» [1, 88]. В состав омокомплексов входят местоимения или местоименные слова, в результате функциональных и семантических трансформаций которых образуются служебные слова. Так, например, омокомплексы «что», «как», «когда». Кроме того, есть омокомплексы, включающие в себя только собственно служебные слова («чтобы», «если» и т. д.).

В определенных структурах реализуется тот или иной набор сем. Семантическая структура служебного слова – это абстракция от реализуемых в связной речи его значений, от «семантических характеристик его подмножеств» [2, 165] и в то же время – его семантический и грамматический потенциал. Семантическая структура определяет во многом функционально-прагматический потенциал служебного слова. На наш взгляд, в качестве определяющей состав класса полифункциональных служебных слов можно отметить тенденцию к образованию единиц, выполняющих синкретичные функции. Признаки, определяющие состав класса полифункциональных слов, являются взаимообусловленными. Функционально-коммуникативный и прагматический потенциал данных единиц не только опирается на семантиче-

скую структуру определенной единицы, но и объясняет ее способность усилить или изменить прагматическую направленность конструкции. Специфика прагматического потенциала полифункциональных служебных слов проявляется с наибольшей силой во фразеологизированных конструкциях, а также в простых предложениях (как допускающих восстановление элиминированной главной части, так и собственно простых). Конструкции с полифункциональными служебными словами соотносятся с различными типами речевых актов. При этом наличие в конструкции полифункционального служебного слова, как правило, приводит к реализации синкретичных речевых актов на уровне простого предложения, либо к усложнению прагматической организации на уровне сложного предложения.

Интересным представляется их анализ с точки зрения коммуникативных регистров.

В современной лингвистике коммуникативный регистр понимается как «коммуникативный тип речи» и имеет несколько разновидностей: репродуктивный, информативный, генеритивный, волюнтивный, реактивный (см. работы Г. А. Золотовой и др.). На наш взгляд, конструкции с полифункциональными служебными словами могут репрезенти-

роваться в различных коммуникативных регистрах. Например, конструкции со служебным словом «чтобы», представляют собой особую разновидность коммуникативных регистров, находясь в зоне переходности между типами регистров, выделяемыми Г. А. Золотовой. В силу особенностей семантической структуры служебного слова «чтобы», в частности, инвариантного модального значения желательности, а также его функционально-коммуникативного и прагматического потенциала, данные синтаксические конструкции сочетают особенности волюнтивного регистра и информативного (в СПП с изъяснительными придаточными) или репродуктивного (в тех же случаях). При этом необходимо учитывать грамматическую форму и семантику глагола – опорного слова. Кроме того, в ряде случаев конструкции со служебным словом «чтобы» могут реализовывать и реактивный регистр.

Литература

1. Ким О. М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. Ташкент, 1978.
2. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

Семантическая и функциональная типология русских предлогов: сопоставительный аспект

А. А. Загнитко

Донецкий национальный университет
zagnitko@skif.net

Предлог, релятивность, синтаксема, семантическая типология, анализ

Summary. The features of semantic and functional typology of Russian and slavonic prepositions are explored, the status of preposition-inflexion unities in semantic classification is determined, the meaningfulness of semantic synergy of postpositive preposition and semantics of predicate is diagnosed.

Славянский предлог в современной русистике и славистике определяется в большинстве случаев либо как несамостоятельная или служебная (Н. Ю. Шведова) часть речи, либо как аналитическая синтаксическая морфема (И. Р. Выхованец), либо как самостоятельная часть речи с соответствующим лексическим значением (И. К. Кучеренко) и др. Это мотивирует рассмотрение и его квалификацию как единицы морфологического (предлог является автосемантическим), синтаксического (в данном случае предлог – синсемантичен) уровней. Семантическая типология славянских предлогов в синхронном аспекте должна учитывать их различные функции – постпозитивную (связанную – А. Н. Шаранда) и препозитивную (свободную – А. Н. Шаранда), а в диахронии – охватывать эволюционные процессы, связанные с углублением грамматического анализма как следствия абсолютной / относительной грамматикализации предложной флексии и усилением семантического прилагательного статуса предлога, что обуславливает образование целостных семантически наполненных моделей управления, ср.: рус. *посмотреть на девушку; подойти к дереву*; болг. *...и газейки сняг до гърди, достигнах сятото* (Ем. Станев); укр. *наступити на рушник, задивитися на краєвид* и т. д.

В целом ряде фундаментальных исследований М. В. Всеволодовой, И. Р. Выхованца, Е. В. Клобукова, М. И. Коношкевич, Р. И. Мальцевой, А. А. Поликарпова, А. Н. Шаранды, П. П. Шубы и др. предлог рассматривается в диахроническом / синхроническом, структурном / функциональном, семантическом / строевом аспектах. Весьма удачным является определение реестра предлогов (ср. списочные составы конститuentов, втянутых в поле предлога, в русском и белорусском языках) и весьма аргументированная концепция релятивной грамматики М. И. Коношкевич, изложенная в материалах предыдущего Конгресса русистов.

Семантическая типология учитывает степень репрезентативности в языке оппозиций поитетичности – действительности, номинативности – релятивности, денотативности – референциальности, субстанциальности – виртуальности, константности – ситуативности, конкретности – обобщенности в семантическом плане, номинативности – экзистенциальности в структурно-предложенческом аспекте, что позволяет построить функционально-семантические пара-

дигмы конкретных предлогов не в изолированном виде, а с максимальным охватом их взаимодействия с другими предлогами в семантическом континууме языка (по Р. И. Мальцевой). Это позволяет определить соотношение первичных и вторичных функций предлогов и проследить эволюцию (с дифференциацией определенных этапов) предлогов от исходных локальных значений (важным является и определение активных / пассивных тенденций распада синкретизма и развития полисемии конкретно-лексических значений предлога и приставки, их взаимодействие с особенностями «разрушения древних локальных падежей» (И. Р. Мальцева)) к производным контекстно-лексическим значениям, что явилось следствием общей языковой категоризации и глубинным осмыслением концептов времени, количества, сравнения, причины (их производных – следствия, условия, уступки и др.): сербск. *Да сам остала на некој њочивало*; польск. *Wmieszal się pomiędzy podróżnych* и т. д.

Весьма важным для семантической типологии является определение синтаксемообразующего потенциала одного предлога, предложно-флексионного целостного единства с последовательным разграничением предложных постпозиции и препозиции, поскольку в первом случае предлог инкорпорирован в предикат (*наступить на, войти в*), а единство «предлог + флексия» реализует целостное значение, маркирующим признаком которого является воспроизводимость (*на заре, на опушке, в гости, у обочины*), что позволяет устанавливать их свободный синтаксемный статус. Поэтому семантическая типология должна учитывать различный статус предлога в структуре предложения и в качестве дифференциальных признаков избирать: 1) линейность предлога с установлением рамочности; 2) его валентную обусловленность; 3) первичность / вторичность предложной единицы; 4) «степень предложивания единиц, вовлеченных в поле предлога» (М. И. Коношкевич): *собственно предлоги, в значении предлога, аналог предлога, окказиональный предлог, потенциальный предлог* (П. П. Шуба, М. И. Коношкевич); 5) функциональную потенциальность (т. е. место в парадигме определенной функции – первичной или вторичной).

Современные словари предлогов или материалы к словарям тех или иных славянских языков (Б. Милевска (польский язык), М. В. Всеволодова и др. (русский), М. И. Ко-

нюшкевич и др. (белорусский), А. А. Загнитко и др. (украинский) и т. п.) в основном последовательно учитывают особенности функционально-семантических парадигм первообразных и вторичных предлогов, дифференцируя различные их функции. При определении семантической типологии весьма важным является определение степени участия предлога в различных трансформационных процессах, связанных с редукцией, компрессией, контаминацией и др. Это позволяет грамотно квалифицировать системные явления синонимии (лексической: рус. *вблизи чего – вблизи от чего*, укр. *поблизу чого – поблизу від чого*; морфологической: рус. *близко от – близко к*, укр. *близько від – близько до*), вариатности (*в цвет платья – в цвет платю* (по М. В. Всеволодовой), укр. только *в колір до плаття*), конвертированности и явления, «выходящие за рамки нормы» (М. В. Всеволодова), типа редупликации и т. д.

Семантическая типология русских предлогов (и славянских) должна учитывать их статус и содержательную роль в реализации форм синтаксической подчинительной присловной связи, текстообразующий статус, весь объем полевой структуры (термин П. П. Шубы, активно разрабатываемый М. И. Конюшкевич, М. В. Всеволодовой и др.) каждого кон-

кретного предлога, что позволяет определить ядро и периферию предлоговой системы в целом. Ядро составляют предлоги свободные (*собственно предлоги и в значении предлогов* – по М. И. Конюшкевич), а периферию – связанные (по М. И. Конюшкевич – дальнюю периферию составляет *зона потенциальных предлогов*; ср. также тезис о рефлексивности, симметричности и транзитивности как основных свойств отношений, составляющих базу для разграничения частных разновидностей отношений (В. В. Виноградов дифференцировал десять видов отношений, указывая на открытость этого списка)). Не менее важным является охват в семантической типологии лексической и деривационной подпарадигм предлога, поскольку они позволяют увидеть потенциальную способность предлога в общей системе и исчерпывающе представить его семантико-парадигматические связи с учетом степени вхождения в определенные оппозиции. Сочетаемость (ее наличие аргументирует М. И. Конюшкевич) подпарадигма предлога является также одним из компонентов семантической типологии предлогов, поскольку позволяет определить их статус в предложении в целом и в отдельных его структурных компонентах в частности.

Уровни падежной семантики и типы семантико-синтаксических функций русского предлога

Е. В. Клубуков

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

klobukov@list.ru

Падеж, предлог, эквивалент предлога, пропозициональные и текстовые функции предлога

Summary. The paper discusses the principles of semantic differentiation of Russian prepositions and presents parallels between them and the types of the grammatical case meaning.

Описание семантики предлога обычно базируется на предположении, что семантико-синтаксические функции предлогов связаны с прямым или опосредованным отображением элементов пропозиции: ее актантных, сирконстантных и предикатных компонентов (*верить в добро* ‘объект’, *въехать во двор* ‘директив-вектор’, *галстук был в горошек* ‘предикат’), а также отношений между пропозициями в рамках макропропозиций (*Во исполнение приказа было принято...* ‘целевая каузация’).

Систематизация языкового материала в рамках научного проекта, посвященного лексикографическому описанию русских предлогов и их эквивалентов (руководитель проекта М. В. Всеволодова), подтвердила истинность указанного предположения: пропозициональные функции, как и следовало ожидать, действительно являются важнейшими для предлога, как и для падежной грамматики, во взаимодействии с которой и формируется целостная предложно-падежная синтаксема как один из «первоэлементов» предложения-высказывания (Г. А. Золотова). В то же время в ходе составления словаря предложных единиц были обнаружены словоформы или целостные сочетания словоформ, по формальным признакам удовлетворяющие определению предлога или его эквивалента, но по характеру своего значения не имеющие ничего общего с указанными выше значениями пропозиционального типа; ср., например: **Внимание участников конференции!** (ср. с беспредложным номинативом в той же функции: *Участники конференции!*).

При построении общей типологии семантико-синтаксических функций предлогов (точнее, формируемых с их помощью синтаксем) нельзя не учитывать того очевидного факта, что существует корреляция между функционированием предлога и падежа (падеж и предлог, в терминологии Е. Куриловича, – субморфемы единой падежной морфемы). Что же касается падежа, то давно уже был поставлен вопрос о наличии у беспредложных падежных форм не только употреблений на уровне предложения (в рамках которого обычно и реализуются пропозициональные семантико-синтаксические функции), но и регулярного использования на уровне надпредложенческого, т. е. в связанном тексте, где падеж характеризуется особыми (непропозициональными) функциями.

Представляется вполне справедливой высказанная К. И. Ходовой мысль о том, что за противопоставлением форм сла-

вянского субстантивного склонения может стоять не одна категория (падеж), а несколько различных категорий (ср. пять видо-временных форм глагола и две различные морфологические категории – вид и время, выделяемые на основе изучения характера противопоставления этих форм). В русском языке, в частности, есть определенные основания выделять три различные морфологические «падежные» категории, с разным содержанием и даже с различным количеством противопоставленных граммем: Падеж₁, Падеж₂ и Падеж₃. Семантика, присущая каждой из этих категорий, может быть выражена и предложными единицами.

Падеж₁ представляет собой морфологическую категорию с пропозициональным содержанием; это основная и наиболее детально изученная категория из рассматриваемого ряда одноименных категорий; реализуется в противопоставлении шести основных и ряда дополнительных падежных форм. С Падежом₁ семантически координируются все основные употребления русских предлогов, участвующих в формировании актантно-сирконстантной рамки предиката или в обозначении связей в рамках макропропозиции.

Предлог при этом способен передавать более тонкие, разнообразные отношения по сравнению с падежным окончанием; В ряде случаев предлог, в отличие от падежа, способен участвовать в маркировании логических типов пропозиции (ср. творительный предикативный, используемый во всех логико-грамматических типах предложений, и не регистрируемые традиционной грамматикой приноминативные производные предлоги типа *по имени* + И., *под названием* + И. и т. п., формирующие пропозицию номинации, но не характеризации или тождества).

Падеж₂ (или категория актантного ранга) – это категория с дискурсивным (интерпретационным) содержанием, служащая целям грамматического выделения одного из компонентов описываемой в предложении ситуации в качестве центрального с точки зрения говорящего; выражается в привативной оппозиции номинатива косвенным падежам (ср. примеры Р. Якобсона: *Латвия соседствует с Эстонией – Эстония соседствует с Латвией*: номинативом грамматически обозначен устанавливаемый говорящим центр «синтаксической перспективы» предложения, его тема). Эта выделительная функция номинатива реализуется на более высоком уровне в надпредложенческой (текстовой) позиции заголовка (*Дубровский*; *Бородино*; *Доктор Живаго* и пр.).

Коммуникативные функции именительного по существу аналогичны тем функциям, которые характерны для некоторых сочетающихся с косвенными падежами предлогов и их аналогов в позиции заголовка: *О любви; К вопросу о демократии*. В составе предложения аналогичные функции устанавливаются у служебных компонентов типа *касательно + Р., что до + Р., то...*, разг. *касается + Р.* и т. п., ср.: *Я гляжу на вас* (коммуникативно-выделительная функция номинатива) и *Что касается меня, то я опять гляжу на вас...* (Б. Окуджава) – дополнительным средством выделения главного актанта, не осложняющим пропозициональную структуру предложения, является аналитический оборот *что касается + Р., то*. Предложный статус многих подобных служебных единиц требует специальной аргументации; эта проблематика обсуждается в докладе.

Падеж (или категория апеллятивности-неапеллятивности) – еще одна грамматическая категория с дискурсивным содержанием, реализуемая в привативном противопоставле-

нии вокатива (нового: *мам!* или архаического: *отче!*) всем прочим субстантивным формам и служащая для грамматического выделения одного из участников коммуникативного акта – адресата речи.

Акто-речевое значение апеллятивности характерно для не только для беспредложных падежных форм, но и для предложно-падежных конструкций, включающих непериодические предложные единицы типа *вниманию + Р., к сведению + Р.*; подобные конструкции по своей семантике могут быть сопоставлены с морфологическими формами вокатива (или номинатива в апеллятивной функции).

Итак, разграничиваются три основных типа семантико-синтаксических функций, присущих синтаксемам, образуемым беспредложными падежными формами и предложно-падежными конструкциями. В заключение доклада обсуждаются проблемы атрибуции ряда предложных единиц, соотносимых с непропозициональными содержательными сферами Падежа₂ и Падежа₃.

О языковом статусе аналитических сочетаний типа *в сфере, на пике, под маской* и под.

М. И. Конюшкевич

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Беларусь)

Предлог, аналог предлога, синтаксема

Summary. The author of the article proposes to link the solution of the problem of the status of such units as *в сфере* with the complex of the functional-semantic and functional-communicative syntax phenomena.

В поле категории предлога втянуто большое число сочетаний типа *в сфере (работать в сфере культуры), в виде (сложить бумагу в виде кулечка), на пике (быть на пике славы), на краю (стоять на краю пропасти), в области (специалист в области психологии), под маской (прятать угрозу под маской доброжелательности), в возрасте (находиться в возрасте балзаковской женщины)* и т. п., которые у разработчиков международного проекта «Славянские предлоги в диахронии и синхронии: морфология и синтаксис» (руководитель проекта – проф. МГУ М. В. Всеволодова) получили название аналога предлога.

Вместе с тем вопрос о том, представляют ли такие сочетания предложную единицу, остается открытым, ибо, наряду с приведенными выше синтаксемами, мы можем отметить и сочетания *сфера культуры, вид кулечка, пик славы, край пропасти, область психологии, маска доброжелательности, возраст балзаковской женщины*. Возникает вопрос о языковом статусе лексем *сфера, вид, пик, край, область, маска, возраст* в этих сочетаниях: компонентом чего они являются – аналитического аналога предлога типа *в сфере*, компонентом словосочетания типа *сфера культуры* с ком-

плетивными отношениями, употребленного с первообразным предлогом – *в сфере культуры* или лексическим компонентом предложно-именной синтаксемы *в сфере*?

Ответ на этот вопрос не может быть однозначным без рассмотрения ряда явлений, касающихся а) границ и структуры синтаксемы, б) синтаксической классификации лексики; в) функционально-семантической типологии так называемой строевой знаменательной лексики; г) синсемантичности и синсинтаксичности лексики; д) падежно-числовой парадигмы лексем типа *сфера* в текстах различных предметных областей, типов и жанров; е) функций предлога; ж) операциональных методов квалификации словоформы как предлога или функционирующей в значении предлога; з) модельности образования аналогов предлога; и) исчисления их моделей в рамках одного языка и в сопоставлении с другими языками; к) сочетаемости аналогов предлога по левой (с предикатами) и правой (с субстантивом) валентности.

В докладе рассматриваются некоторые из перечисленных явлений, свидетельствующие о статусе рассматриваемых единиц как аналогов предлога.

Послелого в русском языке

С. А. Крылов, Е. В. Муравенко

Институт востоковедения РАН, Москва; Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Послелог, предлог, препозиция, постпозиция

Summary. Postpositions in Russian. The notion of postpositions has been used concerning the languages other than Russian. In most Russian grammars special chapters are devoted to prepositions, and no word is being spoken about postpositions. In spite of that, postpositions in Russian are not something very rare. Some derived prepositions do function as postpositions, too.

1. В лингвистике понятие послелого принято использовать для тюркских, финно-угорских, иберийско-кавказских и ряда других языков, в число которых русский язык не входит (см., напр., Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990).

2. В русском языке функции, выполняемые в перечисленных группах языков послелогом, берут на себя предлоги. Именно предлогам посвящены специальные разделы во всех грамматиках и учебниках.

Как известно, в русском языке предлог обычно ставится перед управляемой им именной группой. Данное утверждение на первый взгляд кажется почти тривиальным. Между тем при всей своей очевидности оно крайне редко формулируется в явном виде. Так, в трех известных академических грамматиках и в основных отечественных вузовских курсах

современного русского языка (если мы возьмем десяток-другой наиболее известных), а также в большинстве стандартных справочников по русистике, напр., в энциклопедии «Русский язык» (1 изд., М., 1979) указаний на относительное расположение предлога и именной группы вообще нет! Исключение составляет 2-е издание энциклопедии «Русский язык» (М., 1997), где в статье «Препозиция» (автор И. И. Ковтунова) данное указание приводится; примечательно то, что в статьях «Предлог», «Порядок слов», «Служебные слова», «Словосочетание» и др. той же энциклопедии о взаиморасположении предлога и управляемой им именной группы речь вообще не идет.

3. Понятие послелого и сам термин «послелог» не используются и даже не упоминаются ни в академических грамматиках, ни в основных вузовских учебниках. Лишь в отдель-

ных изданиях упоминаются случаи постпозитивного использования предлога и приводятся один-два примера типа *дружбы ради, рассудку вопреки*.

К числу авторов, заметивших отклонения от правила постановки предлога перед именной группой, относятся:

(1) авторы грамматик русского языка для иностранцев: А. В. Исаченко (1965, на немецком языке), «Пражская» Русская грамматика–1979 (Е. Кжижкова, О. Лешка и др.) и П. Гард «Русская грамматика» (на французском языке);

(2) Н. Е. Ильина – автор раздела учебника русского языка для 6-го класса экспериментальных школ под ред. М. В. Панова;

(3) И. А. Мельчук (см. статью о порядке слов в русском языке (1965), включенную в его недавнюю книгу «Русский язык в модели Смысл <=> Текст».

4. Между тем во всех упомянутых в п. 2 работах принята сугубо функциональная дефиниция предлога, не ссылающаяся на его позиционные свойства. Иначе говоря, согласно такой дефиниции предлоги – это класс служебных слов, выражающих отношение предмета – участника ситуации ко всей этой ситуации, то есть роль предмета в ситуации. Если исходить из такой трактовки (а она принята и в некоторых работах по общему языкознанию, например, во многих словарях лингвистических терминов), то тогда послелогов (в языках с послелогом) должны будут считаться частным случаем предлогов: то есть послелогом должны будут считаться представители такой типологической разновидности предлогов, которые ставятся после именной группы. Нельзя не признать, что в словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой термин «предлог» употребляется по крайней мере в двух разных смыслах: (а) как чисто функциональный класс, включающий послелогов (судя по его дефиниции в словарной статье «Предлог») и (б) как функционально-позиционный класс, противопоставленный послелогам (судя по употреблению термина «предлог» в составе дефиниции понятия послелога в словарной статье «Послелог»: ср. «в отличие от предлогов...»).

Так как в большинстве авторитетных руководств по русистике понятие «предлог» трактуется чисто функционально (а проблема разграничения предлогов и послелогов в этих руководствах не затрагивается вовсе), то остается предположить одно: что отсутствие указаний на взаиморасположение предлога и управляемой им именной группы в большинстве руководств по русистике вызвано неэксплицитностью последних.

(Надо заметить, что на отсутствие подходящего гиперонима для терминов «предлог» (в узком смысле, то есть как

класс препонируемых служебных слов) и «послелог» указывал в 1990-е гг. М. Хаспельмат, предложивший для заполнения этой терминологической лакуны удачный термин «adposition» и его русский эквивалент «прилог». Будущее покажет, приживется ли этот термин.)

5. Как показали исследования литературы и наблюдения за речью, в русском языке не так уж редки случаи использования послелогов. Разумеется, первообразных послелогов в русском языке нет, все послелогов производные. В большинстве случаев одно и то же слово может служить как предлогом, так и послелогом, т. е. употребляться как препозитивно, так и постпозитивно по отношению к управляемому имени.

6. Основные группы послелогов, совпадающих с предлогами («прилогов» по Хаспельмату):

(1) так называемые простые наречные предлоги (по большей части управляющие дательным падежом): *вопреки, вслед, навстречу, наперекор, наперерез* и др.;

(2) простые отглагольные предлоги: *спустя, включая, исключая, начиная чем, кончая чем* и др.;

(3) особым образом могут вести себя составные наречные и отглагольные предлоги: их вторая часть может употребляться в препозиции к зависимому имени, тогда как первая часть ставится после зависимого имени. Т. е. такие служебные слова выступают либо как неразрывные составные предлоги, либо представляют собой разрывные словарные единицы, охватывающие зависимое имя с обеих сторон: *вровень с кем-то = с кем-то ровень*.

В основном перечисленные группы послелогов-предлогов квалифицируются в словарях и грамматиках как предлоги, некоторые же в словарях получают статус только наречий (*наперерез, отступя*).

7. В отдельных случаях в русском языке встречаются «чистые» послелогов (не выступающие в качестве предлогов). Яркий пример – слово *назад* во временном значении, напр.: *неделю назад*. Такие лексические единицы в словарях определяются только как наречия.

В разряд послелогов переходят и некоторые наречия в форме сравнительной степени: *часом раньше, годом позже, этажом ниже*. Этот факт также пока не находит отражения в лексикографической практике.

Иногда постпозитивное употребление служебного слова с течением времени становится лексически ограниченным – в этих случаях мы сталкиваемся с образованием фразеологизмов, однако если все-таки пытаться обозначить синтаксические зависимости в рамках этих оборотов, налицо использование послелогов: *на ночь глядя, немного погодя*.

Гибридизация союзов в современном русском языке

Л. А. Кузнецова

Московский городской педагогический университет

Гибридизация союзов

Summary. The article's about mixed parts of speech, in particular about conjunctions. It offers to introduced this part of speech of the Russian in a system.

Способы образования гибридных союзов:

1) совмещение в себе признаков союза и местоимения: прономинально-конъюнкционные контаминанты (местоимения и союзы, так называемые «союзные слова» – местоимения при этом понимаются в широком понимании термина, то есть в их состав включаются и так называемые «местоименные наречия»);

2) так же совмещение функций может происходить не только между служебной и знаменательной частями речи, но и между служебными:

а) союз – предлог;

б) союз – частица.

Свойства служебной части речи – союза, провоцирующие явление гибридизации.

Особенности функционирования пространственных дейктиков в диалектной коммуникации (на материале лексем «тут», «там»)

Н. В. Курикова

Томский политехнический университет

Дейкис, коммуникация, коммуникативное пространство, диалектное высказывание

Summary. In the article considered functional characteristics of lexemes «here», «there» in a situation of oral communications.

Цель работы – определить функции пространственных дейктиков «тут», «там» в ситуации устного, непосредственного общения.

Актуальность изучения функционирования местоименных указателей «тут», «там» в диалектной речи определяется высокой частотностью употребления этих лексем в диа-

лектном общении, спецификой устной коммуникации, условиями ее реализации.

В работе развивается идея (вслед за Н. Ю. Шведовой) о том, что местоимения обозначают смыслы, восходящие к глобальным понятиям материального и духовного мира, углубляют, дифференцируют, сопоставляют и сочленяют эти смыслы. Категоризация мира в сознании человека предстает по признаку определенности, неопределенности или непредставленности.

Категориальная основа, заложенная в семантике местоименных слов «тут», «там», проявляется в их речевом функционировании: они маркируют ситуацию общения, указывают на отношения знаков к их интерпретаторам. Основная мысль при исследовании дейктических местоимений как языковых категоризаторов заключается в понимании их ориентировочной функции в коммуникативном пространстве диалектоносителей: создавая своеобразный «каркас» коммуникативной структуры высказывания, пространственные дейктики структурно и содержательно организуют пространство коммуникации, определяют позицию говорящего, его личную сферу, противопоставленную другим сферам в пространственно-временных координатах.

Дейктические средства выражения того содержания, которое задает организацию высказывания, удовлетворяют потребности непосредственной, живой, коммуникации, служат репрезентантами деятельности сознания, создают особый метаречевой фон общения, позволяющий адекватно интерпретировать сообщение, выявлять его модальную информацию.

Функции исследуемых дейктиков определяются, в первую очередь, на основании их коммуникативной направленности в контексте, а во вторую – на реализации базовой семантики указателей.

В исследовании включены высказывания, содержащие дейктические единицы «тут», «там», с лексически выраженным локативом, который способен репрезентировать на уровне языка особенности структурирования мира в сознании человека, что, полагая, способствует выходу за пределы чувственно воспринимаемой ситуации, например: *А там висит, вот тут за крылечком; На крылечке тут, на гвоздике сразу; На озерах, на Томе-то тут чё, пересохло всё; Тут в селе муж с женой – дак они каки-то высокоумны.* При наличии локатива указательный знак приобретает предельную обобщенность своего значения, что влечет появление его частных (производных) речевых назначений в конкретной речевой ситуации. Кроме того, к исследованию привлечены высказывания, не имеющие падежной формы выражения локатива, в которых лексемы «тут», «там» являются частицей и лишены собственно жестовой функции, например: *Тут один мужик другого недавно убил; Ну попугать или помутить или там че; А он в больнице лежал, у его чё-то в мочевом, где ли там, канале, чё-то у его там заболевание было; Это там уж общая гулянка, каки там специальны пироги!*

Функционируя в живой речи, лексемы «тут», «там» могут частично утрачивать собственно указательную роль, как бы «затемняя» ее новым назначением. По-видимому, транспозиция исконного содержания функций дейктиков происходит по причине частого отсутствия опоры для предметно-указательной референции данных лексем в речевой ситуа-

ции, в таких случаях коммуникант подключает когнитивные механизмы сознания, демонстрируя особенности восприятия фрагментов действительности в момент речи.

Диффузность и синкретизм значения указанных лексем порождает значительные трудности в определении их функциональной нагрузки, поскольку нередко происходит затусшевание различий функциональных позиций, в которых употребляются дейктические знаки.

Наблюдая за функционированием в речи слов «тут» и «там», мы выяснили, что они не всегда функционально противопоставлены друг другу: названные указатели могут быть в корреляционных отношениях по некоторым функциональным свойствам, иметь функциональное совпадение, а также иметь собственные речевые назначения. Исследование функций лексем «тут», «там» в устной речи позволяет выявить когнитивные процессы восприятия мира человеком, например, с точки зрения освоенности / неосвоенности, известности / неизвестности области бытия, включения / невключения объектов в его личную сферу, в рамки коммуникативного пространства. Кроме того, дейктические знаки, испытывая процесс десемантизации, способны выступать в роли метаречевых маркеров, производя аранжировку текста в соответствии с коммуникативной заданностью.

Репертуар возможных функциональных назначений указателей с пространственным значением определен функциональной значимостью, последовательностью, регулярно в диалектном общении, а также коммуникативными свойствами слов «тут» и «там»: *функция совмещения ситуации-темы и ситуации текущего общения, функция создания причастности / непричастности к происходящему, к предметам, к «другим» сферам, функция обобщения, интродуктивная функция, функция рематической актуализации, функция тематической актуализации, ограничительная функция, функция конкретизации локации объектов, функция ритмической организации текста, презентативная функция, функция аналогичного указания, функция направления движения.*

Как показал анализ функциональных свойств пространственных дейктиков, категория определенности / неопределенности пересекается с категорией свойственности / чуждости, проявляется в коммуникативной организации высказывания и имеет концептуальную (на уровне смысла) реализацию в речи: обработанное мышлением знание о пространстве маркируется в зависимости от отношения к субъекту как близкое (известное) / удаленное (реально или умозрительно).

«Подвижность» значения и большой семантический объем элемента «тут» в речи диалектоносителей детерминирует бо́льшую функциональную нагрузку в сравнении с лексемой «там». Значимость дейктика «тут» для регулярного привлечения его в речепроизводство определяется семантической производностью местоимения: базовое значение «близости» порождает частные семы, например «определенность», «известность», «свойственность», что определяет одну из особенностей речи говорящего на диалектном языке – говорить об известном, конкретном, своем. Так проявляются специфические черты диалектного общения – непосредственность, эгоцентричность, целостность восприятия мира.

Актуализационная парадигма предлога

Я. А. Лебедева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

1. Данное исследование проводится в рамках международного проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии. Морфология и синтаксис», реализуемого к настоящему моменту силами лингвистов Белоруссии (Гродненский университет им. Янки Купалы и Белорусский Государственный университет в гор. Минске), Болгарии (Университет в гор. Велико Тырново), Польши (Университет в гор. Ополе), России (Московский Государственный университет им. М. В. Ломоносова), Сербии (Университет в гор. Нови Сад), Украины (Донецкий Национальный университет), задача которого на сегодняшний день для русского языка за-

ключается в обработке и атрибуции предлогов и средств предложного типа, собранных рабочей группой проекта в реестре русских предложных единиц, осмыслении их структуры, всех представляющихся нам существенными характеристик и особенностей функционирования в речевых построениях, а также в разработке теоретической концепции грамматики предлога.

2. В рамках проекта принято следующее определение предлога: «Предлог как часть речи – это класс служебных лексических единиц, служащих (в синтетических языках, в том числе, в русском – вместе с субстантивным падежным

окончанием) средством выражения семантико-синтаксической роли существительного (или его субститута) или инфинитива (а также, в ряде случаев, и наречия) в высказывании и (в некоторых случаях облигаторным) средством введения их (существительного или инфинитива) в предложение». Каждый предлог обладает своим специфическим лексическим значением (которое может быть ослабленным), вносящим свой вклад в значение синтаксемы существительного или его субститута, и определяет падежную форму («управляет» ею) последнего (в том числе и именительный падеж *Нп*). Предлог не является частью морфологической формы слова, но входит на правах составляющей в синтаксическую форму слова – синтаксему.

3. Предлог выполняет в синтаксических конструкциях следующие основные функции: семантическую и формально-синтаксическую.

- Семантическая функция предлога состоит в конкретизации роли вводимого им имени или инфинитива в денотативной структуре высказывания.
- Формально-синтаксическая функция предлога – это введение имени существительного или инфинитива в синтаксическую структуру на правах словоформы, зависимой в логико-структурном отношении, то есть такой, к которой может быть поставлен вопрос от другой словоформы.

4. Категория предлога в русском языке имеет peculiarную устроенность, что позволяет выделять в ней ядро (собственно предлоги) и периферию (аналоги и эквиваленты предлогов). В наше рассмотрение попали единицы, не только системно входящие в категорию предлога, но и остающиеся в пределах своей части речи и лишь в некоторых позициях приобретающие характеристики предложных единиц.

5. В свете последних исследований мы можем говорить о парадигматике в категории предлога. На сегодняшний день представляется возможным выделять 3 типа парадигм в составе категории, хотя список этот не закрыт и может быть дополнен: это семантическая, текстовая и морфосинтаксическая парадигмы. Актуализационную парадигму на данный момент мы склонны рассматривать как часть текстовой парадигмы. Текстовая парадигма характеризует также 1) сочетаемостные способности предлога; и 2) способ представления слова-актанта при предлоге.

6. В результате исследования материала реестра, были выделены следующие возможные позиции предлога относительно управляемого существительного:

- 1) препозиция: *в доме, относительно работы, применительно к языку*;
- 2) постпозиция: *неделю назад; рассудку вопреки*;
- 3) интерпозиция: *тон в тон; кое о ком; друг по отношению к другу*;
- 4) инверсия частей: *от моря в непосредственной близости* (ср.: *в непосредственной близости от моря*); *Я живу от работы далеко* (ср.: *Я живу далеко от работы*);
- 5) рамочная конструкция:
 - прямая: *Далеко я живу от работы, а от родителей – близко*;
 - инвертированная: *От работы я живу далеко, еду целый час*;
- 6) пересечение структур: *по отношению друг к другу* – в составе некоторых двухчастных местоимений.

7. Анализ практического материала позволяет установить некоторые закономерности функционирования предлогов и предложных единиц, их способность занимать ту или иную позицию, входить в состав темы или ремы, а также зависимость поведения предлога или предложной единицы в тексте от места в поле предлога, принадлежности к тому или иному типу. Данная характеристика должна в конечном итоге охватить все статьи словаря «Предлоги и средства предложного типа в русском языке: функционально-коммуникативные аспекты реального употребления». Объектом работы представляется подробное грамматическое описание поведения предлога в тексте с точки зрения актуального членения и позиционных характеристик. К примеру, инвертированные конструкции и конструкции с дистантным расположением компонентов сложных предлогов в ряде случаев являются носителями эмфатического ударения. Для них необходимо установить, какой круг единиц способен занимать эту позицию, от чего зависит способность или неспособность к этому той или иной предложной единицы, какие свойства являются существенными для описания. Необходимость данного описания обусловлена задачами адекватного описания языка с позиции современных исследований и задачами предоставления грамматического описания ранее непопадавших в эту сферу явлений для презентации инофонам при обучении русскому языку как иностранному.

О первом актанте семантического предлога

Л. Лёнгрен

Университет г. Тромсё (Норвегия)

Предлог, актант, неоднозначность

Summary. In many cases prepositions are two-place predicates. The noun governed by the preposition can be regarded as its second actant. The form of the first actant (often preceding the preposition) is not determined by the preposition. The preposition together with its second actant can function as an attribute of the first actant. Of most interest are cases of detached position, where the preposition phrase is only semantically, not syntactically, connected with the first actant.

Наше исходное предположение – необходимость различения синтаксических и семантических позиций предлогов (*думает о сыне – дом в лесу*). Семантические предлоги, как правило, представляют собой двухместные предикаты. Одноактантное употребление находим, например, в словосочетании *мальчик с пальчик*, а многоактантное – в предложении *Забастовки начались к югу от Киева* (третий актант предлога *к* – фраза *от Киева*).

При двухместных предлогах член, синтаксически управляемый предлогом, естественно считать вторым актантом. Форма первого актанта не определяется предлогом; нет также корреляции с формой второго актанта. Предлагается классификация, основанная на категории падежа. В первом актанте представлены все шесть традиционных падежей, а также следующие нетрадиционные: *NOC* («*no case*»), напр. *спит на диване*), *CAS* («общий»), напр. *дама с собакой*), *AGR* («согласовательный»), напр. *вулкан – крупнейший на Камчатке*), *PRP* (предложная фраза с синтаксическим предлогом, напр. *чокнутый интеллигент, каких в Питере через одного*).

В предложении *Знаешь даму с собачкой?* форма *даму* отмечена одновременно и как *ACC*, и как *CAS*, т. е. одновременно как дополнение и как хозяин словосочетания. Статус словосочетания теряется – по разным причинам – в примерах *Дама пришла с собачкой* и *Пришла она с собачкой*. В обоих случаях подлежащие отмечены только как *NOM*. Зато парафраза *Пришла дама с собачкой* неоднозначна. Истолкование без *CAS* означает присутствие имплицитного «когда»: *Когда дама пришла, с ней была собачка*. Данная лексема синонимична семантическому творительному в примере: *Моряк вернулся пьяным* (ср.: *Когда моряк вернулся, он был пьяным*).

Другой случай неоднозначности, не связанный со статусом именного словосочетания, наблюдаем в примере *За кустом он услышал крик*. Первый актант – или *услышал* (*NOC*), или *крик* (*ACC*). В первом истолковании он сам находился за кустом, причем ориентацию за можно объяснить тем, что он до этого находился перед кустом и / или тем, что у куста была лицевая сторона, например, куст стоял возле тропинки. В другом, более естественном, истолковании крик донесся к нему из-за куста.

Из наблюдений над семантикой славянских предлогов: польское *sprzed* – русское *из-перед

Ч. Ляхур

Опольский университет (Польша)

Предлог, выражение пространства и времени, языковая картина мира

Summary. This paper presents results of the study on the semantics of Slavonic prepositions whose system reflects certain fragment of linguistic worldview. The study focuses on the functioning of the Polish preposition “*sprzed*” in its spatial meaning as confronted with Russian language.

Предложные системы славянских языков, несмотря на большую степень близости друг к другу, которая обнаруживается как в их форме, так и в семантической структуре, представляют собой все-таки системы разные. Близость предложных систем объясняется единством происхождения славянских языков. Имеющиеся, однако, различия материального и функционального характера обусловлены их длительным самостоятельным развитием.

Сопоставительное описание предлогов отдельных славянских языков показывает, что степень их общности колеблется от некоторых частных несовпадений до различий более общего характера. Также польский и русский языки, при всей своей близости, имеют много расхождений, которые проявляются в комплексе средств, выражающих различные семантические отношения. Предметом наблюдений будут конструкции с польским двойным (иначе: префигурованным) предлогом *sprzed* (букв.: *из-перед*). Как известно, русский язык не обладает формальным соответствием этого предлога, т. е. предлогом **из-перед*. Указанное состояние имеет различные последствия, в первую очередь – в лексикографии, практике и теории перевода, а также при обучении языку.

Польская группа *sprzed* + род. п. является показателем двух значений: темпорального и пространственного. Фактический материал доказывает, что показатель обоих значений (предлог *sprzed*) в современном польском языке приобрел широкое и своеобразное употребление.

Предлог *sprzed* в его темпоральном значении является примером того, что различия в глубинных структурах языков могут проявляться в их поверхностных структурах также наличием в одном из языков специальных средств для их выражения. Иначе говоря, язык, обладающий определенным специфическим значением, имеет специфические средства его выражения, формальные аналоги которых в другом языке не существуют. Итак, для польского языка характерно значение времени, полностью занятого действием и сохраняющего актуальность для момента речи или момента, о котором идет речь: *gazeta sprzed tygodnia* – газета недельной давности (букв.: *газета из-перед недели*); *wypadek sprzed dwóch lat* – случай, происшедший (имевший место) два года тому назад (букв.: *случай из-перед двух лет*); *znajomość sprzed wojny* – довоенное знакомство (букв.: *знакомство из-перед войны*).

Кроме того, в польском языке предлог *sprzed* встречается в пространственном значении, где он является показателем т. наз. аблативности. Аблативность – это один из фрагментов системы пространственных значений, под которой обычно понимается отношение отделения или удаления предмета от некоторого пространственного ориентира (ср. локативность ‘где’, аллативность = адлативность ‘куда’ и перлативность ‘по какому пути’). Аблативность в некоторых современных языках (напр., финно-угорских) передается отдельной категориальной падежной формой, т. е. аблативом (внешне-отделительным падежом). Во всех славянских языках (в том числе в польском и русском) это значение выражают, главным образом, предложно-падежные конструкции с соответствующими предлогами (т. наз. именная локативность); напр.: *от вокзала, со шкафа, из шкафа* или *из-за поворота, из-под стола* и т. п.

Выражение некоторых аблативных значений грамматическими средствами русского языка вообще невозможно, ср.:

Он стоял за домом – Он вышел из-за дома, но: *Он стоял перед домом – Он ушел от дома*. В данном случае в русском языке, как правило, используется группа со значением расположения предмета по отношению к ориентиру в целом. В польском же языке эти значения реализуются в специальных формах: [...] *ruszyli zaraz sprzed domu ostro* [...] (W. Reymont) – *тронулись немедленно от дома* (букв.: *тронулись немедленно из-перед дома*).

Предлог *sprzed* (как и другие предлоги данного типа, напр. *zza – spoza, znad – sponad, spod – spopod, spomiędzy, spośród*) относим к т. наз. ориентированным предлогам. Он предполагает наличие трех элементов, а именно действующего предмета (действующей точки), пространственного ориентира (локализатора), а в качестве третьей точки подразумевается наблюдатель (говорящий) или требуется различение фасада (и, соответственно, задней стороны в структуре предмета, являющегося локализатором). Так, в высказывании *Powozы ruszyły sprzed ganku* – повозки тронулись от крыльца (букв.: *повозки тронулись из-перед крыльца*), действующей точкой будут ‘*powozы*’, локализатором – ‘*ganek*’. Третьим элементом данного динамического пространственно порядка является фасад локализатора (позиция наблюдателя в данной ситуации нерелевантна).

Существенную роль при установлении семантики этих конструкций (и тем самым реального пространственного порядка) играет коннотативное значение не только существительных в позиции при предлоге, т. е. существительных, называющих локализатор, но и целого речевого образа, в состав которого входят кроме предлога существительное и (чаще всего) глагол. Изучение тематических классов слов, с которыми в определенном языке традиционно сочетается данный предлог, представляет наибольший лингвистический и педагогический интерес. Роль глагола (и даже глагольной приставки) при выборе предложно-падежной группы следует изучать отдельно.

Сущность значения, выражаемого в польском языке конструкциями с именной группой *sprzed* + род. п. можно свести, как правило, к двум факторам. Первый из них предполагает наличие у предмета-локализатора определенного фасада, лицевой стороны. Ср. напр.: *dom, dworzec* (дом, вокзал); *biurko* (письменный стол); *samochód, tramwaj* (машина, трамвай) и т. д. При данных локализаторах перспектива наблюдателя оказывается несущественной. Так, *odjechać sprzed domu* – отъехать от дома (букв.: *отъехать из-перед дома*) воспринимается наблюдателем именно как *из-перед дома*, независимо от того, будет ли он сам находиться перед домом или, напр., за домом.

Вторым фактором, влияющим на семантику данных конструкций, является позиция (перспектива) наблюдателя. Влияние перспективы мы замечаем в тех случаях, когда наблюдатель и наблюдаемый предмет или лицо находятся по одну и ту же сторону локализатора, т. е. реализуется следующий динамический пространственный порядок: локализатор – действующий предмет (лицо) – наблюдатель.

Результаты сопоставительного анализа данного типа могут быть использованы не только практически. Они представляют и определенный теоретический интерес, поскольку анализ выявляет лингвистические, свойственные только данному языку способы выражения общих онтологических категорий.

Частицы и вводно-модальные слова как дискурсивная лексика

С. А. Манаенко

Ставропольский государственный педагогический институт
Дискурсивные слова, частицы, вводно-модальные слова, класс

Функционально-семантическое сходство двух пластов морфологически разнородных единиц – частиц и вводно-

модальных слов – указывалось исследователями, начиная с книги В. В. Виноградова «Русский язык», но только в насто-

ящее время отмечается их непосредственное участие в организации дискурса. И поскольку традиционные классификации модальных частиц и вводно-модальных компонентов, базирующиеся на исходных функциональном либо семантическом критериях, оснований для анализа данных единиц в дискурсивном ключе, по крайней мере, в явно выраженной форме не предоставляют, для их выделения следует обратиться к более глубинным свойствам отмеченных классов лексических единиц и образований. Так как в данных классификациях встречаются понятия, соотносительные прежде всего с коммуникативным уровнем: сообщение, высказывание, эмоциональная окрашенность речи и т. п., – а также есть замечания исследователей о текстовой ориентированности данных классов лексических единиц, т. е. подчеркивается их дискурсивная природа, целесообразно, с нашей точки зрения, в начале анализа специфики тех или иных классов и разрядов указанных единиц положить их отнесенность к тому или иному классу дискурсивной лексики, выделенных в монографии «Дискурсивные слова русского языка». В то же время синтаксическая традиция, идущая от трудов В. В. Виноградова, при квалификации частиц, выражающих смысловые и модально-экспрессивные оттенки «предложений и слов», а также модальных слов в центр интерпретации ставит говорящего, что вполне согласуется с актуализированным в настоящее время антропологическим подходом в научных исследованиях и постулатами развивающейся когнитивной лингвистики.

Поскольку частицы, как и другие лексические единицы в дискурсивном употреблении, относятся не к отдельному слову, а к некоторой части высказывания (пусть даже представленной одной лексической единицей), определение специфики дискурсивных слов требует рассмотрения значительно более протяженных контекстов, чем в случаях других единиц или недискурсивного употребления данных. В таких последовательностях надо учитывать некоторые специфические параметры, связанные с отношениями между «действующими лицами» дискурса. Следовательно, можно утверждать, что дискурсивное употребление лексических единиц во многом определяется коммуникативными потребностями говорящего, который в зависимости от своих интенций может актуализировать тот или иной компонент плана содержания дискурсивных слов, варьируя его. Однако подобное варьирование может зависеть от контекста, особенности которого могут усиливать или ослаблять тот или иной компонент семантики дискурсивных слов. Таким образом, дискурсивно употребленное слово выступает в виде двухместного предиката, устанавливающего отношения между некоторыми двумя единицами содержания высказывания. Поскольку построение семантической структуры высказывания можно рассматривать как введение некоторой концептуальной рамки и заполнение множества семантических позиций внутри нее при выборе для каждой из них одной из потенциально возможных альтернатив, дискурсивные средства осуществляют своеобразный *комментарий* этого *выбора*, позволяющий интегрировать вводимые элементы в когнитивное окружение, или же *комментируют само речевое действие*, соотнося его с интерактивной ситуацией. Варьирование содержания дискурсивного употребления слов обусловлено наличием инвариантного компонента смысла у каждого дискурсивного слова и своеобразным достраиванием смысла и его конкретизации за счет заполнения содержания контекстными дискурсивными смыслами, определенного условия функционирования дискурсивных слов. В результате тот или иной класс дискурсивных слов образуют лексические единицы, традиционно определяемые не только в качестве различных подразрядов одной части

речи, но и как разные части речи. В соответствии с общими особенностями функционирования выделяются 4 класса дискурсивных слов: 1) дискурсивные слова, сопоставляющие элемент и множество (класс элементов); 2) дискурсивные слова, вводящие в рассмотрение несколько реализаций одного положения вещей; 3) дискурсивные слова, связанные с понятием установочной базы и 4) дискурсивные слова, связанные с понятием гаранта. При этом свойства сущностей и отношения между ними являются индивидуальной чертой плана содержания дискурсивных слов, что и отличает их друг от друга.

В данной концепции, первые два класса дискурсивного употребления слов противопоставлены двум другим как дискурсивные слова, характеризующие семантические отношения между двумя фрагментами дискурса, дискурсивным словам, указывающим на способ построения дискурса. Дискурсивные слова, входящие в первую группу, сопоставляют элемент и множество: некоторый выделенный элемент осмысливается через его соотношение с множеством (классом) элементов, частью которого он является. При этом возникают два основных соотношения: ограничение, обусловленное противопоставлением в пользу выделяемого элемента, и предельность, когда в связи с положением вещей Р элемент Х (на основе противопоставления Р / не Р) определяется как предельный элемент множества, для которого выполняется Р. Для второго класса дискурсивных слов характерно установление отношений между двумя реализациями некоторого положения вещей: это может быть либо повтор реализации, либо качественное противопоставление реализаций. Третий класс дискурсивных слов указывает на самые различные соотношения между установочной базой Р и положения вещей q, исходно независимого от Р. Дискурсивные слова четвертого класса, характеризующие некоторое положение вещей в отношении наличия / отсутствия у него гаранта, отличаются друг от друга как типом гаранта, так и тем, каким образом опосредованное гарантом Р соотносится с не Р.

В отличие от авторов предложенной типологии дискурсивных слов, выделивших по два класса на разных основаниях (семантическом и дискурсивной стратегии), мы считаем, что данные классы – это *способы применения* говорящим лексических единиц дискурсивной природы. Именно поэтому первый критерий таксономии дискурсивных слов и их образований – **что** актуализирует и развивает (комментирует) говорящий при построении дискурса: а) уже заданную предшествующим контекстом область содержания или б) новую область содержания. Соответственно, первые два класса представляют использование дискурсивного слова для актуализации ранее заданной области содержания, третий и четвертый – для актуализации новой области. Второй критерий в таком случае – **как** происходит актуализация, т. е. способ организации содержания в заданной ранее области или в новой области в ее соотношениях с уже заданной: а' – на основе соотношения элемент-множество; а'' – на основе соотношения разных реализаций одного положения вещей; б' – на основе соотношения новой области как установочной базы с заданной областью; б'' – на основе соотношения новой области с гарантом речи. Внутри каждого подкласса проявляется типовой набор значений, совокупность которых охватывает весь спектр значений, зафиксированных для модальных частиц и вводно-модальных слов. Тогда представленные в функциональных классификациях модальных частиц (по РГ-80) и вводно-модальных единиц (по В. В. Бабаевой и Л. Ю. Максимова) разряды, подразряды и группы лексических единиц достаточно непротиворечиво распределяются по 4-м классам употребления дискурсивных слов.

Функциональное сближение глагольно-междометных форм со служебными частями

Т. И. Мочалова

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск

Глагольно-междометные формы, частицы, союзы, функция, транспозиция

Summary. The article is devoted to various cases of transition of verbs-interjections into auxiliary parts of speech.

Глагольно-междометные формы, имеющие усеченную, неизменяемую структуру, в определенных условиях контек-

ста могут сближаться со служебными частями речи. Рассмотрим для сравнения два типа ситуаций. 1. *Целоваль-*

ник стал смотреть сквозь щель в чуланчик. А дверь по лбу его: **хлоп!** [\approx **хлопнула**] (В. Шишков) и 2. *Только вдруг — хлоп!* — выходит из корчмы тот самый немец... (А. Курприн). В первом примере образование **хлоп** используется для передачи неожиданного, мгновенного действия, обладает глагольными свойствами: семантикой действия; грамматическими значениями вида, времени, наклонения, залога, (рода и числа); синтаксической функцией предиката. Во втором примере словоформа **хлоп** также имеет оттенок неожиданности, мгновенности (ситуации), не сопряженный, однако, с указанными выше глагольными признаками: эта форма характеризуется нулевой глагольностью.

В случаях подобного рода можно, по-видимому, условно говорить о функциональном сближении (или же частеречном переходе) форм вроде *бах, бац, глядь, треск, хлоп, чик, щелк* с эмоционально-экспрессивными частицами, которые характеризуют какое-то действие (или всю ситуацию в целом) с точки зрения неожиданности его реализации для субъекта, передают эмоциональную реакцию говорящего по поводу сообщаемого (удивление, возмущение, недовольство, раздражение и т. п.).

Такие типы употребления глагольно-междометных форм в литературе оцениваются неоднозначно. Впервые пример с подобными образованиями приводит А. А. Шахматов, однако он не дает их четкой и однозначной интерпретации. Большинство исследователей признает, что в таких случаях у глагольно-междометных форм происходит утрата всех семантических, морфологических и синтаксических свойств глагола. В то же время определение категориального статуса этих форм среди ученых вызывает разногласия. По мнению Ю. Т. Долина, Д. Р. Шарафутдинова и авторов Грамматики 1970, формы типа *бах, трах, хлоп* в позиции интонационного и грамматического обособления входят в состав междометия. Н. Ю. Шведова также причисляет эти образования к классу междометий, вносящих в предложение значение неожиданности, неподготовленности действия, хотя их лексическое значение ослаблено или полностью утрачено. При этом автор противопоставляет эти образования междометным глагольным формам *бух, жик, мах, топ, шашт, шмыг*, имеющим семантико-грамматическую близость с глаголами. Действительно, эти две группы противоположны, однако и перечисленные формы *бац, трах, хватъ, хлоп* могут употребляться в функции сказуемого, выражая при этом глагольные грамматические значения.

Наиболее убедительной, на наш взгляд, является точка зрения Г. В. Дагурова, С. А. Копорской, которые образования типа *бах, трах, хлоп* в позиции обособленного вводного компонента относят к частицам, вносящим в контекст оттенок неожиданности осуществляющегося действия. Как отмечает Е. Н. Прокопович, если убрать из контекста эти образования, то оттенок неожиданности исчезает. Причем сами эти формы не передают действие, а лишь подчеркивают характер его протекания.

Аналогично обстоит дело и с глагольно-междометными формами *глядь, хватъ*, не имеющими связи со звукоподражаниями. На наш взгляд, они также имеют функциональные омонимы — частицы, напр.: [Слизов:] *Мы, как последние одухи, объявили подписку на поднесение «от благодарных сослуживцев», а к осени — глядь — он вернулся* (В. Пиккуль); *Работает раз Стороженко в забое, хватъ — главный-то к нему и нагрнул* (Б. Полевой). Как видим, образования *глядь, хватъ* вносят в семантику предложения элементы непредвиденности обозначаемого события, выражают эмоциональное состояние говорящего — чувство удивления. Отметим точку зрения Грамматики 1982, которая значения неожидан-

ности, неподготовленности рассматривает в сфере модальных частиц, выражающих разнообразные оценки и субъективные реакции, куда отнесены и образования вроде *глядь и, хватъ и*.

Особо следует выделить те ситуации, когда образования типа *бац, глядь, хлоп* функционально приближаются к частицам и союзам одновременно. Так, например, в сложно-подчиненном предложении с союзом *как вдруг*, в котором временные отношения предшествования сопряжены со значением внезапности, неожиданности сложившейся в дальнейшем ситуации, этот оттенок могут усилить образования *хлоп!*, *глядь!*: *Сначала не ладилось, а потом пошло, и в такое я (Макаров) настроение пришел, как вдруг — хлоп! — нутье в животе, пополам согнуло...* (В. Астафьев). Предложения с союзом *как вдруг* представляют такие ситуации, в которых какое-то действие (обычно длительный процесс) неожиданно прерывается, и совершается некий незапланированный, неподготовленный факт.

В ряде случаев такие образования, употребленные между отдельными частями сложного предложения, замещают союз *как вдруг*, напр.: *Прошло время, наступило новое противостояние — хлоп [\approx как вдруг] — оказалось, что и каналов-то никаких нет, а все это оптический обман* (Л. Касиль). В приведенном высказывании образование *хлоп!* служит средством связи между частями сложного предложения, выражая наступление внезапного, неожиданного события. Образования *бац, глядь, хлоп* могут употребляться и в предложениях фразеологизированной структуры вроде *не успел... как; не прошло... как* для усиления оттенка неожиданности наступившего действия. Напр.: [Оратор:] *И что же — не успел я только вернуться, не успел свежим воздухом подышать, как бац — опять меня на два месяца в тюрьму!* (А. Гайдар); *Не успели дети подрасти, как — глядь! — уже и не стало пустоши* (В. Пиккуль). В приведенных примерах образования *как бац, как — глядь* находятся в отношении семантического согласования: оба слова выражают сему неожиданности действия.

Как показывает материал, в ряде случаев в конструкциях такого типа позицию союза *как* может замещать образование *глядь*, напр.: *Такова особенность нашей нелегкой службы: не успеешь привыкнуть к товарищу — глядь [\approx как], он уже либо ранен, либо погиб* (М. Колесниченко); *Петя Долгий сам разбивку соделал; не успел как следует проверить, — глядь [\approx как] — приезжает «газик»* (Б. Можаяев). Как видим, в приведенных случаях образование *глядь* функционально приближено к союзу-частице: оно служит средством связи частей сложного предложения и передает оттенок внезапности наступления действия, быстроты смены событий. При этом прерванность, незавершенного действия выражает глагол *не успел* + инфинитив. Конструкции с образованием *глядь* близки к таким предложениям, в которых вместо союза *как* употребляется сочинительный союз *а*, имеющий сопоставительное значение.

На основании сказанного можно заключить, что в определенных контекстуальных условиях образования типа *глядь, хлоп* утрачивают глагольные свойства и приближаются к классу эмоционально-экспрессивных частиц, привнося в контекст лишь значение неожиданности действия и выражая эмоциональную реакцию говорящего на это действие. Кроме того, такие «отглагольно-междометные частицы» могут приобретать признаки союза, если выступают в функции связующих слов. В результате такого частеречного взаимодействия появляются синкретичные образования, которые обеспечивают плавные переходы от одного класса слов к другому.

Парадигматические отношения в системе декомпаративных предложных единиц

А. Мукажанова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова / Казахстан
kamisama7@mail.ru

Компаратив, предлог, аналог предлога, аналитические тенденции в русском грамматическом строе

Summary. The paper discusses the paradigmatic relations between Russian decomparative prepositions.

В сообщении рассматриваются закономерности употребления русских компаративов типа *выше* в качестве аналогов

предлогов, а также правила образования от данных компаративов составных предложных единиц.

Предметом анализа стали системно выступающие в функциях предложных единиц компаративы и декомпаративные аналитические единицы, образующие коррелятивные парадигматические ряды типа *выше чего, выше от чего, выше по чему; ниже чего, ниже от чего, ниже по чему; левее чего, левее от чего, левее по чему; правее чего, правее от чего, правее по чему; восточнее чего, восточнее от чего, восточнее*

по чему; западнее чего, западнее от чего, западнее по чему; севернее чего, севернее от чего, севернее по чему; южнее чего, южнее от чего, южнее по чему и т. п. В сообщении излагаются результаты изучения семантико-функциональной парадигматики предложных единиц указанного типа и делаются выводы о месте подобных служебных компонентов в системе аналитических средств русской грамматики.

Русские предположительные частицы и вероятностная квалификация сообщаемого

И. А. Нагорный

Белгородский государственный университет

Квалификация, модус, персуазивность, ментальная операция

Summary. The report explains the status of modal-persuasive qualification as the mental operation of the subject. The object, subject and foundation of qualification are characterized here, and also the connection of the qualification with communicative aim of a speaker. We explain the aim of modal-persuasive qualification and the sphere of its using.

Русские частицы вообще, и предположительные частицы – в частности, это востребованный в коммуникационном процессе класс слов. Будучи служебными в грамматическом аспекте, частицы по частотности употребления уверенно держат одно из первых мест в обыденном языке общения. Русская разговорная речь насыщена частицами, на что неоднократно указывали отечественные лингвисты. Отмечалась и прагматическая составляющая в значении частиц, позволяющая грамматически служебному элементу выполнять в высказывании доминирующую смысловую функцию донесения до адресата прагматически обязательных смыслов.

В последнее десятилетие актуальной становится и проблема исследования степеней семантической опустошенности частиц. Например, частица *как бы*, выступая в функции скрепа, теряет предположительную и сравнительную составляющие своего значения (*Я как бы говорю ему; Да я как бы в магазин собралась; Он как бы пришел вчера вечером; Мы как бы в гости идем; Это как бы очень важный договор*).

Модальные частицы должны быть включены в группу знаков, основная функция которых в высказывании заключается в номинации особого, модального типа отношений. Служебные слова – инструменты субъектной квалификации, фиксаторы точки зрения квалифицирующего субъекта.

Как и другие служебные знаки, частицы не являются структурно обязательными элементами предложения, т. е. элементами конструктивно значимыми. Структурная факультативность частиц тем не менее не является препятствием ее полнофункциональности как знака коммуникативно ориентированного. Предположительные частицы в этом случае могут быть охарактеризованы как знаки, при помощи которых говорящий осуществляет «привязку» своего высказывания к ситуации в координатах «я – здесь – сейчас».

Исследование высказываний с предположительными частицами убеждает, что субъективно-модальные квалификаторы, не являясь ядерными элементами семантической структуры предложения, не являясь пропозитивно значимыми элементами, тем не менее активно участвуют в уточнении, обслуживании семантической структуры, а иногда и в ее формировании, в результате чего достаточно сильно трансформируют смысловое поле предложения субъективными характеристиками, выступая в роли семантически обязательных элементов.

Смыслы, вводимые при помощи предположительных частиц в предложение, существенно конкретизируют объективные, собственно предложенческие смыслы, соотносят их с говорящим, «проявляют» его позицию. Данные смыслы важны для высказывания, так как выражают авторство, что для речевого образования, в отличие от конструкции, модели, является определяющим.

В высказываниях с предположительными частицами объективный и субъективный слои смысла приближены друг к другу, представляют собой синтез двух единств. Диктум при помощи частицы как бы «притягивается» к модусу,

используется для нужд модуса, в результате чего субъективные смыслы внедряются в объективную часть – диктум, усложняя его смысловую структуру. Элементы модуса трансформируют семантические поля пропозитивно значимых элементов – предиката, актантов, сирконстантов.

Модусные смыслы, вводимые частицами, в ряде случаев даже подчиняют себе объективные смыслы, которые используются в качестве смысловой базы, на основе которой происходит прагматическая ориентация события: *Он как бы примеривался к прыжку* (Пропозиция действия заменяется на пропозицию состояния); *Я будто что-то слышу* (Пропозиция восприятия заменяется на пропозицию восприятия-состояния); *Она как будто пришла к себе домой* (Пропозиция движения заменяется на пропозицию состояния-восприятия).

Говорящий при помощи модального средства ориентирует адресата на то, что у говорящего имеются причины, существование которых предопределило его отказ от констатационного способа изложения собственной точки зрения. Данные причины заставляют говорящего избрать иную, неконстатационную форму выражения мысли. Факт существования подобных причин доводится до адресата как знак того, что говорящий при квалификации события ориентируется именно на них.

Кваликативные смыслы часто выступают в смешанном виде, нередко наблюдается плавный переход одного смысла в другой, совмещение их в пределах одного высказывания. Это обусловлено тем, в речевом коммуникативном процессе, как правило, работает целый комплекс взаимодействующих прагматических факторов.

Функциональный анализ антропоцентрической составляющей высказываний с предположительными частицами заставляет по-иному взглянуть на проблему исключительно частеречного подхода к изучению русских частиц. Узость такого подхода в настоящее время очевидна. Частицы, как служебные элементы, проявляют себя исключительно на уровне предложения-высказывания, что позволяет говорить о наличии у них особой, синтаксической семантики.

В аспекте прагматики и антропоцентризма сказанное позволяет выделить основные цели, которые преследуются говорящим при персуазивной квалификации события: высказать собственное видение ситуации, т. е. эксплицировать «личный» взгляд на ситуацию; донести свою точку зрения до адресата, добиться того, чтобы говорящего поняли адекватно тому, что заложено в основу персуазивной квалификации самим говорящим. И в первом, и во втором случае квалифицирующие средства – это «сигнал важности» сообщаемого факта, один из способов автора высказывания продемонстрировать свое небезразличие к происходящему. Употребляя предположительные частицы, говорящий боится недопонимания собственной позиции, ориентирует адресата на «правильное», по мнению говорящего, понимание ситуации, а также собственного взгляда на событие.

Модально-сравнительные союзы: абсолютное тождество?

Н. Т. Окатова

Дальневосточный государственный университет, Владивосток

Изъяснение, модальность, восприятие, достоверность, вероятность

Summary. This paper focuses on the synonymy of conjunctions with close modal and comparison meanings (Russian comparison markers – *tochno, budto, kak budto, chisto*) in the light of semantic sphere. The general semantic component of the synonymic row and opposition connected with the designation's character are described.

Сравнение, выражаемое модально-сравнительными союзами, принято считать модальным: компонент, отмеченный союзом, описывает ситуацию как не имеющую места в действительности, ирреальную, мнимую. Это свойство союзов и семантики конструкций, ими организуемых, соответствует метафоричности сравнения, которая заключается в том, что одной ситуации, предмету приписываются свойства другой, мнимой ситуации, предмета. Ряд таких союзов достаточно широк (*словно, как будто, точно, ровно, как если бы, будто, будто бы* и др), практически во всех контекстах допускается их взаимозаменяемость, что, однако, отнюдь не означает их тождественности.

Чем обусловлена взаимозаменяемость союзов? Все они объединяются общим модальным значением – способностью указывать на несуществующую, вымышленную ситуацию. Наличие изъяснительного значения (модуса «кажимо-сти») в любом модально-сравнительном союзе доказывается существованием реальных высказываний с экспликацией модуса предположения, «кажимо-сти»: <...> *младшая девочка смотрела исподлобья, казалось, что она зла и обижена на весь мир* (Е. Ковалева) – ‘будто (как будто, точно, словно) она зла и обижена на весь мир’. *От долгого дня у деда осталось такое впечатление, словно он пролежал его в больнице и теперь выздоровел* (И. Бунин).

Модус предположения, выражаемый словами естественного языка «казалось», «создавалось впечатление», заключается в субъективно-модальной оценке действительности: мыслящий и воспринимающий события субъект-говорящий для описания реальной ситуации обращается к недействительной ситуации, видя в ней признаки, сходные с теми, которые имеют место в реальной ситуации. Модус «кажимо-сти», «предположения» входит в семантику всех модально-сравнительных союзов: *Сизова побледила, схватилась за горло, будто* (создается впечатление, что) *возник приступ удушья* (А. Насибов). *Музыканты сидели неподвижно, молча* (создавалось впечатление, что), *словно исполняли какой-то священный обряд* (В. Самарин). Эти компоненты семантики союза (модальность и изъяснение) являются семантическим стержнем названных союзов и объединяют разные значения союза в смысловой структуре многозначного слова.

Характер включенности этих компонентов семантики союза в смысловую структуру слова, по нашему убеждению, влияет на специфику его значения. Яркие представители синонимического ряда – маркеры модального сравнения «точно», «словно», «будто», «как будто», «чисто».

Для «будто» изъяснительное значение исходное, основное, а семантика недостоверности, отличающая «будто» от «что», выступает на первый план. В сравнительном значении союза (второй семантико-синтаксический вариант) семантика недостоверности в силу этого также очень сильна, что поддерживается большим количеством фактов с введением отрицаемой реальной ситуации: *Летчик ощущал дрожь подраненной машины всем существом, будто это была не агония изувеченного мотора, а лихорадка, колотившая его собственное тело* (Б. Полевой).

«Как будто», в отличие от «будто», на первый план выносит идею чистого сравнения: говорящий был готов прибегнуть к простому сравнению («как»), но в следующий момент он меняет намерение и переходит к модальному сравнению («будто»), соответственно организуя синтаксическую структуру. В смысловой структуре слова первое, основное значение союза – сравнительное. Мена местами сравнительного и изъяснительного значений приводит к ослаблению значения недостоверности, которая затушевывается обыденностью ситуации, описываемой компонентом с «как будто». Эту обыденность можно считать вымыслом

реалиста, стремящегося все, даже возвышенное, принизить, свести к реальному, обыденному, а потому понятному миру: *Любовь – испытание, как будто тебя протаскивают через колючую проволоку и едва не убивают. Но не убивают* (В. Токарева).

«Точно», как и союз «как будто», в качестве первичного, исходного семантико-синтаксического варианта имеет сравнительное значение, но в отличие от него, в нем меньше мера расхождения впечатления и фактического положения вещей. С его помощью говорящий стремится к более точному представлению действительности: *Павел сидел **точь-точь** так, как теперь сидел бродяга: опустив голову, не двигаясь, **точно** он окаменел или спит непробудным тяжелым сном* (В. Короленко). Изъяснительное значение «точно» на периферии, так как изъяснению подлежит акт чувственного восприятия (ощущать, чувствовать, казаться), и говорящий, используя слова со значением недостоверности, одновременно пытается отразить факт сходства, подобия ситуаций: *А Нина уже мажет криком воздух, подвижный рот отделен от каменеющего лица – впечатление, **точно** над ней кудесит ученица-двоечница Медузы-Горгоны* (В. Тюрин).

«Словно» содержит те же компоненты значения, что и вышеперечисленные союзы, но, в отличие от них, изъяснительное значение союза «словно» прямо не выражается и не составляет отдельного значения союза, как у них (фактов с изъяснительным «словно» нами не выявлено). Вместе с тем указание на субъект и момент восприятия может присутствовать в высказывании в косвенном выражении: *По всему полю, докуда хватал взгляд, зашевелились, замахали красными рукавами высокие костры, **словно** ослепительные китайские драконы* (Н. Гумилев). Сходство двух ситуаций говорящий считает более верным, достаточным основанием для присвоения реальной ситуации имени второй, вымышленной ситуации: *Павлин... шагает, **словно** господин. И верно – он такой один!* (Т. Рождественская).

Употребляя «чисто», говорящий убежден в адекватности выносимой им оценки, считая идеальное, полное, исчерпывающее сходство описываемых ситуаций основанием для такой оценки: *Смотрите, луна какая большая – **чисто** ледяная глыбища* (Смирнов); *Ну и нос – **чисто** картоха печеная* (Б. Акунин). Для «чисто» характерно отсутствие изъяснительных конструкций и малое число примеров употребления его в сравнительных конструкциях.

Таким образом, по мере укрепления изъяснительного значения, его веса в смысловой структуре многозначного слова (союза), усиливается модальность недостоверности в сравнительном значении, меньше степень вероятности, адекватности выносимой оценки. Ослабление изъяснительного значения (включенность его в сравнительное, как у «словно»), вплоть до его исчезновения как отдельного лексико-семантического варианта («чисто»), приводит к ослаблению недостоверности и увеличению степени точности, адекватности выносимой оценки. Одновременно ослабевают союзные свойства слова, вплоть до его функционирования как преимущественно частицы: «чисто» функционирует прежде всего как частица, реже – частица в союзной функции. Таким образом, синонимический ряд может быть представлен следующим образом: *будто – как будто – точно – словно – чисто*.

Предпочтение говорящим того или иного союза из состава синонимического ряда обусловлено не только разницей в смысловой структуре союзов, в положительной или отрицательной оценке, в их стилистической характеристике, но и особыми пристрастиями говорящего, гармоничностью звукового облика слова, богатством его конструктивных и коммуникативно-прагматических возможностей.

Понятие текстовой парадигмы слова

Ф. И. Панков

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Парадигма, парадигматика, части речи, наречие, функционально-коммуникативная грамматика

Summary. The present report introduces a new notion namely a word's contextual paradigm, which is to be applied to the study of Russian adverbs.

Понятие парадигмы хорошо известно в лингвистике. Это в широком смысле класс языковых единиц, противопоставленных друг другу и в то же время объединенных по наличию у них общего признака, а также модель и схема организации такого класса. Совокупность парадигм языковой единицы образует ее парадигматику.

Различают, в частности, парадигматику слова и предложения. Парадигматика слова включает, в частности, морфологическую, синтаксическую, лексическую, словообразовательную, коммуникативную и др. парадигмы. Парадигматика предложения объединяет три основные парадигмы – синтаксическую, интерпретационную (трансформационную) и актуализационную (последние две обычно объединяют под общим названием коммуникативной) парадигмы.

Понятие текстовой парадигмы впервые было использовано применительно к предлогу и предложным образованиям. М. В. Всеволодова обратила внимание на несколько чрезвычайно важных аспектов функционирования русских предложных единиц. Создавая их максимально полный реестр и работая детально лексикографическую атрибуцию, она в качестве одной из позиций предложила учитывать именно текстовую парадигму предлога, учет которой, по ее мнению, призван выявить некоторые специфические характеристики того или иного предлога, проявляющиеся при его употреблении в тексте: способность / неспособность сочетаться с анафорическим местоимением при наличии того или иного антецедента (*в доме – в нем*, но: *в марте – *в нем*, *в обмороке – *в нем*), наличие двух форм реализации предложной синтаксемы: с падежной формой имени / местоимения (*по сравнению этики*) – и с согласованным определением – именем актанта или сирконстанта (*по этическим соображениям*).

Как показали наши исследования, понятие текстовой парадигмы можно распространить и на другие грамматические классы слов. Предложим ее дефиницию. Текстовая парадигма слова – это ряд противопоставленных друг другу изоморфных словоформ разного категориального статуса, включающий исходное слово и его контекстуальные корреляты, и в то же время объединенных общим денотатом.

Очевидно, что текстовая парадигма слова имеет полевую устроенность. Исходное слово текстовой парадигмы, ее ядро – это изосемическое слово, функционирующее в составе

изосемической изоморфной конструкции. Его контекстуальные корреляты – изосемические слова в составе изосемических неизоморфных конструкций (приядерная область), изосемические слова в составе неизосемических конструкций (ближайшая периферия), а также неизосемические слова (отдаленная периферия).

Исходным словом текстовой парадигмы могут быть слова разных частей речи – и самостоятельные (имя существительное, имя прилагательное, глагол, наречие), и несамостоятельные, служебные (например, предлог), однако, по-видимому, не любое слово способно иметь текстовую парадигму. Другими словами, текстовый потенциал разных слов может различаться. Очевидно, что ограничения кроются в трансформационных, деривационных возможностях каждого конкретного слова.

Главный признак, объединяющий разные члены текстовой парадигмы, – это общность передаваемого ими денотативного содержания, т. е. явления внеязыковой действительности. При этом разные категориальные классы слов могут оказываться изоморфными. Простейшим примером может служить текстовая парадигма наречия *быстро*, которая включает, во-первых, исходное слово – наречие *быстро* в составе изосемической изоморфной конструкции: *Юный спортсмен бежит быстро*; во-вторых, имя прилагательное в составе неизосемической конструкции – полное: *У юного спортсмена быстрый бег*; или краткое *Бег юного спортсмена быстр*; в-третьих, имя существительное *быстрота* в именительном падеже: *Быстрота бега у юного спортсмена высокая*; *Бег юного спортсмена – сама быстрота*; и в творительном падеже в составе неизосемической конструкции: *Бег юного спортсмена отличается быстротой*. Таким образом, текстовая парадигма наречия *быстро* включает по крайней мере пять членов: 1) Adv (исходное наречие *быстро*), 2) Adj_{полн.} (полное прилагательное *быстрый*), 3) Adj_{крат.} (краткое прилагательное *быстр*), 4) N_и (существительное в именительном падеже *быстрота*) и 5) N_т (существительное в творительном падеже *быстротой*).

Текстовый потенциал семантически и грамматически сходных слов может различаться. Ср., например, несимметричные текстовые парадигмы глаголов *интересоваться* (6 членов) и *восхищаться* (4 члена).

Сопоставление текстовых парадигм (ТП) глаголов *интересоваться* и *восхищаться*

Исходное слово Члены ТП	<i>интересоваться</i>	<i>восхищаться</i>
1) V _{-ся}	<i>Я интересуюсь математикой</i>	<i>Я восхищаюсь математикой</i>
2) V	<i>Математика меня интересует</i>	<i>Математика меня восхищает</i>
3) N _в	<i>Математика вызывает у меня интерес</i>	<i>Математика вызывает у меня восхищение</i>
	<i>Математика вызывает во мне интерес</i>	<i>Математика вызывает во мне восхищение</i>
4) Adj _{полн.}	<i>Самое интересное для меня – математика</i>	<i>Самое восхитительное для меня – математика</i>
5) Adv	<i>Мне интересно заниматься математикой</i>	<i>*Мне восхитительно заниматься математикой</i>
6) Adj _{крат.}	<i>Математика мне интересна</i>	<i>*Математика мне восхитительна</i>

Как видим, текстовая парадигма слова, как и другие парадигмы, может быть полной и ущербной. Причины ущербности текстовой парадигмы слова заключаются как в ограниченных деривационных возможностях самого слова, так и в условиях контекста. Это предмет нашего дальнейшего рассмотрения. В данном же случае ущербность текстовой парадигмы глагола *восхищаться* вызвана, в частности, ограниченным синтаксическим потенциалом наречия *восхитительно*, которое не способно занимать предикативную пози-

цию при инфинитиве. Ср. аналогично: **Мне очаровательно заниматься*.

Таким образом, понятие текстовой парадигмы на уровне слова помогает показать трансформационные возможности русского языка в целом. Очевидно, что текстовая парадигма слова тесно связана с целым рядом других парадигм слова и предложения: словообразовательной парадигмой слова, синтаксической и актуализационной парадигмами предложения, а также с явлением синтаксической деривации.

Дискурсивы в политическом тексте

О. Н. Паршина

Астраханский государственный технический университет

Дискурсивы, функции, речь политиков

Summary. The paper deals with the functions of the discursive words in the construction of the political text.

Рассмотрение дискурсивов находится в фокусе внимания ряда современных исследователей метатекста, изучающих дискурсивные слова с разных позиций, что проявляется прежде всего в неоднозначном понимании ими самого понятия – «дискурсивные слова».

Мы опираемся на широкое понимание дискурсивных слов как строевых компонентов текста, реализующих иллюкутивные функции и связанных с речевыми шагами говорящего по порождению текста. Широкое понимание позволяет выделить следующие общие функции дискурсивных слов: композиционно-строевую функцию, функцию акцентирования, фасциативную функцию (функцию координации адресата в речевом потоке) и рефлексивную функцию.

Наши наблюдения показывают, что в речи современных российских политиков часто встречаются дискурсивные слова, выполняющие рефлексивную (*вместе с тем, действительно, видимо, возможно* и др.), композиционно-строевую функцию (*прежде всего, поэтому, например* и т. п.) и функцию акцентирования.

Дискурсивные слова *поэтому, значит, вообще, видимо, возможно, действительно, наверное, конечно* отмечены нами у Д. О. Рогозина, И. М. Хакамады, Б. Е. Немцова, Г. В. Бооса, С. И. Иваненко и других политиков.

Важным элементом развертывания дискурсивного пространства в речи В. В. Путина также являются дискурсивные слова в рефлексивной и композиционно-строевой функции. Очень характерно для В. В. Путина употребление дискурсивного слова *вместе с тем*: *... в Конституции у нас написано / восемьдесят девять регионов // Вместе с тем очевидным является то обстоятельство / что ряд регионов страны являются экономически несамостоятельными / им трудно существовать / они вряд ли когда-нибудь в обозримом историческом будущем станут самодостаточными // В этом смысле / может быть / объединение с соседями является обоснованным и правильным // Вместе с тем / хочу это подчеркнуть / решение о возможном разведении и объединении Конституцией Российской Федерации отведено исключительно к компетенции самих регионов* [Пресс-конференция В. В. Путина. 12.04.2003]. Введение дополнительной информации о проблеме не ставит под сомнение релевантность левого контекста, а лишь показывает, что этой точки зрения недостаточно для того, чтобы оценить ситуацию в целом, что необходимо учесть все обстоятельства и он, Путин, стремится это делать.

Иногда высказывание с дискурсивом *вместе с тем* не просто расширяет, корректирует то, что уже говорилось, но, вводя особый, не учтенный ранее аспект, представляет иную точку зрения на рассматриваемое положение вещей: *И поэтому государство должно сделать все чтобы / повторю / ключевые элементы старой системы сохранить // Вместе с тем / и это то о чем я тоже уже говорил / если все это находится в условиях рынка / то функционировать как раньше не может // Для того чтобы все функционировало как раньше / нам нужно вернуть страну назад* [Ответы В. В. Путина на вопросы доверенных лиц. 12.02.2004]. В этом примере пропозициональное содержание фрагмента текста с дискурсивом *вместе с тем* (в условиях рынка не может функционировать) противопоставлено пропозициональному содержанию предыдущего высказывания (*сохранить ключевые элементы старой системы*). Но при этом они не взаимоисключают друг друга. На возможность достижения «сбалансированного» решения указывает последующее высказывание с дискурсивным словом *поэтому* (имеющим семантику вывода, следствия, обобщения ранее сказанного). *Поэтому нам систему здравоохра-*

нения / так же как систему образования / нужно приспособлять в тех элементах / где она с рынком сталкивается... / к новым условиям.

Интересна семантическая палитра дискурсива *значит*, как, например, в следующем фрагменте: *И как я уже сказал / мы спустились с трех с половиной миллиардов рублей до одного с половиной // Значит / давайте прямо скажем / нельзя давать / несбыточных обещаний / либо из других сфер выковыривать эти деньги / извините меня за моветон... В конечном итоге это только разрушает экономику // Значит / вот мы первую задачу в этой сфере уже решили... Вот эти повышения они значительны все-таки / в реальном исчислении // Значит все они реализуются с первого января текущего года* (В. В. Путин) [«Прямая линия». 18.12.2001]. В этом примере у слова *значит* неодинаковая дискурсивная семантика и неодинаковая роль в развертывании дискурсивного пространства. В первом случае *значит* семантически близко к союзу *и поэтому*, во втором – синонимично вводному слову *итак*, в третьем случае *значит*, скорее всего, выступает как сигнал добавления, уточнения.

Иную семантику имеет дискурсивное слово *действительно*: *Да / положение сложное // Действительно / я говорил об этом в самом начале / хочу повторить // Мы не могли перейти к бюджетной сфере / пока не погасили долги перед бюджетной сферой* (В. В. Путин) [«Прямая линия». 18.12.2001]. Дискурсивная семантика слова *действительно*, определяемая сферой действия правого контекста, который начинается с данного дискурсивного слова, – подтверждение и акцентирование, поскольку подтверждающий смысл уже содержался в слове *да* (левый контекст). В аспекте дискурсивной последовательности *действительно* выражает адекватность, отношение соответствия правого контекста тому положению вещей, которое оно описывает.

Довольно часто в текстах выступлений политиков используется дискурсив *прежде всего*: *Прежде всего в стране восстановлен конституционный правопорядок / укреплена а по сути отстроена заново вертикаль федеральной исполнительной власти* (В. В. Путин) [Программное выступление перед доверенными лицами. 12.02.2004]. В данном случае дискурсивное слово вводит контекст, иллюстрирующий, поясняющий общее описание действительности, которое присутствует в предыдущем контексте, констатируя при этом, что данный результат для говорящего очень важен.

Аналогичную дискурсивную семантику с добавлением значения временной последовательности действий, синонимичную слову *во-первых*, вводное словосочетание *прежде всего* в роли дискурсива проявляет и в таком примере: *Мы обязаны довести до конца и программу наших политических преобразований // <...> Прежде всего, мы реализуем реформу федеральных отношений /* (В. В. Путин) [Программное выступление перед доверенными лицами. 12.02.2004]. Обобщающее описание ситуации (*наши действия*) уточняется с помощью обращения к конкретным примерам. В подобных случаях дискурсив *прежде всего* оказывается близким по значению, но не тождественным вводному слову *например*, поскольку в отличие от него акцентирует не последовательность действий, а их значимость.

В целом, употребление дискурсивных слов позволяет политику реализовать свой интерпретационный замысел, выстроить аргументативный, логически стройный текст, выделить самое важное, главное и тем самым облегчить восприятие текста адресатом. Дискурсивы смягчают категоричность, подчеркивая неодносторонность проблем, учет говорящим разных обстоятельств, и в этом риторический смысл употребления дискурсивов.

Вариативность в выборе предлогов *в* и *на* при локальных объектах в памятниках деловой и бытовой письменности XIV–XVII вв.

А. Петерс-Подгаевская

Амстердамский университет (Голландия)

Документальная письменность, предлог, локальный объект, концептуализация, пространство

Summary. This paper focuses on a specific, systematic variability in usage of the spatial prepositions *v* ('in') and *na* ('on') with the same locations in the juridical documents and personal letters from the 14th-17th centuries. A possible explanation of this phenomenon could be a conceptual flexibility of language users in their interpretation of different locations. The author modulates also the way of thinking which could influence the choice of preposition.

В памятниках деловой и бытовой письменности XIV–XVII вв. (княжеские указы, духовные и дарственные грамоты, челобитные, грамотки, памяти и т. д.), созданных на исконно русских территориях, мы сталкиваемся со своеобразным употреблением пространственных предлогов *в* и *на* при некоторых конкретных физических локальных объектах, выступающих в роли ориентира или локализатора. Отметим, что речь здесь идет только о таких локальных объектах, которые представляют собой участки закрытого / замкнутого или открытого, природного или организованного и обустроенного человеком пространства.

Даже при поверхностном анализе видно, что в обширном ряде документов встречаются случаи *обратного* по сравнению с современной нормой употребления *в* и *на* при некоторых локальных объектах. Например: ...дворъ свои да сад за городом на посадь... [7, № 29]; А на Оустюжь, и на Вологдѣ, и на Костромѣ их не соудат... [8, № 7]. С другой стороны, отмечены многочисленные случаи *смешанного* употребления данных предлогов при одних и тех же локальных объектах, в пределах одного документа и даже одного предложения: ...и на подворьях у них не ставятся [...] и всякие ездки у них в подворьях не ставятся... [8, № 26]; ...да пустош(ь) Ильицино в-Ивашковском лугу, да на Ивашковском же лугу покосы... [8, № 231].

Это явление, носящее в описываемый период систематический характер, находится в прямом противоречии с современным узусом, не допускающим, за исключением нескольких случаев, подобных колебаний (подробно об этом в [1]).

На данную вариативность обращалось внимание некоторыми исследователями, которые, говоря о конкуренции предлогов в выражении аналогичных локативно-обстоятельственных отношений [2, 238], [3, 169], [4, 66], так и не смогли ответить на вопрос, почему такая вариативность была возможна.

Как нам кажется, обратное или смешанное употребление предлогов *в* и *на* при некоторых физических локальных объектах в одних и тех же или сходных ситуациях связано не с тождеством функций двух различных предлогов, а с тем, как мыслил носитель (древне)русского языка эти объекты – как закрытое вместилище или как открытое пространство-поверхность; а также с тем, что в них представлялось ему главным при языковом выражении формы данных объектов. И если в памятниках употреблялся иной предлог по сравнению с современной нормой или было возможно употребление обоих предлогов, то это свидетельствует об ином когнитивном осмыслении и концептуализации физического локального объекта [5, 6].

В связи с этим возникает два вопроса:

- для каких физических локальных объектов присуща вариативность в выборе предлогов *в* и *на*;
- с чем связано данное явление.

1. Анализ конкретного материала показывает, что это явление затронуло в полной мере прежде всего те локальные объекты, пространственная конфигурация которых не столь однозначна. В зависимости от того, на чем сфокусировано внимание говорящего – на границах или на внутреннем пространстве-поверхности – локальный концепт может видится то как вместилище, то как участок открытой поверхности, то как собрание разнородных элементов, расположенных на этой поверхности.

Постоянные колебания в выборе предлогов *в* и *на* прежде всего касаются таких локальных объектов, как *двор*, *монастырь*, *торг*, *лес*, *улица*, *остров*: ...и на монастырь и на монастырской двор возити ... и на монастырь возити [9, № 23]; И не вступатися намь ... ни на Онѣжскихъ островѣхъ [...] ни в Заецкой островѣ... [10, № 284].

Наряду с постоянной вариативностью необходимо отметить и спорадическую, которая может встретиться у любого локального объекта и предугадать которую в принципе не возможно.

2. Сопоставляя материал актовых документов с грамотами частно-правового характера и частной перепиской можно отметить следующее:

- набор локальных концептов и количество фактов вариативности неизмеримо возрастают в документах XVI–XVII вв.;
- спорадическая вариативность в выборе предлогов *в* и *на* представлена в частно-правовых грамотах и частной переписке гораздо лучше;
- вариативность в выборе предлогов не в одинаковой мере затрагивает одни и те же локальные объекты в обеих группах документов. (*Торг*, например, в актовых грамотах сочетается с обоими предлогами, а в частно-правовых и бытовых только с *на*. *Москва* в актовых документах встречается регулярно с *в*, а в частной переписке практически никогда.)

3. Как нам представляется, колебания в выборе предлога есть выражение большей подвижности и гибкости всей пространственной концептуальной системы исследуемого периода по сравнению с современной. Большое разнообразие интерпретаций являлось следствием постоянного переключения внимания говорящего с границ на внутреннюю часть или на поверхность локального объекта.

Так, носитель языка мотивировал свой выбор предлога *в* тем, что у всякого локального объекта можно поместить границы, в пределах которых можно находиться. Поэтому локальные объекты, даже не имеющие вертикального измерения, все-таки могли видеться как вместилища (*остров*, *улица*, *торг*).

На выбор предлога *на*, как нам кажется, влияли следующие представления:

- всякий локальный объект в действительности имеет не только поверхность, на которой можно находиться, но и внутреннюю часть, подчеркивающую его качественное своеобразие, «самость», при этом границы объекта были не всегда четко определены или релевантны для носителя языка (*пригород*, *монастырь*, *посад*);
- в ситуациях контроля над территорией как неким подвластным кому-либо владением внимание направлено на поверхность сверху вниз (*город*, *страна*);
- поверхность может являться объединяющим моментом, стягивающим различные объекты к центру при их разбросанности / рассеянности по поверхности (*лес*, *село*);
- при разворачивании движения по поверхности осуществляется непосредственный контакт с последней. (Интересно, что эта идея сохраняется в представлениях до сих пор.)

Большую роль играли и ассоциативные связи. Так, города, располагающиеся на реках или в устьях рек с тем же наименованием, сочетались с предлогом *на*, так как здесь превалировала идея собирания различных фрагментов пространства в единое целое (*Вологда*, *Кострома*, *Москва*, *Устюг* и др.). Эта ассоциативная связь постепенно ослабевает в XVII–XVIII вв., что привело в конечном счете к упорядочению представлений о городах как неких огороженных пространствах-вместилищах.

Таким образом, в русском языке в XIV–XVII вв. в пространственной концептуальной системе наблюдались противоположные процессы. С одной стороны, стабилизация и приведение системы к единообразию, а с другой – ее расшатывание.

Смешанное употребление предлогов *в* и *на* при локальных объектах объясняется, на наш взгляд, не тем, что они очень похожи друг на друга, а тем, что ментальные репре-

зентации некоторых локальных объектов допускали двойную интерпретацию.

Литература

1. *Пеетерс-Подгаевская А. В.* Проблемы расхождений в пространственной концептуализации физических локальных объектов в современном русском литературном языке и некоторых русских диалектах // Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists. Amsterdam; New York, 2003. С. 289–330.
2. *Станишева Д. С.* Винительный падеж в восточнославянских языках. София, 1966.
3. *Павлова Р.* Предложные конструкции в древнерусском языке в сопоставлении с древнеболгарским языком. София, 1977.

4. *Болдырев Р. В.* Предложно-падежное функциональное взаимодействие в русской разговорной речи. Киев, 1982.
5. *Lakoff G.* Women, Fire and dangerous Things. Chicago; London, 1987.
6. *Ungerer F., H. J. Schmid.* An Introduction to Cognitive Linguistics. London; New York, 1997.
7. *Черепнин Л. В.* Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
8. *Черепнин Л. В.* Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 3. М., 1964.
9. Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 2–3. М., 1956–1961.
10. *Валк С. Н.* Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Обусловленные синтаксемы «в + винительный падеж» в связанном употреблении (фрагмент описания)

Н. В. Петровская

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Синтаксема, сфера проявления предиката

Summary. Some aspects of using of syntactical construction accusative.

Основой данного исследования служит базовая работа Г. А. Золотовой «Синтаксический словарь», представляющий синтаксические ресурсы русского языка научно систематизированными в словарных параметрах. Богатейший материал, собранный автором в словаре, служит опорой при выявлении, дальнейшем описании и систематизации употребления синтаксем, однако не всегда позволяет наблюдать все разнообразие и все нюансы, которыми полон язык. Одной из поставленных задач является попытка выявить все возможные случаи употребления синтаксем и описать их значения.

Как известно, элементарной, далее неделимой единицей синтаксиса является синтаксема (А. М. Мухин, Г. А. Золотова), которая обладает способностью выступать в трех функциях, а именно: самостоятельно; в качестве компонента предложения; в качестве компонента словосочетания. Это разграничение послужило основанием для выделения трех типов синтаксем – свободных, обусловленных и связанных.

Значениями обусловленной синтаксемы винительный падеж с предлогом *в* в качестве предикативного компонента модели, описанным в словаре, являются характеристика субъекта по признаку принадлежности его к категории, группе лиц, обычно социально значимой: *Он в солдаты, она в санитарки*; нередко в корреляции с фазисной модификацией, выраженной формой *из + Род.*: *из поваров в пастухи*, которая синонимична творительному предикативному: *стал поваром, стал пастухом*.

Среди значений винительного падежа с предлогом *в*, выступающего в качестве предикативного компонента модели, а также в той же функции, но при поддержке лексически ослабленных глаголов, выражающих значение направленности, сопровождающееся предикативно-грамматическими значениями и дополняемое модальными и экспрессивно-оценочными, можно выделить следующие группы, называющиеся:

- 1) профессии или род занятий (*в садовники, в подрядчики*);
- 2) воинские звания (*в генералы, в капралы*);
- 3) сословия (*в дворяне, в разношцы*);
- 4) социальные положения (*в мужья, в жены*);
- 5) социальные, политические, идеологические, общественные и др. группы (*в приживалки, в иждивенки, в пионеры*);

В форме винительного падежа множественного числа может быть использовано имя прилагательное, характеризующее группу лиц или неодушевленных предметов (*пойти в благородные, попасть в бесперспективные*).

Винительный падеж с предлогом *в* может выступать в той же функции, но при наличии лексически ослабленных глаголов, обозначающих изменение положения лица (*отдать в солдаты, взять в жены, представить в офицеры*). При этом конструкция приобретает фазисное значение.

Оценочное значение конструкция получает при употреблении глагола *годиться* (*годиться в отцы, годиться в проработчики, годиться в няньки*). При этом устанавливается соответствие между субъектом и обусловленной синтаксемой.

Модальные значения конструкция приобретает в сочетании с глаголами *метить, навязываться, повадаться, напрашиваться* (*метить в генералы, навязываться в подружки, повадаться в гости, напрашиваться в жены*).

Значение превращения, перехода из одного социального, профессионального, воинского и т. д. положения в другое передают именные сочетания (*избрание в академики, зачисление в группу, вступление в комсомол, отбор в мастера, выбор в руководители*). Этим же значением обладает именное сочетание с модальным словом *кандидат* (*кандидат в президенты, кандидат в депутаты* и т. д.).

Как следует из вышеприведенных примеров, во многих случаях мы имеем дело с описательными предикатами. Сферами проявления предиката будут социальная, физическая, модальная и др.

Семантическая структура наречия (на примере лексем *вмиг, мгновенно, моментально*)

А. Е. Рубан

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Наречие, синонимико-вариативный ряд, система темпоральных значений, лексико-семантический вариант

Summary. Our research is carried out in the context of practical grammar (functional and communicative) focused on the teaching Russian for foreigners. The review is devoted to the semantic structure of temporal adverbs. This part of speech is one of the most complicated for foreign students, as it is not fully covered in the Russian explanatory dictionaries. We analyze the system of lexical meanings of concrete adverbs: *вмиг – мгновенно – моментально*.

1. Наше исследование проводится в рамках функционально-коммуникативной грамматики (ФКГ). ФКГ описывает языковые явления не только от формы к смыслу, но и от смысла к средствам его выражения, сочетая семасиологический и ономазиологический подходы, и в первую очередь адресована иностранным учащимся с целью практического овладения языком.

2. Объектом исследования являются русские наречия с обстоятельственным значением времени в функционально-коммуникативном аспекте. Долгое время наречие как часть речи не вызывало особого интереса в лингвистике и сегодня остается, пожалуй, наименее изученным среди самостоятельных категориальных классов слов. В лингвистике до сих пор нет единого мнения относительно определения на-

речия и его семантических и синтаксических классификаций, недостаточно изучен его богатый семантический и синтаксический потенциал.

3. Язык – явление многофакторное, а следовательно, необходим интегрирующий подход в изучении его единиц. Особенно это важно для преподавателей РКИ. То, что доступно и просто для носителей языка, зачастую оказывается непонятно и сложно для иностранных учащихся. Это послужило основной мотивацией для изучения синонимико-вариативных рядов наречий (СВР). Проблеме синонимии уделяется значительное внимание как в отечественной лингвистике, так и в зарубежной. Сегодня существует большое количество синонимических справочников и словарей. Но эти словари синонимов, как правило, учитывают только семантику слова. В нашей работе также уделено значительное внимание семантической структуре наречий. С одной стороны, большинство наречий не имеет собственных словарных статей в толковых словарях, а с другой – имеющиеся толкования не содержат информации о том, как употребляется то или иное наречие и зачастую не передает особенностей всех его лексико-семантических вариантов (ЛСВ). Можно говорить о новых критериях выделения ЛСВ слов, когда учитывается не только их значение, но и употребление, а именно режим интерпретации языка, синтаксический потенциал, коммуникативный статус и стилистическая маркированность отдельного ЛСВ.

4. Мы обратились к конкретному СВР темпоральных наречий *вмиг* – *мгновенно* – *моментально* – *быстро* – *стремительно* – *оперативно* – *молниеносно* и рассмотрели его фрагмент, а именно наречия *вмиг* – *мгновенно* – *моментально*. Выяснилось, что толковые словари не помогают выстроить ясную картину употребления данных наречий. Мы рассматриваем СВР наречий в рамках упорядоченной дихотомически-оппозитивной системы темпоральных значений [Панков 2005]. Соответственно каждый из выделенных ЛСВ занимает в ней свою позицию. Можно говорить о двух основных ЛСВ для всех трех наречий:

1) ЛСВ₁ ‘за короткое время’.

В первом значении данная группа темпоральных наречий дает темпоральную характеристику действия или события безотносительно к какому-либо временному ориентиру. Они не дифференцированы относительно кратности и характеризуют временную протяженность действия с указанием на его завершенность:

Мальчик моментально решил контрольную.

Ср. аналогично:

Мальчик вмиг решил контрольную.

Мальчик мгновенно решил контрольную.

2) ЛСВ₂ ‘через короткое время’.

ЛСВ₂ выражает время относительное, то есть учитывает определенный временной ориентир. Так как можно говорить об объективной и субъективной оси времени, в рамках данного значения мы выявили два критерия определения ЛСВ: объективный и субъективный. В соответствии с объективной осью времени выделим ЛСВ_{2.1} – ‘через короткое время’ (по отношению к времени другого события, в нарративном режиме). Данный ЛСВ характеризует объективное время событий, фиксирует их последовательность относительно друг друга. В системе значений темпоральных наречий ЛСВ_{2.1} выражает относительное время, указывает на факт соотнесенности действия с временем другого действия, характеризует действие как неодновременное с другими действиями, выражает конкретизированную неодновременность, следование за другим, причем эксклюзивное безотлагательное следование:

Учитель вошел в класс, дети вмиг встали.

Ср. аналогично:

Учитель вошел в класс, дети мгновенно встали.

Учитель вошел в класс, дети моментально встали.

В соответствии с субъективной осью времени у наречия *моментально* выделим ЛСВ_{2.2} – ‘через короткое время’ (по отношению к настоящему моменту (НМ), в речевом режиме). ЛСВ_{2.2} характеризует время в представлении говорящего (с точки зрения субъекта). ЛСВ_{2.2}, как и ЛСВ_{2.1}, выражает относительное время, но указывает на факт соотнесенности действия с моментом времени относительно НМ, выражает несовпадение с НМ, не конкретизированное несовпадение, следование действия за НМ:

Я моментально вернусь домой.

Мы сейчас, моментально... Вот тут книжка, и в книжке это объяснено.

5. В итоге каждый из определенных ЛСВ наречий имеет свою синонимику, антонимику, оценку, а также занимает определенные синтаксические позиции, имеет свою сочетаемость, коммуникативную парадигму, стилистическую характеристику и соответствующие корреляты в иностранном языке. Сходство в функционировании и наличие позиций нейтрализации исследуемых наречий связано с их лексической природой, с тем, что они являются членами одного синонимического ряда и соответственно занимают одни и те же ячейки в системе темпоральных значений наречий. Но данные наречия образуют не просто синонимический, а СВР, следовательно, в ряде случаев вступают в отношения дополнительной дистрибуции, что обусловлено их синтаксическими, коммуникативными и стилистическими характеристиками. При этом учитываются именно ЛСВ, а не лексема в целом.

Предложно-падежные синтаксемы с нумеративно-именным лексическим компонентом

А. В. Сентябова

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (Беларусь)

Синтаксема, предлог, предложное сочетание

Summary. The author analyzed structure of syntaxemes with numerative nominal lexical component in Russian and Belorussian languages.

На сегодняшний день в поле параметрической лексики в русском и белорусском языках входит более 130 единиц в каждом, способных выполнять функцию предлога (*бак вместимостью 65 литров, магнитное поле напряженность 50 ампер / метр*).

Список таких единиц открыт, так как процесс пополнения научной картины мира новыми сведениями о параметрах неорганических и органических объектов непрерывен и постоянен. Однако возможности вхождения параметрических единиц в систему можно исчислить (в докладе это показывается на примере лексемы *высота*). Парадигма предложных единиц, образованных на основе лексемы *высота*, способна включать около 490 единиц в русском языке и более 525 единиц в белорусском языке. Эти цифры получены путем моделирования, однако, что отражает речевая действительность, и какие предпочтения в моделях избираются

носителями языков в каждой предметной области, могут показать только дальнейшие исследования.

При анализе списочного состава параметрических предлогов в русском и белорусском языках выявлены общие свойства и некоторые различия в морфологической парадигме параметрических лексем: а) при функционировании их в качестве предлога из падежной парадигмы русского языка выпадает только форма И. п., а в белорусском языке – формы И. п. и Д. п.; б) отмечено разное количество предлогов, функционирующих с параметрической словоформой в русском и белорусском языках.

Параметрические слова в специализированных текстах (по биологии, географии, геологии и т. д.) часто требуют наличия еще одного компонента, который называет носителя параметра. В синтаксему с параметрическим предлогом данный компонент обязательно вводится в тех случаях, когда

одинаковыми свойствами измеряются разные в физическом отношении объекты, например: *мощность мотора / культурного слоя / тока*. Эти компоненты информативно дополняют синтаксему с нумеративно-именным лексическим компонентом. Без параметрической синтаксемы такие компо-

ненты не употребляются (*иторм с высотой волны до 18 метров; томаты с высотой стебля до одного метра; жилье с высотой потолка меньше 2,7 метра*).

В докладе рассматривается структура таких гибридных синтаксем и функции их компонентов.

Проблема частеречного статуса эквивалентов слова

Г. Н. Сергеева

Дальневосточный государственный университет, Владивосток

Служебные части речи, слова неопределенной категориальной принадлежности

Summary. The report attempts to specify the status of some lexemes – equivalents of a word. Traditionally they concern to adverbs or modal words and are not fixed in the linguistic literature. In these words attributes of different parts of speech are combined with attributes of syntactic words. It testifies that these words have no certain status.

Вопрос о лингвистическом статусе многокомпонентных эквивалентов слова имеет давнюю историю (П. А. Лекант, М. Ф. Палевская, Р. П. Рогожников и др.), однако решенным его признать нельзя. Так, финские ученые А. Мустайоки и М. Копотев отмечают, что с проблемой описания единиц русского языка, «больших», чем слово, но «меньших», чем словосочетание, они столкнулись при компьютерной обработке материала для Аннотированного корпуса русского языка «ХАНКО / HANCO», то есть к рассмотрению этого вопроса их привели чисто практические цели. Но не менее сложны и разноплановы теоретические аспекты, одним из которых является частеречный статус эквивалентов слова (в структурном отношении мы ограничиваемся предложно-падежными словоформами и называем их лексикализованными – ЛСФ). Положение осложняется тем, что эквиваленты слова представляют собой большой массив фактов, активно пополняющихся образованиями, стилистически маркированными: диалектными (*на сухую, с песочком, с пыльцою*), разговорными (*по идее, без надобности*), просторечными (*в аккурат, без разницы, по жизни*), жаргонными (*в натуре, по барабану*) и т. д. Все эти неоднородные в стилистическом отношении единицы – эквиваленты слова оказываются и чрезвычайно разнообразными по выполняемым функциям.

Интерес представляют ЛСФ, соносительные не со знаменательными частями речи (наречиями, прилагательными, словами категории состояния), а с модальными и служебными словами, – прежде всего открытостью границ, во-первых, между самими модальными и служебными словами, а во-вторых, между знаменательными и служебными частями речи. Именно на периферии знаменательных частей речи (глаголов, существительных) происходит сокращение парадигм в процессе лексикализации форм, семантико-синтаксическое обособление (Д. Н. Шмелев), редукция до одной формы (Ю. Д. Апресян), появление фразем (Г. И. Кустова).

На этом участке оказывается и сложнее всего квалифицировать частеречную принадлежность слова, тем более что в лингвистической литературе и словарях категориальный статус эквивалентов слова неоднозначно, как правило, не определяется. Даже такие широкоупотребительные лексемы, как *в общем, в целом, в принципе, в основном* относятся то к составным наречным образованиям (Р. П. Рогожникова), то к вводно-модальным словам, служащим средством связи высказываний в тексте (Т. С. Алгазина, А. И. Голубева, Л. М. Лосева и др.).

Другое решение предлагает Г. М. Крылова в кандидатской диссертации: указанные слова она считает словами, не имеющими определенной категориальной принадлежности, совмещающими функции нескольких частей речи: наречия и модального слова; наречия, частицы и союза; модального слова и текстовой скрепы. Таким образом, поставлен вопрос о границах класса «служебных слов».

Как слова неопределенной категориальной принадлежности могут быть квалифицированы многие эквиваленты слова, которым свойствен функциональный синкретизм: *наверх, без преувеличения, не без основания, в идеале* и др. *Без преувеличения* в разных контекстах проявляет свойства наречия, модального слова и служебного слова; признаки этих частей речи могут совмещаться. Напр.:

О героизме так называемых войск прикрытия некому поведать – гарнизоны укрепрайонов бились до последнего снаряда, до последней пули. Красноармейцы без преувеличения бились до последнего вдоха. Их душили дымом, жгли огневymi струями <...> (Е. Долматовский. Зеленая брама); Движения их были стремительны, их ложноножки гораздо длиннее нормальных, и работали они ими, без преувеличения, как спруты (М. Булгаков. Роковые яйца); От этого недавно пострадала одна известная транснациональная корпорация. Отказались работать в ней без преувеличения выдающийся маркетолог <...>, а затем юрист <...> (Золотой рог. 1996. № 75).

К этой же группе слов примыкает и лексема *по определению*, являющаяся ярким примером дискурсивного слова: она отражает позицию говорящего, служит средством усиления аргументации. Напр.:

Раньше в шахматах чемпион мира по определению диктовал ситуацию (Изв. 2004. 4 дек.); – Сейчас вот только начинают все осознавать. Власть по определению – это возможность влиять на поведение людей (Изв. 2004. 17 янв.).

Класс служебных слов активно пополняется текстовыми скрепами, среди которых выделяются скрепы-фразы (термин А. Ф. Прияткиной), широко представленные ЛСФ. Напр.:

<...> Читаю Вас давно. Всегда с большим интересом. Мола бы объяснить почему. Но будем экономить время. Вопрос: Каков круг чтения у Вас? Назовите классика, которого держите под рукой. И назовите журналиста, который Вас ни разу не разочаровал. / – Ну что же, по порядку. Главная наша беда: времени для чтения крайне мало <...> (В. Песков. Три часа сердечного разговора...); <...> В заключение: Г. В. Быкова написала очень хорошую монографию. Надеюсь, что и в дальнейшем она будет думать и писать в том же креативном стиле (Ю. А. Сорокин. Еще одно лакунологическое исследование...).

Следует сказать еще об одном пути пополнения служебной лексики: в современной газетной публицистике наблюдается расширение функциональных возможностей ЛСФ. В частности, эта особенность свойственна лексемам модели без + N₂. Приведем для примера ЛСФ *без комментариев*. Она может употребляться в ответной реплике-реакции в диалоге: – *Виктор Федорович, правда ли, что Радуев уже в «Белом лебеде»? / – Без комментариев (Изв. 2002. 13 авг.).* ЛСФ приобретает и другие текстовые функции: употребляется как подзаголовок, объединяющий несколько фрагментов текста, оценку которым должен дать читатель; в позиции вставки; в позиции заключающей части фрагмента текста или всего текста. Напр.:

Все было даже лучше, чем я ожидал. И самое главное – сколько было красивых межнациональных романов. Молодость, гормоны, свобода – любви все этносы покорны, без комментариев! (Владивосток. 2005. 14 янв.). Выработалась даже заключительная фраза текста *Как говорится, без комментариев*.

Таким образом, полифункциональные единицы – ЛСФ часто невозможно «подвести» под какую-нибудь традиционно выделяемую часть речи. Это обусловлено как многоаспектностью самого объекта исследования, обнаруживающего разнообразие связей с различными частями речи, так и отсутствием четких границ в системе лексико-грамматических классов слов.

Первообразные предлоги: проблемы словарного представления и сопоставления (на примере предлога *по* в русском и украинском языках)

А. В. Ситарь, Е. Н. Виноградова

Донецкий национальный университет (Украина), Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Функционально-коммуникативная грамматика, предлог, первообразный, сопоставление

Summary. In the abstract some problems of dictionary representation and comparison of prototypical prepositions are raised. The Russian and the Ukrainian prepositions *по* are used as examples.

Данное сообщение представляет собой фрагмент совместной работы лингвистов МГУ им. М. В. Ломоносова, Донецкого национального университета, Гродненского государственного университета и Белорусского государственного университета над проектом «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис». Задачами проекта являются создание полного реестра предложных единиц разного типа в славянских языках, определение принципов и механизмов опредложивания полнозначных частей речи, выработка модели лексикографического представления предложной единицы, анализ в рамках категории предлога различных парадигматических отношений и др.

Анализ фактического материала уже на первых этапах совместной работы выявил количественные и качественные изменения в составе предложных единиц, в рамках которых участниками проекта рассматриваются: 1) собственно предлоги: а) первичные: *на столе*; б) вторичные: *касатель-но работы*; 2) эквиваленты предлогов, подразделяющиеся в свою очередь на две подгруппы: а) аналоги предлога – единицы, строящиеся по уже существующей модели (ср. *во время перестройки, в эпоху капитализма*); б) корреляты предлога – формы слова, системно выступающие в функции предлога, но остающиеся в рамках своей части речи (*реферат объемом в 20 страниц, машина весом более чем 2 тонны*). В разрезе поставленных проблем особое внимание уделяется эквивалентам предлога как наименее описанному типу предложных единиц. В то же время остается открытым целый комплекс вопросов, связанных с принципами описания (атрибуция предложной единицы на данный момент представляет собой 27 пунктов) и сопоставления первообразных предлогов, частеречная принадлежность которых на сегодня не вызывает сомнения. Покажем некоторые из этих проблем на примере предлога *по*.

Прежде всего, перед участниками проекта встал вопрос: единица какого объема является минимальным (необходимым и достаточным) элементом для выделения в словарную статью? Рассмотрим ряд критериев, которые можно учитывать / не учитывать при определении подобной минимальной единицы: а) управление предлога, б) значение предлога, в) тип синтаксемы, формируемой предлогом.

Список значений первообразных предлогов в сравнении с эквивалентами отличается разветвленностью, а управление, как правило, включает несколько падежей. Так, в составе русского предлога *по* выделяется *по₁* (+ N_{дат}), *по₂* (+ N_{вин}) и *по₃* (+ N_{предл}), которые различаются списком возможных значений (например, в МАСе для *по₁* дается 20 значений, для *по₂* – 5, для *по₃* – 3). В украинском языке управление предлога *по* ограничивается винительным и падежным падежами, т. е. в структуре словарной статьи выделяются соответственно *по₁* и *по₂* (в СУМе – «Словник української мови» в 11 т. – для *по₁* выделено 4 значения, для *по₂* – 8). Отметим, что в подавляющем большинстве существующих словарей предлоги, управляющие разными падежами, представлены в одной статье.

Отдельные параметры предложных единиц – частотность, синонимические, антонимические, омонимические, конверсивные отношения и др. – непосредственно коррелируют со значением предлога. В силу этого и возникает вопрос о целесообразности рассмотрения этих особенностей в рамках отдельных для каждого значения предлога словарных статей, что при всей корректности описания влечет за собой непомерно большой объем создаваемого словаря. Кроме того, следует отметить, что количество выделяемых значений прямо зависит от степени их дифференциации и учета типа предикатной, субъектной, объектной и т. д. ролей (напр., в широком общем значении «локатив» выделяется ряд более

конкретных значений: исходный пункт движения, путь движения и др.).

В результате разграничения в рамках проекта свободных, обусловленных и связанных синтаксем (по Г. А. Золотовой) перед участниками рабочих групп встал вопрос о выделении в отдельные словарные статьи предлогов, употребляемых в связанных синтаксемах (идея принадлежит М. В. Всеволодовой). В пользу такого решения говорят следующие моменты: а) синтагматические характеристики (группа глаголов и соответствующих девербатов) подобных предлогов должны быть строго прописаны (например, для *по* + N_{дат} это будут глаголы «горестного чувства»: *горевать, томиться* и подобные, а также имена соответствующей семантики); б) трудно выделить и корректно сформулировать какое-то определенное значение у предлога, входящего в состав связанной синтаксемы. Ср. в словарях эти значения обычно описываются с помощью глаголов, при которых выступает данная синтаксема: например, в МАСе *по* + N_{дат}, значение № 18 «употребляется при указании на лицо, предмет, о котором скучает, тоскует кто-л. (со словами *скучать, тосковать, тоска* и т. п.)»; в) парадигматический потенциал предлогов в значениях, входящих в связанные синтаксемы, как представляется, невысок. Так, подобные синтаксемы не всегда можно заменить синонимическими в виду узости их сочетаемости (ср. *ударить ломом по льду, щелчок по лбу*).

Сопоставительный анализ контекстов с русским предлогом *по* и его украинскими эквивалентами вскрыл проблему, общую для всех первообразных предлогов. Речь идет о различной функциональной «нагрузке» предлогов в двух языках, что, в свою очередь, связано с несовпадением состава предложно-именных конструкций. Так, русской синтаксеме с предлогом *по* в украинском языке может соответствовать: а) конструкция с другим предлогом (*на, з, за* и др.): *отправить по адресу – надіслати на адресу, тетрадь по математике – зошит з математики, сделать по аналогии – зробити за аналогією, уехать по совету друга – поїхати за порадою друга, отсутствовать по уважительной причине – бути відсутнім з поважної причини, публикации по проблеме предлогов – публікації з проблеми приємників, советы по консервированию – поради щодо консервування, з консервування* и т. д.); б) беспредложный оборот: *идти по дороге – йти шляхом, отличаться по произношению – відрізнятися вимовою* и др. (см. работы О. Курило, И. Р. Выхованца и др.); в) конструкция с предлогом *по*, но в более узком, чем в русском языке, диапазоне значений: *платить по 5 рублей – платити по 5 карбованців, пойти по грибы – піти по гриби*.

Абсолютно очевидно, что можно проследить связь таких несовпадений с определенными значениями и управлением. В частности, русской синтаксеме «*по* + N_{предл}» в украинском языке соответствуют только синтаксемы с другими предлогами вне зависимости от значения, ср.: *по окончании игры – після завершення гри, тосковать по родных – тужити за рідними*; синтаксеме «*по* + N_{дат}» в локативном значении (транзитив) – N_{тв} без предлога: *идти по полю – йти полем*; а синтаксеме «*по* + N_{вин}», как правило, – конструкции с предлогом *по*: *руки грязные по локти – руки брудні по лікті* (меры и степени), *пойти по ягоды – піти по ягоди* (значение цели); *платить по 100 рублей – платити по 100 карбованців* (количественное) и т. д.

Таким образом, проблема значения предложных единиц непосредственно связана с вопросом о принципах сопоставления предлогов в близкородственных языках (см. работу А. М. Шаранды), поскольку наиболее корректным представляется подход «от смысла к форме». В силу этого одной из важных задач международного проекта является создание

универсальной типологии предложных значений, которая станет отправной точкой для сопоставления предлогов в славянских языках. В то же время сопоставительный анализ может показать, насколько корректно дифференцированы семантико-синтаксические отношения, т. е. в некотором смысле стать критерием правильности выделения значений.

Проблема о предлоге *о* в русском языке рубежа XX–XXI вв. в синхронии и диахронии

С. С. Скорвид, Д. К. Поляков

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

slavlang@philol.msu.ru

Синхрония и диахрония, предложно-падежные конструкции, тенденция аналитизма, «семантический» синтаксис

Summary. The prepositional construction *о + locative case* wide-spread in contemporary colloquial Russian with a lot of words meaning messages, thoughts, feelings etc. proves to be a natural continuation of the old Slavonic type with originally spatial semantics ('around').

Как уже не раз упоминали исследователи русского синтаксиса, В. И. Даль в своем словаре предпослал статье о предлоге *о* примечание: «Значенье этого предлога весьма разнообразно и напрасно стеснено и ограничено нынешним веком». В следующем столетии его функции сузились еще более. Из конструкций предлога *о* с предложным, или местным, падежом (*о + L*) в активном употреблении удерживаются почти только такие, которые выражают отношение к объекту речевого либо иного сообщения, мысли, внимания и т. п. При этом, однако, такие конструкции в русском языке особенно нынешней эпохи рубежа XX–XXI вв., в первую очередь разговорном, рвутся наружу из узких для них рамок литературного стандарта, генерализуясь для многих лексем, которые по нормам литературного языка имеют другую предметную валентность или вообще ее лишены.

Распространение конструкций *о + L*, с которыми боролись еще ревнители речевой культуры советской поры (ср. названия заметки *О чем это характеризует?* в [2, 61]), освещено в ряде недавних работ, особенно [1, 252–262]. Обширный материал, который мы черпали в 2005–2006 гг. из речи, радио- и телепередач, прессы и прочих источников, однако, побуждает попытаться дать еще одно объяснение живучести данного явления – в первую очередь в диахронном плане.

Материал новейшего времени позволяет привести многочисленные примеры конструкций *о + L* с именами и местоимениями, а среди местоименных прежде всего конструкций *о том + придаточное предложение*, для большого числа глаголов и имен, а также предикативных прилагательных / причастий и наречий со значением вербальных, ментальных, перцептивных, эмоциональных и других процессов, проявлений и состояний. Ср.: *О таком варианте развития событий мы предсказывали еще в августе; Я бы вначале хотела коротко отметить об одной важной вещи; Там было описано о том, как мне платили хорошую зарплату; Сегодня лидеры партий не скрывают о том, что они продают места в списке; Прежде чем учить о жизни, надо...; Всех об этом призываю; ...намекнул обласному руководству о необходимости раскошеливаться; Дикий закон приняли, в котором указано о том, что...; Давления... прямого... о том, чтобы изменить решение, не будет; ...прохлопал о том, что у него в стране не все в порядке; Мы любим глядеть на Запад о том, как они там правильно живут; Сегодня произошло то, о чем я и представить не могла; Они же не понимают о том, что они сгинут в небытие; Принципиальное понимание о необходимости перехода к рыночным отношениям... разделяют наши украинские коллеги; С годами эта истина о жестокости профессии становится очевиднее; Сегодня я вам покажу небольшой мастер-класс о том, как...; Эйфория о том, что мы смогли это сделать, должна смениться рутинной работой; Не могу быть не взволнован о положении современного военнослужащего; Вы были уверены на процентов восемьдесят-девяносто о том, что ему дадут иммунитет; Сегодня господин Буш сказал: «...то, что напали, правильно. Правильно – им лучше об этом!».*

Активизирующиеся конструкции *о + L*, стимулируемые далеко идущей аналогией, бесспорно, отражают присущую 194

На наш взгляд, сопоставительная грамматика предлогов, ожидаемая как результат проекта, должна опираться на сравнение не отдельных предлогов, а отдельных семантико-синтаксических отношений, что может быть полезным, в том числе, при изучении славянских языков как иностранных.

живому языку тенденцию к «семантизации» синтаксиса, его ассоциативности. Сообразно с этим, рассматривая данное разговорное явление, не следует односторонне судить о нем с позиций отступления от действующей литературной нормы и тем более, как бывает, демонизировать его, представляя вредоносным новообразованием. Исторически конструкции анализируемого типа не новы, и – процитируем реплику, прозвучавшую по ТВ, – *проблема не о целительстве идет... Проблема сейчас не о том.*

В литературном языке XIX в. конструкции *о + L* почти столь же часто, как и в нестрого литературном современном, встречались при глаголах и именах, совершенно тех же или однотипных тем, для которых теперь эта сочетаемость воспринимается как ненормативная. Ср.: *Пожалуйста, не поленись обо всем обстоятельно мне описать* (Пушкин); *начертал план для будущей жизни... о которой колебался он открыть ей* (Бестужев); *не почла за нужное даже намекнуть о том мужу* (Тургенев); *по сю сторону ограды о том мире представляли себе как о какой-то несбыточной сказке* (Достоевский); *Открой же мне, однако, как ты об этом понимаешь?* (Лесков); *...уже явилось сознание о возможности несправедливой, небезгрешной наживы* (Успенский); *...начал Игнатий Никифорович с полной и спокойной уверенностью о том, что Нехлюдов социалист; слушая его... хвастовство о том, как он устроил дела опеки; на третий или на четвертый день я стал жену скачуню, стал спрашивать, о чем...* (Толстой).

Можно сделать вывод о том, что в развитии русского языка двух последних столетий явственно прослеживается преемственность конструкций *о + L*, непрерывно удерживавшихся в употреблении с некоторым их ограничением под воздействием изменяющейся литературной нормы и соответственно со стилистической переоценкой и перемещением части таких конструкций из литературного языка в «субстандарт». На то, что они оставались и остаются высокопродуктивными, полагаем, повлияли два фактора. Во-первых, эти конструкции лежат в русле глобальной тенденции роста аналитизма, исторически свойственной русскому и вообще славянским языкам. Во-вторых, данный тип как нельзя лучше служит для передачи широкого значения неспецифицированного косвенного отношения – не только 'на тему о чем', но, шире, 'по поводу / насчет чего' либо даже 'в связи с чем'. Это, как нам кажется, вызвано сохраняющейся до современного этапа спецификой древней семантики предлога *о*, для которого исконным было значение 'вокруг / около'. Контекстуально следы первообразного пространственного восприятия описываемой ситуации поныне присутствуют в рассматриваемых случаях разговорного использования анализируемых конструкций, ср.: *Посмотрите на карту – на ней показано о том, где находится Рим* (учитель на уроке географии).

Литература

1. Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых лексических ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000.
2. Тимофеев Б. Правильно ли мы говорим? Л., 1963.

Функционально-коммуникативный анализ синонимико-вариативных рядов русских наречий (на примере лексем *часто* и *зачастую*)

Е. М. Степанычева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Функционально-коммуникативная грамматика, наречие, синонимико-вариативный ряд

Summary. This report is devoted to functional and communicative analyze of Russian synonymic adverbs – words that have almost similar meaning but different grammatical functions. We research both the semantic and the grammatical structure of adverbs. The results of such analyze help foreigners to use Russian adverbs correctly.

1. Объектом нашего внимания является функционирование в речи лексем, которые традиционно описываются как синонимичные. Однако подобные лексем не всегда оказываются взаимозаменяемыми. Так, предметом данного исследования являются синонимико-вариативные ряды русских наречий, в частности, фрагмент одного из таких рядов – лексем *часто* и *зачастую*. Во многих случаях замена одного наречия другим является некорректной. Ср. возможность (1а) и неотмеченность (1б):

(1а) *Воду в аквариуме необходимо менять ча¹сто.*

(1б) **Воду в аквариуме необходимо менять за¹частую¹ю.*

В докладе представлен сопоставительный анализ наречий, составляющих синонимико-вариативный ряд, а также выявлены параметры, по которым их можно сравнивать, т. е. оснований для сопоставления, в частности определить различий в семантике, сочетаемости, способности играть ту или иную роль в коммуникативной перспективе предложения, а также отличий по стилистической охарактеризованности.

2. При работе с наречиями мы в первую очередь исследуем данные современных словарей русского языка. Информация, предлагаемая ими, не всегда достоверна, порой противоречива и нередко ставит в тупик иностранцев, изучающих русский язык. Наше исследование основывается главным образом на работе с материалом: мы анализируем примеры употребления наречий *часто* и *зачастую*. В ходе анализа мы выявляем ряд грамматических контекстов, употребление в которых является типичным для одних словоформ и невозможным для других. Всякий раз мы убеждаемся в том, что каждому из «синонимичных» наречий присущи индивидуальные семантические, коммуникативные и синтаксические особенности.

3. В целях систематизации данных, полученных в результате анализа, мы выделили некоторые общие основания для сопоставления наречных лексем. Нами была разработана схема атрибуции, где были объединены параметры, по которым можно было бы характеризовать наречия вообще и выявлять отличия в семантике, синтаксическом и коммуникативном поведении синонимичных лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ) в частности.

Первым параметром является **этимология**, выявление которой позволяет проследить, как развивалась во времени семантическая и грамматическая оформленность той или иной лексемы.

Важную роль играет анализ семантики. **Семантика** – второй параметр в нашей схеме атрибуции. Здесь, в первую очередь, мы очерчиваем семантические границы лексемы, выделяя ее ЛСВ.

Так, мы выявили семантическую асимметрию наречий *часто* и *зачастую*.

Часто имеет более широкое лексическое значение и представлено тремя ЛСВ:

*часто*₁ – темпоральный ‘повторяющийся через короткие промежутки времени’:

(2) *В театр мы ходим часто;*

*часто*₂ – локативный ЛСВ ‘с небольшими промежутками, на небольшом расстоянии’:

(3) *Деревья в саду посажены часто;*

*часто*₃ – квантитативный ЛСВ ‘во многих случаях’

(4) *Простуда часто связана с воспалением сердечных мышц.*

Лексема *зачастую* представлена одним ЛСВ ‘во многих случаях’:

(5) *Зачастую налогоплательщик вообще не понимает, что от него требуется.*

Мы выяснили, что синонимичными являются не лексем *часто* и *зачастую* в целом, а лишь их квантитативные ЛСВ.

В рамках семантики рассматриваются такие дополнительные параметры, как оценочность ЛСВ и градуированность признака, выражаемого ими, синонимика и антонимика ЛСВ.

Третий параметр – **коммуникативный статус словоформы** – служит для характеристики ЛСВ с точки зрения их способности занимать различные позиции в коммуникативной структуре высказывания.

ЛСВ интересующих нас лексем имеют отличия по этому параметру. Так, *часто*₁ и *часто*₂ имеют неограниченный коммуникативный статус, квантитативные же *часто*₃ и *зачастую* могут играть только коммуникативные роли темы и парентезы. Ср., например, корректность употребления *часто*₃ и *зачастую* в позиции парентезы (6а) и невозможность их нахождения в реме (6б):

(6а) *Неудачные во³йны / часто / зачастую порождают в обществе шовинизм.*

(6б) **Неудачные во³йны / порождают в обществе шовинизм ча¹сто / за¹частую¹ю.*

Четвертым важным основанием для сопоставления наречий и выявления их специфических признаков являются их **синтаксические особенности**. Здесь мы анализируем синтаксические позиции словоформ, рассматриваем отдельно их употребление с глаголами и знакомимся с некоторыми синтагматическими особенностями.

Следующий параметр – **стилистические особенности ЛСВ** – позволяет охарактеризовать каждый ЛСВ с точки зрения его стилистической отмеченности.

Все ЛСВ лексемы *часто* являются стилистически нейтральными, *зачастую* же имеет стилистические ограничения.

Шестым параметром является **сопоставление наречий с иноязычными эквивалентами**, позволяющее найти их соответствие в других языках в целях создания максимально полного описания лексем и призванное помочь иностранным учащимся в обучении правильному употреблению русских наречий.

Так выглядит разработанная нами в ходе функционально-коммуникативного анализа схема лексикографической атрибуции наречий.

Итогом и логическим завершением проведенного анализа является лексикографическое описание лексем *часто* и *зачастую*.

4. В будущем мы планируем привлечь к анализу более широкий круг лексем, завершив работу с тем синонимико-вариативным рядом, фрагмент которого уже проанализирован, и рассмотрим другие ряды русских наречий.

Возможно, работа с новым материалом повлечет за собой выделение дополнительных параметров для лексикографического описания. В дальнейшем мы будем стремиться к усовершенствованию разработанной схемы атрибуции наречных лексем, накоплению и обобщению опыта анализа материала в целях создания максимально полного и адекватного лексикографического описания и составления в перспективе функционального словаря русских наречий.

Словоформы параметрических существительных как корреляты предлогов

Р. Судзуки

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова / Япония

В нашей работе рассматриваются имена существительные, которые в некоторых своих словоформах выступают в функции предлога и присоединяют к себе в качестве управляемой единицы числительные или количественно-именные сочетания.

Количественная характеристика предмета или действия может выражаться с помощью разнообразных параметрических слов, как, например, *вес, крепость, энергия* и т. д. Они выступают в той или иной синтаксической форме – без предлога или с предлогом: *длинной – в длину*. Каждая из именных словоформ, образующих коррелят, может выступать или индивидуально, присоединяя квантитатив, как правило, в именительном падеже: *Мост длиной пятьсот метров*, или в более сложных структурах, присоединяя в постпозиции дополнительные компоненты. Весь набор реализаций данной словоформы образует ее семантическую парадигму. Словоформы параметрических существительных в функции коррелята выступают в следующих формах: а) тв. п. без предлога типа *диаметром*: *Лампы люминесцентные кольцевые диаметром шестнадцать миллиметров*; б) с + тв. п. типа с *диагональю* экрана: *Телевизор с диагональю двадцать один дюйм*; в) с другими первичными предлогами типа *в высоту, на высоту, на высоте, с высоты, до высоты* и т. п.

Строевые компоненты, стоящие в постпозиции к существительному, разделим на три группы:

1) первичные предлоги типа *в + в. п., с + в. п.*, вводящий, как правило, имя релянта, *до + р. п., от + р. п.*, составной дистантный предлог *от + р. п. до + р. п.*: *длинной в метр; высотой с дом; объемом до одного кубического метра; размером от двух метров; величиной от двух до пяти метров*.

2) вторичные предлоги типа *около, порядка, свыше, сверх + р. п.*: *крепостью около сорока градусов; вместимостью свыше ста человек; мощностью сверх тысячи ватт; шириной порядка трех метров*.

3) компаративы типа *более, больше, менее, меньше* и их контекстуальные синонимы типа *выше / ниже, толще / тоньше* и т. д.: *Отряд численностью более / больше двадцати человек; Окружность диаметром не менее / не меньше десяти метров*.

Особенности управления. В подавляющем большинстве случаев квантитатив – припредложный управляемый компонент синтаксемы – выступает:

1) в форме им. п. при базовой единице типа *высотой*: *Стержень высотой одна десятая метра*; и синонимичных ей форм типа *в высоту*: *Башня – в высоту сорок метров*.

2) в формах косвенных падежей при наличии предлогов и конкретизаторов, а именно:

а) после предлогов *в* и *с* – в форме в. п.: *Книга объемом в сто печатных листов; Птица размером с курицу*.

б) после всех остальных компонентов – в форме р. п.: *Высотой до трех метров; Глубиной порядка сорока метров; Вместительностью более ста человек* и т. д.

Наш материал показывает, что имеется определенный тип составных (т. е. состоящих из двух и более простых единиц) числительных, которые выступают в им. п., не только в общих случаях, но и после строевых компонентов, требующих р. п. Мы не нашли в грамматике названия такой группы числительных и условно назвали их «комплексными», это:

1) показатели пропорции типа *два к пяти*: *В растворе крепостью порядка один к трем*, 2) показатели диапазона типа *один – шесть*: *Породы крепостью в пределах один – шесть по Бомэ*, 3) показатели площади или объема типа *три на пять*: *Удовольствие работать с картинками размером не более сто шестьдесят на сто шестьдесят*, 4) показатели степени типа *пять в тридцатой*: *Частица с энергией свыше десять в двадцатой*, 5) десятичные дроби типа *ноль целых одна десятая*: *Частицы величиной не более ноль целых пять десятых нанометра*.

В функции коррелята предлога параметрические существительные системно сочетаются в рамках одной синтаксемы именно с количественно-именными группами. Это особая предложная функция словоформ с параметрическим значением.

Теоретические основы когнитивно-дискурсивного словаря

В. И. Убийко

Башкирский государственный университет

Семантическое пространство, концептуальные линии, концептосфера, дискурс

Summary. Main theoretical ideas of «active» dictionary are regarded in the report.

В докладе предлагается рассмотреть проект когнитивно-дискурсивного словаря. Постулируемый объект представляет собой новый тип активного словаря. В нем должны быть отражены разнообразные виды связей между языковыми единицами, возникающие в процессе речепроизводства. При этом главная роль отводится динамическому аспекту интерпретации лексической системы, описанию словаря в действии. Он должен отражать механизм владения языком.

Семантическое пространство языка анализируется в соотношении с концептом. В результате подобного рассмотрения в словаре представлена комплексная языковая интерпретация концепта, включающая ключевые лексемы, их дериваты, антонимо-синонимические ряды, паремии, преедентные имена.

Основная задача словаря – показать последовательное развертывание в языковых структурах и определить основные линии развития семантики языковых средств, использованных для его выражения. Для решения поставленной задачи необходимо найти устойчивое соотношение располо-

жения лексем и их сочетаний с нашими знаниями о мире. Конечная, стратегическая цель связывается с описанием структуры языкового знания, скрытого в системе лексем и их сочетаемостном потенциале. При таком подходе сочетаемость (как лексическая, так и грамматическая) становится неотъемлемым признаком выражения того или иного параметра концепта (концептуальной линии).

Ориентация на дискурс в представлении материала проявляется в том, что вся функционально-смысловая сфера, «развертывающая» концепт, сближается с текстом (шире – с дискурсом), вбирая в себя его возможное смысловое содержание. Поэтому вполне сопоставимыми оказываются, например, статья когнитивно-дискурсивного словаря, развертывающая концепт «радость», и текст, имеющий в качестве тематической доминанты ключевую лексему *радость* (напр., см.: Вересаев. Euthymia). Концепты в словаре представлены не изолированно, а в рамках определенных концептосфер. При таком подходе понятие языковой картины мира оснащается необходимой эмпирической базой данных.

Семантика предлогов *в* и *на* и их функционирование в коммуникативном пространстве Украины

А. А. Ховалкина

Крымский государственный медицинский университет им. С. И. Георгиевского (Украина)

Языковое сознание, языковая интуиция, вариативность употребления

Summary. The article is concerned with the functioning of prepositions «в» and «на» in the communicative space of the modern Ukraine.

Семантика предлогов *в* и *на*, достаточно глубоко освещенная в трудах В. В. Виноградова и других языковедов, стала объектом пристального внимания не только исследователей языка, но и широкой образованной общественности Украины. Особенностью этнокультурного и коммуникативного пространства бывших республик, а ныне суверенных государств, стало противопоставление государственного национального и негосударственного русского языков. В сложившейся ситуации главенствующий де-юре национальный и де-факто русский язык обречены не только на взаимопроникновение, но и на определенную конфронтацию в наиболее болезненных точках, затрагивающих национальное самосознание и языковую интуицию носителей обоих языков.

Известно, что исторически предлоги *в* и *на* относятся к словам, бытующим в русском языке с дописьменной эпохи. Они восходят к общиндоевропейскому словарному фонду и, таким образом, в числе других общеславянских слов принадлежат к важнейшей и древнейшей части ядра лексического состава русского языка. Как и все первообразные предлоги, они многозначны.

Если обратиться к семантической структуре рассматриваемых служебных слов, то, согласно лексикографическим данным, они совпадают в главной семантической функции – передавать объектные и определительные отношения и получать свою специализацию при обозначении места: для предлога *в* – ‘направление куда-нибудь’ или нахождение где-нибудь’, для предлога *на* – ‘поверхность, на которой сверху располагается или куда направляется что-нибудь’ и ‘место, область или время деятельности’. В отличие от предлога *в*, предлог *на* расширил свою семантику и приобрел значение ‘место деятельности’, в котором нерасчлененно присутствуют три семы: локальная, темпоральная и деятельностная. Одна из них актуализируется контекстом, а остальные присутствуют имплицитно. Например – *на работе* актуализирована сема ‘характер деятельности’, *на выставке* – ‘место’, *на каникулах* – ‘время’.

Анализ употреблений предлогов с названиями улиц, проспектов и переулков и других топонимов показывает, что существуют области употребления, где выбор в пользу одного из предлогов не является логически мотивированным и не поддается рациональному истолкованию. Уровень поверхностных наблюдений не позволяет раскрыть закон выбора и объяснить механизм его действия. Ясно лишь одно: он не является договорным и не регулируется нормой употребления, то есть не допускает принудительности.

Антуан Мейе, выдвинувший тезис о социальной природе языка, показал, что конечной причиной изменения значения слов являются не внутренние сдвиги в контексте и не психологические процессы как таковые, а стоящие за ними социальные факторы. Представители пражской школы связывали эволюцию языка с такими экстралингвистическими факторами, как установление политических границ, возникновение территориальных и других объединений. В наибольшей степени это характерно для лексики, непосредственно связанной с обозначением реалий, понятий из области идеологии. Исследователи социологической лингвистики послевоенной Германии, введя понятие социолекта, обратились к изучению общественно значимых вариантов языковых знаков в социологически релевантных группах в определенных ситуациях речевого общения, характеризующих не только профессиональную и политическую деятельность, но и идеологическую позицию говорящих. Вопросы

о закономерностях изменения языка под влиянием общества поднимались в коллективном труде «Принципы социологического изучения русского языка советской эпохи», где в качестве социального фактора развития языка называется и такой, как создание нового государства. Таким образом, с образованием нового государства Украина, с установлением новых политических границ и со сменой идеологических установок прежний топоним наполнился новым содержанием, что на формальном уровне выразилось в замене одного предлога другим. Такая перестановка не затронула верхних уровней семантики обеих языковых единиц, но нарушила традиционное, нормативное, зафиксированное всеми словарями русского языка употребление. Ненормативное, но социально (политически, идеологически) мотивированное «*в*-употребление» (по аналогии с «*в России*» и др.) вошло в конкуренцию с нормативным, традиционным, и в силу этого также идеологически окрашенным «*на*-употреблением», в результате чего возникла ситуация вариативности.

Наблюдая за речью носителей русского языка при формальном и неформальном общении в различных сферах и ситуациях речевой деятельности, легко прийти к выводу о неупорядоченном варьировании *в*- и *на*-употребления. Что же мешает природному носителю русского языка утвердиться в одном из вариантов? Объяснение наблюдаемому явлению можно найти в трудах американских социолингвистов. В работе «Исследование языка в его социальном аспекте» Уильям Лабов появление вариантов в речи объясняет двумя возможностями: 1) варианты относятся к различным системам, и их чередование – пример «смешения диалектов» или «переключения кодов»; 2) о вариантах говорят, что они находятся в отношении свободного варьирования, и выбор между ними лежит ниже уровня языковой структуры. В докладе приводятся примеры обоих случаев употребления.

Опытным путем было подтверждена существующая в социолингвистике аксиома диалектного смешения: во всех случаях, когда подчиненный диалект (в нашем случае – литературный язык, не получивший статуса государственного или официального) находится в соприкосновении с вышестоящим диалектом (в нашем случае – с языком, имеющим престижный статус государственного), ответы, данные в любой официальной ситуации тестирования, обнаруживают сдвиг от подчиненного диалекта к вышестоящему в хаотичной и беспорядочной форме. Термины «подчиненный» и «вышестоящий» обозначают здесь любое иерархическое социальное противопоставление по принципу «осуждаемый» – «престижный». Следствием такого смешения может быть сознательное или бессознательное расшатывание сложившихся неподконтрольных связей, питаемых глубинными процессами, лежащими ниже уровня языковой структуры. Таким образом, широкие контакты говорящих на родном языке с носителями вышестоящей формы речи может привести к расшатыванию и утрате языковой интуиции. Известно, что в лингвистике, кроме логических и инструментальных методов, существует метод интроспекции, который полностью покоится на названном феномене. Представляется, что сохранить устойчивость в использовании языковых единиц, глубоко встроенных в языковое сознание и освященных всей практикой русскоязычной культуры – прямая обязанность кодификаторов, природных носителей и преподавателей языка. Ведь речь идет не о периферийной, а о строевой лексике, о языковых единицах, принадлежащих к ядру лексического фонда русского языка.

Предложные единицы в Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)

В. Л. Чекалина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Предлог, предложная единица, верификация категориальных классов слов

Summary. The paper discusses the apparent discrepancy between the contemporary approach to the prepositions and prepositional units and the way these units are presented in the Dictionary of Old Russian Language (XI–XIV cent.)

В докладе представлены некоторые результаты исследования, которое проводится в рамках межнационального проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис». Если предыдущие исследования велись по большей части в синхронии, то мы предлагаем взгляд на историю предлога, но с учетом последних выво-

дов, полученных в результате теоретического осмысления проблем, связанных с описанием русских предложных единиц (русских предлогов и их эквивалентов) [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7]. Отметим, что нам представляется чрезвычайно важным использование в диахронических работах результатов анализа синхронных срезов.

В последнее время дискурсивные слова (ДС) стали объектом пристального внимания лингвистов. Описания ДС представлены в специальных работах: Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания (1998), Путеводитель по дискурсивным словам (1993), а также в исследованиях Ю. Д. Апресяна, Е. В. Падучевой, Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, А. Зализняка и некоторых других. Исследователи в своих толкованиях значений ДС пользуются преимущественно логическим аппаратом и получили существенные результаты в рамках этого подхода.

Лингвистами давно отмечен тот факт, что вводно-модальные слова выполняют функцию, которая близка к функции предикатов пропозиционального отношения в перформативном употреблении (*Я думаю, считаю, полагаю, знаю*). ДС и предикаты, с логической точки зрения, выражают в самом общем виде одно и то же – ту или иную модальность (например, путативные глаголы *думать / считать / предполагать* и ДС *наверное / очевидно / возможно / вероятно* формируют модальность мнения-предположения).

Установленные исследователями аналогии в семантике выражаемых и предикатами, и ДС модальностей подтверждаются интуицией носителей языка и результатами семантических исследований, но некоторая загадка в значениях вводно-модальных слов остается, в частности невозможность с помощью собственно семантического метаязыка детально проанализировать и установить различия в значениях синонимов (например, *возможно, очевидно, может быть, вероятно, должно быть, наверное* и др.).

Эти ДС в синонимическом ряду средств создания модальности мнения-предположения противопоставлены друг другу в аспекте внутренней формы, которая в самом общем (нерасчлененном) виде задает интерпретацию выражаемой интенции как связанной с разными внутренними мотивациями говорящего («верой», «очевидностью», «долженствованием», «бытием», «возможностью»).

Рассуждения о лингвистической природе, о характере значений вводных слов требуют учета сходств и различий в функционировании этих слов: во-первых, с предикатами пропозиционального отношения, во-вторых, с синонимами внутри группы ДС. Возникает вопрос: какие прагматические правила руководят выбором говорящего? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть роль слова не только в семантико-синтаксической структуре предложения, но и в коммуникативной организации соответствующего речевого акта.

С точки зрения семантико-синтаксической главное отличие вводно-модального слова от предиката состоит в изолированной синтаксической позиции и в связанной с нею коммуникативной роли слова в линейно-акцентной структуре предложения как базы речевого акта (РА). В коммуникативной организации РА сообщения, соответствующего предложению с предикатом *думать* (Ср.: *Я думаю, что Иван не придет тебя проводить*), компонент *Я думаю* выполняет функцию зачина РА, и поэтому именуется темой; основная пропозиция – *Иван не придет тебя проводить* – компонент, которому можно приписать коммуникативный статус ремы, ввиду его информативной актуальности и ведущей роли в воплощении иллокуции РА сообщения.

Коммуникативная организация предложения с ДС и коммуникативная структура соответствующего ему РА сообщения иная (Ср.: *Иван, наверное, не придет тебя проводить*). Зачином, темой является компонент *Иван*. Актуально значимая, рематическая информация, воплощающая иллокуцию РА сообщения, представлена компонентом *не придет тебя проводить*. Дискурсивное слово *наверное*, по причине грамматической изолированности и интонационной и пунктуационной обособленности, не может быть отнесено ни к теме, ни к реме. ДС не выполняет ни функцию зачина, ни функцию ремы, реализующей иллокуцию сообщения. Его

изолированная коммуникативная позиция, соответствующая грамматической изоляции, и коммуникативная роль осознаны лингвистами как особая коммуникативная позиция атонаической темы (См. Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи).

Атонаическая тема – безударный компонент коммуникативной структуры, который произносится в allegro-темпе и без внутренних пауз. Это позиция между двух ударных компонентов (темы и ремы) – коммуникативно теневая позиция. По отношению к содержанию атонаическая тема – это коммуникативная ниша для горящего, с этой позицией связаны его ремарки, эмоциональные и вероятностные оценки сообщаемого.

Вводно-модальное слово в функции парентезы, в коммуникативной позиции атонаической темы, представляет собой своеобразную вставку в логически выстроенную речь, оно как будто бы «дает выход» спонтанной, вырывающейся в момент речи, не запланированной заранее реакции, отражающей внутреннее состояние говорящего – его интенцию. Эта вставка, осознаваемая как лишняя признаков преднамеренного рационального обдумывания и планирования, противоположна и противопоставлена остальной части предложения как заранее спланированному содержанию, которое воплощается в грамматически связанном линейном ряду словоформ, т. е. в темо-рематической последовательности. Эта противопоставленность двух частей высказывания подчеркивается фактом традиционного интонационного и пунктуационного обособления вводно-модальных слов (парентез) в составе предложения.

Русский язык предоставляет говорящему разные возможности для выражения собственного отношения к сообщаемому. Говорящий при совершении речевого акта имеет возможность представить свое отношение к сообщаемому как заранее обдуманное, запланированное до момента речи, связанное с рациональным осмыслением и отбором слов, т. е. с активной сферой сознания. В таком случае говорящий выбирает форму: *Я думаю / считаю / полагаю / рад / сожалю / опасуюсь, что...* Такая запланированная и осознанная говорящим модальная оценка, как правило, в коммуникативной организации речевого акта становится началом, разбегом РА и произносится с соответствующей интонацией повышения тона. С этим связан и больший коммуникативный вес этой оценки: начиная таким образом свой речевой акт, говорящий претендует на большую важность для слушающего вводимой информации по сравнению с альтернативной возможностью выразить свое отношение (с помощью парентезы). Попадая в разные коммуникативные позиции, одна и та же информация по-разному воздействует на адресата, имеет разный психологический и коммуникативный статус.

Сфера коммуникативных значений представляет собой сферу тонких смыслов, различимых зачастую лишь в рамках лингвистических описаний, выражающихся имплицитно, порядком слов и интонацией. Можно предположить, что преднамеренная мыслительная деятельность человека прототипически выражается в темо-рематической последовательности (*Иван не придет тебя проводить*), которая соответствует базовой пропозиции как информационному центру сообщения, а спонтанная, часто эмоциональная реакция как выход внутреннего состояния, не запланированного заранее, прототипически выражается ДС-парентезой (*наверное / вероятно / скорее всего*). В этом смысле языковая природа вводно-модальных слов подобна языковой сущности междометий как средств, которые не называют эмоции, а служат знаками непосредственной эмоциональной реакции человека.

Язык часто определяют как форму существования сознания, возможно, что рассмотренное соотношение разных средств выражения модальных значений связано с разным психологическим зонам сознания говорящего, находящимися свое выражение в языке.

Проблема категориального статуса отыменных релятивов

Е. С. Шереметьева

Дальневосточный государственный университет, Владивосток

Синтаксис, конструкция, служебное слово, производный предлог, релятив

Summary. The paper discusses the problem of category status of derivative prepositions in Russian language.

Современный этап развития русского языка характеризуется заметной активизацией предложных и предложно-па-

дежных словоформ, выполняющих релятивную функцию, сходную с функцией предлога, например: *в духе, в деле, в*

свете, в порядке, в надежде, на предмет, на случай, по части, при условии и под. Сформировался особый класс единиц, чье функциональное сходство с предлогом определило их квалификацию в традиционной грамматике как «производные предлоги» в целом и «отыменные предлоги» в частности. В рамках понятия «предлог» проводятся все исследования этого явления, как на начальном этапе изучения (Финкель, Черкасова, Леоненко), так и в последнее десятилетие. Так, в программной статье авторского коллектива МГУ предлагается понятие «категория “предлог”» – «в широком, функциональном смысле этого слова» (Всеволодова и др.).

В целом такой – функциональный – подход вполне правомерен и, более того, актуален. Однако объединение в одну часть речи всех единиц, выполняющих функцию, подобную предложной, в итоге может привести к размыванию, если не уничтожению самого понятия «предлог» в русской грамматике. Подтверждение этому – неудержимо растущий за счет отыменных образований список «предлогов», количество которых доводится до 2-х тысяч единиц, и уже поставленный вопрос «о ревизии дефиниции предлога» (Конюшкевич).

Традиционно функцией предлога считается оформление подчинения имени знаменательному слову и конкретизация и дифференциация видов синтаксических отношений, которые выражаются падежной формой. Вместе с падежной формой конкретного имени предлог определяет роль этого имени в структуре предложения. Необходимость конкретизации этих ролей и вызывает, по мнению исследователей, появление всех вторичных предлогов. Однако возникает вопрос, где граница, которая может разделить служебную единицу – производный (вторичный) предлог, конкретизирующий роль зависимого имени, и полнознаменательное существительное в особой функции, формирующее самостоятельное, не грамматическое, а семантическое значение в предложении?

Серьезные сомнения одних исследователей по поводу определения отыменных релятивов как предлогов и стремление других расширить границы предлога показывают, что в трактовке данного явления понятие «производный предлог» уже сыграло свою положительную роль и на данном этапе становится тормозом. Отыменные релятивы в массе не вписываются в привычные рамки предлога. Их отличает:

1. Яркая лексичность в противоположность строгой абстрактности собственно предлогов, послужившей в свое время основанием для постановки вопроса о наличии у последних лексического значения. Так, даже такие, казалось бы, несомненные предлоги, как *в силу* и *по причине*, имеют семантико-синтаксические различия, обусловленные их связью с породившими их существительными. Каждый отыменный релятив – явление индивидуальное, с трудом поддающееся объединению на семантическом основании.

2. Возможность для ряда релятивов синтагматического варьирования при функционально-семантическом тождестве: (а) *в плане экономики* – (б) *в экономическом плане*; (а) *в духе Леонардо* – (б) *в Леонардовом духе*. В соответствии с грамматической традицией наличие / отсутствие адъектива служит основанием для констатации различия: (а) – предлоги, (б) – существительные. Однако функционально-семантическое тождество сочетаний в целом и каждого компонента

в частности заставляет искать иное решение вопроса, чем просто разделение по разным частям речи. Одно из предлагаемых решений – позиция нейтрализации (Ермакова) – скорее тоже постановка проблемы, чем ее решение.

3. Возможность для ограниченного числа релятивов иметь при себе зависимый инфинитив. Это свойство вообще противоречит природе русского предлога, тем не менее роль релятива в таких конструкциях ничем не отличается от роли релятивов в конструкциях с зависимым именем.

4. Вхождение простого предлога в состав большинства отыменных релятивов. Такая формальная структура релятива, противопоставленная по существу морфемной природе первичного предлога показывает, что релятив и первичный предлог – явления разного порядка.

5. Порождение и проявление служебности только в составе конструкции. Значительные ограничения на лексическую сочетаемость для большинства отыменных релятивов.

Обсуждаемое явление трудно – и возможно ли? – определить как четко очерченную группу с определенной маркировкой, по типу «союз – предлог – частица».

В зависимости от подхода, то, что традиционно называется «производный предлог», можно представить двумя полевыми структурами.

Если исходить из диахронического подхода, то центр – это сформировавшиеся производные предлоги, куда войдут прежде всего отнаречные и отглагольные образования, а также некоторые отыменные, потерявшие, как считается, всякую связь с породившим их именем. Периферия – ближняя и дальняя – это все остальные отыменные образования, которые можно располагать ближе к центру или дальше от него в зависимости от «степени утраты» именного и степени приобретения предложного значения.

С точки зрения синхронии полевою структурой можно представить в ином виде. Центр – это отыменные образования, «пульсирующая масса», сохраняющая в большей или меньшей степени тесные связи с именами существительными. А на периферии – наречные и отглагольные образования. Периферия – это то, что можно назвать предлогами. Наречия и глаголы практически не поставляют новых предложных образований. Существительные же время от времени как бы отбрасывают на обочину то, что перестало быть существительным и стало чисто служебным элементом. Семантико-синтаксическая роль помещенной в центр поля «пульсирующей массы» во многом определяется той падежной формой, которая приобретает в конструкции особые функции. Такое полевое представление выдвигает на первое место (в центр) функцию, а уже отнесенность к определенной служебной части речи уходит на второй план (на периферию).

Нужно заметить, что мы не отрицаем факт существования производных предлогов, так же как и необходимость продолжения выработки критериев, позволяющих определить завершенность перехода формы имени в предлог. Однако, на наш взгляд, в этом случае принципиально важно оставаться в рамках традиционного представления о предлоге, не расширяя их только потому, что в языке есть активно протекающий процесс. Именно незавершенность этого процесса требует изучения особой функции предложных и предложно-падежных словоформ без изначального решения о принадлежности данных единиц определенной части речи.

Значение и употребление коннекторов в самом деле и на самом деле

Т. Шимидзу

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова / Япония

1. Существенное свойство русского языка, которое всегда затрудняет иностранцев, – это богатство слов и выражений, в частности таких, которые обозначают почти одно и то же явление. В данной работе речь пойдет о значениях и употреблении близких по значению выражений русского языка *в самом деле* и *на самом деле*. Они все еще недостаточно изучены, хотя им посвящено несколько специальных работ.

2. Эти выражения относятся к особому типу лексических единиц, называемых текстовыми коннекторами. Коннекторы – это единицы, произнесение которых является сигнали-

зированием (не сообщением) автором высказывания логического отношения между двумя текстовыми сегментами. Наш анализ следует принципам авторов, указанных в ЛИТЕРАТУРЕ. В работе используются материалы, взятые из «Электронного корпуса русских газет конца XX-го века» Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ.

Для коннекторов *в самом деле* и *на самом деле* мы предлагаем толкования, включающие составляющие, которые позволяют эксплицировать выражаемый данными единицами смысл и могут быть понятными для иностранцев.

3. Коннектор *в самом деле* может быть представлен четырьмя модификациями:

1) сигнализирование обоснованности предыдущего высказывания. Например: *Русский фантаст должен жить долго. И в самом деле, знаменитому писателю-фантасту (и не менее знаменитому шахматному композитору!) Александру Казанцеву стукнуло 90.* (МК);

2) сигнализирование обоснованности данного высказывания. Например: *Балетная феерия с участием всемирно известных звезд была в самом деле великолепно – попробуйте-ка сделать 32 фуэте на пластиковом полу сцены на плэнэре, да при 30-градусной жаре!* (Лит.);

3) сигнализирование обоснованности отрицательной эмоции говорящего. Например: *Успокойся! Что ты кричишь на всех, в самом деле?*

4) сигнализирование сомнения в истинности предыдущего высказывания или удивления говорящего. Например: *Он всегда любил только Машу. – В самом деле?*

4. Коннектор *на самом деле* тоже может быть представлен четырьмя модификациями:

1) сигнализирование определения факта как имеющего место. Например: *Съездить в Москву ради того, чтобы лично встретиться с президентом и лично рассказать ему о том, что же на самом деле происходит в Чечне.* (Изв.);

2) сигнализирование подтверждения бесспорности предположения. Например: *Александр во время службы в органах не отличался особой меткостью. Если он на самом деле безупречно владеет оружием, значит, его научили этому, когда он был «в бегах».* (Изв.);

3) сигнализирование опровержения предыдущего высказывания. Например: *Был задержан литовский теплоход «Расейняй» с 63 тоннами меди и 61 тонной никеля на борту, предназначенных якобы для Калининградской области, а на самом деле для германских покупателей.* (Изв.);

4) сигнализирование настаивания на своей позиции. Например: *Сколько раз говорить, что возле этих приборов курить нельзя? Что вы, на самом деле, с ума что ли все походили?*

5. Существенным общим свойством рассмотренных единиц является подтверждение обоснованности сообщаемого. Каждая из них может быть употреблена лишь в том случае, когда речь идет о том, что не вызывает сомнения в его истинности или уместности. Иными словами, корректное употребление этих выражений предполагает, что обсуждается истинность сообщаемого. В самом простом случае обсуждаемое имеет место. Здесь могут выступать и *в самом деле* и *на самом деле*. Например: *Он сделал вид, что спит, и через полчаса в самом деле (на самом деле) уснул.*

В том случае, когда имеет место то, что не соответствует предыдущему предположению, может выступать только *на самом деле*. Например:

– *Неужели он болен?*

– *Нет, на самом деле он здоров.*

Для выражения *в самом деле* (модификации 1 и 2) характерно употребление частицы *и* в препозиции к нему. При употреблении *в самом деле* говорящий не очень уверен в обсуждаемом высказывании. Между сообщаемым и его подтверждением лежит некая процедура верификации. В этом случае *и* связывает сообщаемое и его подтверждение. Например: *Главный тезис столичного мэра – «оплата жилья должна соответствовать доходам населения» – будет принят во внимание. Иначе все и в самом деле закончится тем, что люди перестанут оплачивать жилье вовсе* (Лит.).

6. Выражения *в самом деле* (модификация 3) и *на самом деле* (модификация 4) могут употребляться как вводные единицы. Вводные употребления носят более эмоциональный характер. При этом *в самом деле* более предпочтительно, чем *на самом деле*.

Выражение *на самом деле* часто употребляется в роли обстоятельства. Для *в самом деле* такое употребление не соответствует норме, но в бытовой речи иногда встречается. Например: *Меня считают лучше, чем я есть в самом деле.* Мы считаем такие употребления некорректными. Выражение *в самом деле* используется здесь по аналогии, из-за значительного сходства *на самом деле* и *в самом деле*.

Нами отмечены также некорректные употребления *на самом деле*, например: *Гайдар публично дистанцировался от Бориса Ельцина – своего «крестного отца». На самом деле, найдя мужество фактически признать свое политическое поражение, Гайдар проявил слабость, когда отказался от дальнейших поисков компромисса* (МН).

Высказывание, в котором употреблено *на самом деле*, в этом случае подтверждает или поясняет обоснованность следствия из предыдущего высказывания. Здесь, очевидно, *на самом деле* замещает выражение *в самом деле*.

7. Значения рассмотренных выражений интересно сравнить со значениями таких единиц, как *действительно*, *в действительности*, *по существу*, *по сути*, *практически*, *фактически* и т. д. Это может быть важной задачей будущего исследования.

Литература

1. Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Текстовые коннекторы в разных языках: французское *EN EFFET* vs. русское *в самом деле* // Семантика и информатика. Вып. 37. М., 1999. С. 78–115.
2. Буглак С. И. *В самом деле или на самом деле?* // Русская речь, № 2. 1994. С. 54–58.
3. Баранов А. Н., Плузьян В. А., Рахилина Е. В. Группа единиц, связанных с идеей реальности (*действительно, в самом деле, на самом деле, в действительности*) // Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993. с. 76–104.
4. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Возражение под видом согласия // Языковая концептуализация мира. М., 1997. с. 304–309, 464–471.

Предлог *ради* в аспекте лингвоконцептологии

Т. А. Яценко

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь (Украина)

«Ради», лингвоконцептология, культурный концепт, этимология, семантика

Summary. The address deals specific character of preposition's *radi* function from a position of the cultural concepts.

Семантика предлога *ради* рассматривается как языковая манифестация области пересечения культурных концептов Радость, Цель и Причина. Принципиально важной представляется этимологическая связь предлога *ради* с именами *рад*, *радость*, а также с глаголом *радеть* ('заботиться'). В специальных этимологических исследованиях и словарях (М. М. Маковский, Ю. С. Степанов, М. Фасмер и др.) указывается, что имя *rad* в древнюю эпоху было общим для славянского и индоевропейского ареала, о чем свидетельствуют современное русское *ради* и полностью ему соответствующее древне-персидское *radī*, употребляющиеся как «послелог» (Христа *ради*), существительное при которых стоит в родительном падеже. М. Фасмер, приводя славянские соответствия *рад*, также замечает, что эти слова трудно оторвать от форм, приводимых на *радеть, ради*. Со славянскими соответствиями дается также *ради* как предлог и послелог (*чего ради*). Первичное значение старославянского и рус-

ского *радъ, рад* определяется как «готовый к благодеянию – его совершенно или восприятию», см. *радити* и *радети*. Показательно, что в «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля после пословицы *Не тем богат, что есть, а тем богат, чем рад* дается весьма примечательное толкование: «рад делиться».

Ю. С. Степанов пишет, что концепт Радость разработан явно недостаточно. С этим можно согласиться, но я хочу отметить, что концептуальное представление Радости с позиций русского (а возможно, и шире – славянского) народного сознания мы находим в Словаре В. И. Даля, в котором *ради* как предлог и послелог включается в словарную статью «Радость» и семантизируется следующим образом: «для, по причине, на пользу в угоду: *Ради тебя, я все сделаю!* Здесь же приводятся выражения *Просить Христа ради* и *ради Христа* со значениями 'умолять', 'побираться именем Христовым': *Дай Бог подавать Христа-ради, не приведи Бог*

просить! Именно в этих выражениях можно увидеть исконное значение *ради*, соотносимое с христианским пониманием Радости. Далее следуют союзные сочетания *сега ради, того ради, чего ради* с причинным значением 'по сей причине' и *чего ради? ради чего?* с целевым значением. Таким образом, В. И. Даль выделяет в *ради*, наряду со значением «в интересах кого-, чего-либо», значения причины и цели.

Осознать связь *ради с рад* помогает наличие в статье глаголов *радить* или *радеть кому, о ком, о чем* 'печься, заботиться, стараться, усердствовать; желать и хлопотать радушно, всей душой', а также *радить кому, что* 'советовать, давать советы, помогать советом, наставлять, дать ума, наумить, надоумить' (известно, что *радити* и *рада* широко употреблялись в древнерусском языке и сохранились в современном украинском языке). Приведенный материал позволяет увидеть богатство и значимость для русского языкового сознания понятия 'Радость' в целом и предлога *ради* как одну из его языковых манифестаций.

Известно, что в культурном концепте, в отличие от других ментальных единиц, которыми оперирует современная наука (понятийная категория, фрейм, сценарий), отмечается примат ценностного отношения к изображаемому объекту. В Словаре В. И. Даля, отражающем в полной мере языковое сознание русского народа, ценностное отношение к концепту Радость проявляется в толкованиях слов, в их расположении в пределах словарной статьи, в самом иллюстративном материале. Здесь мы находим понятие Радость, детерминированное русской культурой и выраженное разнообразными языковыми средствами, что позволяет сделать вывод о представлении Радости как концепта русской культуры, связанного с концептами Цель и Причина.

В современном русском языке внутренняя форма *ради* не выделяется. Предлог определяется как простой и неприводный. Но при его семантизации в современных словарях на первом месте стоит значение «в интересах кого-либо, чего-либо»: *Сделать что-нибудь ради друга* и даются синонимичные конструкции с *для + Р. п.* Второе значение определяется как целевое: «с целью, в целях чего»: *Ради отдыха. Ради наживы*; выражения *Ради Бога, Христа ради* даются как фразеологизированные.

Любопытно сопоставить этот материал с данными «Словаря языка Пушкина». Из 130 употреблений *ради* подавляющее большинство (97), приходится на сочетание *ради Бога*,

ради Христа, ради Господа, ради Господа Бога. Среди остальных употреблений *ради* наиболее частотное (14) значение «имея в виду, принимая во внимание интересы, благо кого -, чего-нибудь». Здесь же выделяется «во имя кого-, чего-нибудь». Употребление *ради* в целевом (9) и причинном (10) значениях почти совпадает по частотности.

Анализ языкового материала показывает, что *ради* часто используется как предлог, синонимичный *из-за* именно в причинно-целевом значении: *работать ради денег – из-за денег*. (См. об особенностях толкования *из-за* через *ради* в работе И. А. Мельчука, Л. Н. Иорданской). Помимо этого, если говорить об употреблении именной группы *ради + Р. п.*, то оказывается, что в ней возможно употребление имен только определенных классов, что было в основном представлено в монографии М. В. Всеволодовой, Т. А. Ященко. Нами выделены следующие классы имен: а) названия лиц, во имя которых совершается действие: *ради детей, ради Вас*; б) названия межличностных отношений, причем положительных: *ради любви, дружбы* (при **ради ненависти*); в) определенные социальные события, состояния, оцениваемые положительно: *ради победы, мира, свободы, праздника (*ради рабства, *ради похорон)*; г) названия моральных и материальных благ: *ради успеха, карьеры, денег, богатства (*ради бедности)*; д) названия развлечений: *ради смеха, шутки, удовольствия* и некоторые др. (особенности функционирования оборота *скуки ради* рассматриваются отдельно).

Как видим, эти именные группы передают или межличностные отношения, оцениваемые положительно, во имя которых и совершается субъектом определенное действие (соотнесенность с основой концепта 'Радость'), или нечто желанное субъектом, как в моральной, так и в материальной сфере. Эти наблюдения позволяют сделать вывод, что, хотя внутренняя форма *ради* в современном русском языке не выделяется, но она сохранилась в глубинах языкового сознания, налагая запрет на употребление *ради* с именованием нежелательных, неприятных для субъекта вещей, ср.: *ради праздника надел новую рубашку, *ради похорон надел черный костюм*.

Таким образом, *ради* относится к древнейшим пластам славянской лексики и представляет собой языковую реализацию одного из древнейших концептов мировой культуры, отражающих отношение человека к миру – земному и Высшему.